

Российский ПИСАТЕЛЬ

ГАЗЕТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ № 10-16 (228-234), май-август 2010 г.

НА КУРСКОЙ ЗЕМЛЕ ПРОШЕЛ ФЕСТИВАЛЬ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

С 3 по 5 июня в Курской области прошел Фестиваль литературы и искусства Центрального Федерального округа «Нам дороги эти позабыть нельзя...», посвященный 65-летию Великой Победы. Гости курян стали 130 писателей из самых разных регионов России от Карелии до Якутии, а также их коллеги из Беларуси и Украины.

(Продолжение на стр. 2)

Нам дороги эти позабыть нельзя...

Выступление Председателя Союза писателей России В.Н. Ганичева на пленуме правления Союза писателей России и Беларуси

Да, дорогие друзья, сотоварищи, поставившие себя в ряды литераторов, а еще выше, писателей, без тех дорог, вдоль которых легли лучшие сыновья и дочери России, Советского Союза, отступая от Бреста, Белостока, Клайпеды, Львова, Бендер, без тех дорог, на которых последними усилиями, с хряском костей, с натужным выдохом, вытаскивали из грязи полторки и 57-миллиметровки, шли и шли вперед солдаты Отечественной, по которым грыз щебенку Т-34-ый, а сверху уже не опасаясь вездесущих «мессершмидтов» устремлялись наши штурмовики, бомбардировщики, как и все советские войска, туда, на Запад — на Смоленск, Минск, Брест, Варшаву и Берлин.

Великую и небывалую победу одержал наш советский народ, наша Россия, русские люди, наши соотечественники. Да, много полегло наших воинов от мощной и высокоорганизованной агрессивной машины фашизма, от внезапности, от грандиозных просчетов командования, от воспитанного

человеконенавистничества в головах и сердцах европейских цивилизаторов, приговоривших наш народ к расчленению, распылению, уничтожению. Только всенародный порыв мужества, самоот-

верженность смогли спасти наше Отечество, а по существу весь мир, от цивилизованного варварства и гибели.

Как заметают свои следы все те, кто готовил войну, кто толкнул Европу в смертоносную пучину боевых действий, как выворачивают наши беды и ошибки, чтобы прикрыть сегодняшнюю свою нечестность к народу, простым людям, прихватить то, что еще недавно было всеобщей собственностью. Они готовы засыпать эти дороги пеплом беспамястства, извратить итоги войны, из мертвых тел героев и жертв они выстраивают трибуны для своих политических амбиций.

Ох, как снова понадобилось честное, горькое и бодрящее слово нашей литературы, слово фронтового поэта, газетчика, ползавшего на брюхе «ради нескольких строчек в газете», тех, кто войну пережил, прочувствовал, кто сам прошел по этим дорогам, а кто уже позднее ощутил их, как дороги боевой славы отцов и дедов.

(Окончание на стр. 3-4)

Событие

Связь времен — связь народов К 825-летию «Слова о полку Игореве»

Знаковыми в нашей культурной и духовной жизни стали первые дни июля этого года. И выразилось это в том, что новая Россия, от России исторической унаследовавшая славу мировой литературной и научной державы, на уровне своей медийной индустрии не сочла заслуживающим внимания такое событие, как 825-летие своего самого знаменитого и, к тому же, самого на сегодняшний день востребованного литературного памятника — «Слова о полку Игореве». Но группа энтузиастов все же создала общественный комитет и обратилась в ряд органи-

заций, с просьбой поддержать их инициативу по проведению памятных, посвященных «Слову...», мероприятий. Всемирный Русский Народный Собор, Союз писателей России и Беларуси, Украинский фонд культуры приняли решение поддержать идею проведения соответствующей Международной встречи писателей и ученых. Оказали поддержку этой идее полномочный представитель Президента в ЦФО Г.С. Полтавченко, мэр города Москвы Юрий Лужков, а со стороны Украины — Президент Виктор Янукович.

(Окончание на стр. 6)

Событие

Шукшинские дни на Алтае

25 июля в Алтайском крае завершился Всероссийский фестиваль «Шукшинские дни на Алтае». В этом году основные мероприятия фестиваля проходили под знаком нескольких юбилеев — 65-летия в Великой Отечественной войне, 35-летия фильма «Они сражались за Родину» и Года учителя.

По традиции, Шукшинские дни на Алтае, получившие всероссийский размах, включали в себя самые разнообразные мероприятия.

Поговорить о литературном таланте Василия Макаровича можно было с известными писателями в краевой библиотеке им. В.Я. Шишкова. Здесь на «литературном перекрестке» участники встречи вспоминали произведения Шукшина, рассуждали, чем дорог наш земляк и его творчество для России. В этом году на Алтай приехали лауреат национальной литературной премии «Большая книга» Владимир Костин из Томска и обладатель Большой литературной премии России Анатолий Байборodin из Иркутска.

(Окончание на стр. 13)

Ваше мнение

Мы публикуем результаты опроса общественного мнения, проведенного среди посетителей сайта «Российский писатель».

Союз писателей России
в событиях, именах,
призведениях
см. на сайте
www.rospisatel.ru

Фестиваль литературы и искусства Центрального Федерального округа

(Окончание. Начало на стр. 1)

Фестиваль литературы и искусства в Центральном федеральном округе начался с выездного пленума Союза писателей России и Беларуси в библиотеке имени Н. Асеева.

Открыл пленум и фестиваль председатель правления Союза писателей России, сопредседатель Союза писателей России и Беларуси **Валерий Ганичев**. Он отметил, что литературные праздники в центре России стали традиционными. И все они – в Орле и Белгороде, Липецке и Калуге, а теперь и в Курске – проводятся по личной инициативе полпреда президента в ЦФО Георгия Полтавченко, стараниями администрации округа.

В. Ганичев также поблагодарил руководство Курской области в лице губернатора Александра Михайлова, председателя Курской областной думы Александра Кичигина и архиепископа Курского и Рыльского Германа за проведение столь масштабного форума писателей на древней и героической Курской земле, богатой талантами и творческими людьми.

Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе **Георгий Полтавченко**, по инициативе которого ежегодно уже пятый раз проходит этот ежегодный Форум культуры, приветствовал участников курской встречи:

«Дорогие друзья! Поздравляю вас с открытием пленума, посвященного 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, и фестиваля литературы и искусства Центрального федерального округа.»

Представительный форум писателей России, Беларуси и Украины, проводящий в городе Курске – событие большой общественно-политической значимости.

Уверен, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе пленума, будут востребованы и в Центральном федеральном округе, и в России, и в Беларуси и на Украине в целом.

Желаю вам плодотворной работы и новых достижений на благо народов Святой Руси ...»

С приветствием к участникам фестиваля обратился губернатор Александр Михайлов. Он рассказал о том, как возрождается духовная жизнь в области.

Действительно, курянам есть чем гордиться. Установлены памятники выдающимся россиянам и их землякам Георгию Свиридову, Евгению Носову, Константину Воробьеву, открыт Литературный музей и Дом литератора, издаются книги курских писателей ...

Валерий Ганичев вручил Курскому губернатору общественную награду – орден «Держава» за активную поддержку культуры и сохранение национальных традиций.

В выступлениях писателей затрагивались самые острые темы, но при этом почти все участники говорили об отношении общества и государства к фронтовикам, о том, как цинично искажается история Великой Отечественной. Даже в учебниках истории она предстает порой не как война народная, священная, а как война «двух тоталитарных систем».

Особенно обидно это ветеранам, которые лучше всех знают, как было на самом деле. **Александр Харитановский** сказал, что лучшим подарком людям, прошедшим Великую Отечественную, было бы появление поколения «надежных людей, любящих свою Родину».

Книга участника пленума курянина **Петра Михина** «Война, какой она была» переиздана в Москве, а недавно еще и в Лондоне, получив название «Пушки против рейха». В ней – историческая правда глазами очевидца.

Свой вклад в осмысление и переосмысление войны вносят и писатели послевоенного поколения. Такова, например, книга участника фестиваля **Игоря Шумейко** «Вторая мировая война. Перегрузка», получившая самое широкое читательское признание.

Писатель **Александр Арцыбашев** рассказал, как перед отъездом беседовал с 87-летним писателем Юрием Бондаревым, который назвал курский край « навеки родственной землей », поскольку

именно здесь он воевал в 98-й дивизии армии Конева.

Говорили также о крайней необходимости закона о творческих союзах, о том, как с помощью слова бороться с бездуховностью нового времени, как противопоставить высокохудожественное духовное слово заполонившей телеэкран безвкусице, о многом другом.

Архиепископ Курский и Рыльский **Герман остановился на проблемах исторической памяти, роли ветеранов в воспитании молодежи, а также пригласил всех гостей участвовать в крестном ходе с иконой Божией Матери «Знамение» Курская Коренная.**

Первый секретарь Белорусской писательской организации **Геннадий Пашков** вручил **Александру Михайлову, Валерию Ганичеву** и сопредседателю Союза писателей России **Сергею Котьяло** диплом «За вклад в укрепление творческого содружества писателей Белоруссии и России».

Пленум избрал секретарем Союза писателей России **Николая Иванова**. А курянам **Алексею Дериглазову, Николаю Шатохину** и **Виталию Белоусову** были торже-

ственно вручены членские билеты Союза писателей России.

В этот же день писатели **Владимир Молчанов** (Белгород), **Ренат Харис** (Казань), **Михаил Поздняков** (Минск), **Игорь Тюленев** (Пермь), **Николай Гребнев** и **Вадим Корнеев** (Курск) и др. мастера художественного слова вместе с артистами Курской областной филармонии приняли участие в концерте «Нам дороги эти позабыть нельзя»...

По итогам работы участники пленума приняли **Обращение к соотечественникам**.

В этот же день в Курске состоялась церемония открытия Дома литератора. Председатель Курского областного отделения Союза писателей России **Николай Гребнев**, встречая своих первых гостей, с радостным волнением поделился с ними своими планами: «Уже скоро здесь будет открыт дискуссионный клуб. Кроме того, здесь можно будет приобрести книги курских писателей. Будут представлены и новые имена, и любимые произведения наших классиков - Евгения Носова, Константина Воробьева. Здесь же продолжит еще более плодотворно работать

наш издательский центр, где будут печататься книги курских писателей. В наших планах организовать также школу для начинающих литераторов, в которой занятия будут вести мэтры художественного слова нашего края».

А на следующий день писатели, разбившись по группам, встретились со студентами и преподавателями Курского государственного университета, с читателями городских библиотек и школьниками, а также выехали на творческие встречи с энергетиками Курской атомной станции, с жителями Железногорска, Льгова, Рыльска, Поньрей и Медвенского района.

В программе фестиваля было конечно же предусмотрено и посещение командного пункта маршала Рокоссовского, мемориалов Курской битвы.

В последний день фестиваля писатели приняли участие в крестном ходе с иконой Божией Матери «Знамение» Курская Коренная, посетили одну из главных русских святынь - Коренную пустынь и Х межрегиональную универсальную оптово-розничную Курскую Коренскую ярмарку.

Сбережем красоту Победы!

Обращение участников Дней литературы и искусства ЦФО «Нам дороги эти позабыть нельзя», посвященных 65-летию Великой Победы

Дорогие соотечественники! Писательский десант, отметив 65-летие Победы, прибыл в Курск в преддверии празднования очередной годовщины Курской битвы. У каждой из главных битв Великой Отечественной – свое трагическое и счастливое лицо, своя особая судьба: историческая, военная, человеческая и, наконец, промыслительно Божественная.

Именно здесь, под пальцами курским небом, насмерть стояли друг против друга более четырех миллионов советских и фашистских солдат и офицеров. Стояли именно так, как пелось в «Священной войне»:

*Как два различных полюса
Во всем враждебны мы.
За свет и мир мы боремся,
Они – за царство тьмы...*

Здесь благородная ярость Курской битвы вскипела, как волна, и разгромила 30 отборных дивизий противника. Здесь пошла прахом бесовски задуманная фашистами операция «Цитадель».

Сегодня, кланяясь Курской земле, мы смотрим в лицо не просто грандиозному военному сражению с его оборонительной и наступательной операциями июня-

июля 1943 года.

Мы смотрим не просто в даль огромной дороги, политой кровью и потом, вымощенной душевной болью, любовью и молитвой дороги, которая победно вела наши войска клевобережной Украине и Киеву, наземлю Белоруссии и далее к Берлину. Вела вслед за Сталинградом и Орлом к Великой Победе.

Мы смотрим сегодня из нашего далека в человеческие глаза Ольховатки и Поньрей, Обояни и Корочи.

Сегодня они уже легенда.

Мы приехали сюда, также как в былые годы в Сталинград, на Прохоровское поле, Рязань и Калугу, Смоленск и Минск, Орел и Брянск, – для того, чтобы одеть эту легенду в слово. Чтобы писательское слово стало той непробиваемой

броней для каждой из легенд Великой Отечественной, в которую по-прежнему нацелены ножевые и пушечные удары клеветы, зависти и злобы.

«Третья мировая уже началась», – провидчески сказал в 70-е годы прошлого века русский критик Юрий Селезнев. Наша писательская «третья мировая» – в том, чтобы уберечь легендарные предания Второй мировой – и еще заветнее – Великой Отечественной. Священной. Народной.

Да, говорим мы ответственно, сегодня нам и нашим потомкам в меньшей степени нужны подробности ошибок и временных военных неудач, а в большей – нужна вдохновенная легенда нации о её великой освободительной миссии, о её всечеловечности, о её кротос-

ти и терпении, о её силе и гневе, о её святости в подвиге, о её всемирной отзывчивости.

Празднование 65-летия Победы еще раз напомнило нам не только о безоговорочном праве на радость, но уже в который раз обнаружило чувство тревоги и бдительности по поводу попыток очередных фальсификации Великой Отечественной войны, отрицания или умалчивания значения беспримерной народной жертвы в минувшей войне.

Нельзя обойти молчанием и тот факт, что литература о Великой Отечественной – военная проза и поэзия, как мы её называем, – выводится на обочину общественного сознания. Обращает на себя внимание тенденциозная избирательность в подборе и выборе имен.

В майские победные дни по-стыдно отсутствовало имя Александра Твардовского, чье столетие мы будем отмечать в ближайшее время. Не потому ли, что Василий Теркин слишком пристально смотрит в глаза потомкам победителей. Слишком честен. Слишком прям. Слишком прост. А автор напоминает нам:

*«Вот стихи, а все понятно,
все на русском языке...»*
– Не потому ли?

Писатели России, Украины и Беларуси уверены в том, что литература Великой Отечественной войны должна стать обязательной и весомой частью программного курса в средней и высшей школе.

Пусть же наше встреча соберет в эти трудные дни лучшие силы, лучшие мысли и чувства для того, чтобы легенда и легендарная слава русского народа и всех народов Советского Союза, победивших фашизм, прорастала в наших детях и внуках верой, гордостью и достоинством.

Память павших из рода в род!

*Писатели России,
Украины и Беларуси
3 июня 2010 г., г. Курск*

Нам дороги эти позабыть нельзя...

(Продолжение. Начало на стр. 1)

Мы в Союзе благодарны нашим фронтовикам-писателям. 26 апреля была открыта памятная доска, на которой выбито: «Всем писателям России, сражавшимся за Отечество и Русское Слово». И как их завет, выбиты нам в словах Анны Ахматовой: «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово».

Почтим память вставанием всех тех, кто ушел из нашей жизни, утверждая будущее, и кого, как и фронтовые дороги, позабыть нельзя!

Пять дней назад мы вручили знаменитую военно-патриотическую литературную премию «Прохоровское поле» нашим писателям, из них трем фронтовикам — легендарному профессору Литературного института девяностотрехлетнему лауреату Государственной премии Семену Ивановичу Шуртакову, который на Тихом океане заканчивал Вторую мировую войну, прекрасному белорусскому писателю-фронтовику Алесю Савицкому, «Наш современник» только что закончил печатать его драматический, но светлый роман «Лесная пристань». Это уже начал действовать наш Российско-Белорусский Союз и МСПС. И не очень широко известного, но стремительно, как Николай Зиновьев, пришедшему недавно на страницы наших газет и журналов фронтовику из Россоши Воронежской области Тимошечкину Михаилу Федоровичу. Строка Михаила Федоровича: «Враг был силен, но победили мы!» — может вполне быть девизом нашей встречи.

Прочитаю вам стихотворение, напечатанное в «Роман-журнале» и «Российском писателе» «ПРАВДА О ВОЙНЕ»:

*Взметнется эхом в стороне
Железный хруст
И станет слухом о войне
Из чьих-то уст.
Стучу по танковой броне:
— Откройте люк!
Хочу знать правду о войне
Из первых рук.
Ответа ждать — напрасный труд:
Молчат внутри.
Как будто просят и зовут —
Влезай, смотри.
Танкисты корчили в огне
От смертных мук.
О том рассказывают мне
Огарки рук.
У танка предадим земле
Всех четверых
И после в первом же селе
Помянем их,
Чтоб сердце вяже и во сне,
Чтоб в каждый стук
Вбирало правду о войне
Из первых рук.*

И второе стихотворение «А Я БОЯЛСЯ НА ВОЙНЕ...»:
*А я боялся на войне,
Чтоб сонным в плен не захватили*

*И чтоб случайно не убили
От взвода где-то в стороне.
Чтоб бомбою в глухом овраге
Не уложило наповал,
Чтоб не пришли домой бумаги
О том, что без вести пропал...
И в охраненье боевом
Чтоб след мой вдруг не затерялся,
Чтоб мёртвым я не распался
Пред торжествующим врагом...
О доля, высшая из всех,
Что уготованы солдату, —
Пасть на бегу на белый снег
В цепи под клич её крылатый
С мольбой в душе, чтоб на поверке
Среди просторного села
Хотя б на тоненькой фанерке
Твоя фамилия была.*

А Никите Сергеевичу Михалкову я бы прочитал стихотворение «ЗАЛЕГ СОЛДАТ В ОТКРЫТОМ ПОЛЕ»:

*До глубины потрясена,
Земля качается от боли.
Там, где заставила война,
Залёг солдат в открытом поле.
Торчат обмотки, башмаки
Из-под расластанной шинели.
И пушки бьют из-за реки
По серой видимой мишени.
Подним, от кровушки пьяная,
Земля дрожит, войне внимая,
До самых недр потрясена,
Контужено-глухонемая.
А солнце в небе голубом
Лучи свои перепрядает.
А он, уткнувшись в пашино лбом,
Недвижно смерть переживает.
Жестка комкастая кровать.
Рубцы и вмятины на теле.
...Мы не умели воевать.
Мы только победить сумели.*

А еще в Прохоровке вручили премию всенародному любимцу, сопредседателю нашего Союза Михаилу Ножкину. Незабываемо, когда во Дворце культуры поселка Шебекино пятьсот школьников, молодых людей пели вместе с ним песни о войне, и слова уже, как говорят нынче, культовой песни «А я в Россию, домой хочу...» как бы утверждали их желание быть в России и постоять за нее, когда совсем не страшно и в первом и последнем бою.

Одна премия для детского писателя утверждена в Прохоровке, но и она вручена писателю Колеснику, написавшему книгу для ребят о замечательном полководце Ватутине. Колесник хотел бы остановиться на принципиально важной теме. Мы почти не говорим о гражданских потерях — жертвах войны, о великих жертвах нашего народа, принесенных для Победы. Из-за ложной толерантности мы не говорим о своих жертвах, и это притупляет нашу боль, хотя снимает вину с тех, кто с мечом пришел в нашу страну. Вполне по-человечески мы сочувствуем: — погибшим при бомбардировке Дрездена; — сожженным в Хиросиме

после атомного взрыва; — исчезнувшим из жизни в Холкосте.

И это правильно, ибо русский человек, как говорил Достоевский, — всечеловек, ему доступны страдания всего человечества. Но почему мы в стране стали забывать о жертвах войны, не вспоминаем соотечественников, уничтоженных этой войной? Не от комплекса ли, который нам прививают в отношениях с Европой и Западом? Немечко-фашистские захватчики разрушили или сожгли более 1710 городов, более 70 000 сел и деревень (!), было уничтожено 6 миллионов зданий. Лишились крова более 25 миллионов человек. Были уничтожены и разрушены 31 850 промышленных предприятий. Почти 17 миллионов наших граждан погибли от бомбардировок городов и сел, на дорогах эвакуации, мирные люди были уничтожены в концлагерях, в немецком плену, погибли от рабского труда на территории Германии.

Гитлер был зловещий русофоб, он и его клика приговорили славян к уничтожению. Он патологически ненавидел Россию и русских. «Кто может оспаривать мое право уничтожать людей низшей расы, которые размножаются, как насекомые... Надо взять у России все, что нам нужно». Эти слова Гитлера взяты на вооружение всеми сегодняшними, антирусскими течениями, какими бы цивилизаторскими, общечеловеческими, геополитическими словами они ни прикрывались.

Мы создали при Союзе писателей России и Всемирном Русском Народном Совете по возрождению российской деревни. Один из разделов его деятельности — память о погибших деревнях и в годы войны. Белорусская Хатынь — всем нам напоминание о жертвах, в России такого нет, а между тем, в одной Смоленской области уничтожены войной и оккупантами сотни сел, свыше 530 тысяч жителей уничтожены или исчезли из этих деревень. Это ведь 19 (!) Бухенвальдов. Мы помним Бухенвальд, но кто вспомнит русские Ивановки, Петровки, погибшие от рук врага?

Может, наше беспомыслие, апатия и приводят к тому, что к нам предъявляют претензии, счет Латвия, Польша, западная Украина, а Западная Европа высокомерно, а может, намеренно, прикрывая свою вину, забывает о решающей роли Советского Союза, России в Победе над фашистской Германией. Надо, чтобы лозунг: «Никто не забыт, ничто не забыто» был бы в полной мере отнесен и к жертвам среди мирных жителей.

Автору этой темы Фомичеву Владимиру присуждена, на мой

взгляд, важная тема, которая обращает внимание на жертвы войны, на наши деревни, и этой теме обязательно должны быть посвящены музейные экспозиции, выставки, страницы и номера журналов и газет.

В конце XX века мы в нашей культуре жили под покровом трех гениев — Михаила Шолохова, Сергея Бондарчука и вашего выдающегося земляка Георгия Свиридова. Георгий Васильевич любил приходить в наш Союз, знал прекрасно нашу литературу, нередко приглашал к себе домой. Это были великие уроки творчества, сердечности и патриотизма.

Нельзя здесь, в Курске, не говорить, а еще лучше, — слушать музыку Свиридова. Его творчество и есть те дороги, которые нельзя забывать. Их можно и нужно пройти каждому культурному человеку, каждому гражданину нашего общего Отечества — Святой Руси.

Я не раз бывал в гостях у Георгия Васильевича, был на его концертах. Однажды он стал рассказывать, в связи со своими произведениями, о Блоке. Это был потрясающий, многоцветный букет знаний, понимания поэзии, ее звука, ее музыки, тонких нюансов творчества поэта, его связи с миром духовным. Я воскликнул: «Георгий Васильевич! Вы же можете защитить докторскую диссертацию по Блоку!» Его жена Эльза Густавовна с твердой уверенностью и непоколебимостью сказала: «Знаете, Георгий Васильевич может с успехом защитить диссертацию и по Пушкину, Лермонтову, Тютчеву, Некрасову, Есенину, Бунину, Прокофьеву, Клоуеву, Твардовскому, Рубцову...»

Да, Свиридов был самый «литературный» композитор. Глубоко знавший сегодняшнюю литературу, читавший Распутина, Астафьева, Селезнева, Прасолова, Передеева, Кайсына Кулиева, Рубцова, Кострова, Кузнецова, Куняева и других, он приходил к нам в Союз, чтобы получить премию Есенина, но посвящал это разговорам о литературе, о Великой Отечественной и о России.

Думаю, что нам всем надо пройти дорогами Свиридова, его мыслями, его музыкой. Он сказал как-то: «Я прожил долгую жизнь. В моей музыке отразились искания русской души». Он не только великий композитор, он великий мыслитель, замечательный писатель. Он стал подлинно национальным композитором, а отсюда и мировым. Георгий Васильевич внимательно следил за изменениями в обществе, сокрушался, но и надеялся на лучшее будущее.

В одной из последних записей на Пасху (1994 г.) он писал: «Боже,

неужели это не фарс, а подлинное возрождение, медленное, трудное очищение от зла? Но кажется иногда, что именно это наиболее верный путь.

А народ расслоился: с одной стороны окончательное падение в бандитизм, проституцию во всем, с другой стороны — Церковь и интерес к жизни Духа... Теперь надежда лишь в спокойствии и ТЕРПЕНИИ (опять и опять). Кажется, это есть в церковных людях. Терпение, но и действие. Пошли, Господи, блага и здоровья всем близким. Помилуй нас».

Я благодарю издательство «Молодая Гвардия» за то, что оно выпустило, подготовленную и составленную страстным пропагандистом творчества Георгия Свиридова, музыковедом и членом нашего Союза Александром Сергеевичем Беланенко, книгу мемуаров Георгия Свиридова «Музыка как судьба».

Это то, что должен прочитать каждый из нас, посоветовать прочитать друзьям, что можно и нужно читать вслух — в семье, школе, в аудитории, у костра. И тогда вы проникнетесь духом России, ее исканиями, ее истинами. Вы отбросите блуждания по модернистским и прочим заумным тропам, вы прочтете слова о служении своему народу, служении, которое должно быть сопряжено с судьбой народа, искусстве, которое должно быть понято народом.

«Русское искусство, — сказал на Всемирном Русском Народном Соборе Георгий Васильевич, — должно быть простым, потому что оно христианское искусство. Христос ведь прост. Это самая идеальная простота. Никакой двойственности. А вот Иуда — сложная натура. Сложная, потому что он предатель. Христос не сложный, но недостижима эта простота для нас».

Мы благодарим Курск за память о Свиридове, за те конкурсы, которые здесь проводятся, за сохранение духа гения нашего народа.

Ну и конечно, мы не можем здесь не вспомнить великого курянина, волшебника слова, фронтовика Евгения Ивановича Носова. Многие его рассказы, многие повести были событием. Его «Усвятские шлемоносцы» одной живописью слова и эпической картиной движения народа стали символом художественной правды о Победе.

Но вот творчество таких мастеров, как Е. Носов, К. Воробьев, говорит, что литература об Отечественной — это золотые страницы нашей словесности. Ведь без этой свидетельницы времени нашим людям навязывается статус безвольного, расслабленного человека, на всех накладывается комплекс вины.

(Окончание на стр. 4)

НАСНИМКАХ:
руководитель Курского отделения Союза писателей России Николай Гребнев; возложение венков; Крестный ход с иконой Божией Матери «Знамение» Курская Коренная.

Нам дороги эти позабыть нельзя...

(Окончание. Начало на стр. 1, 3)

Назовем всего некоторые из произведений, которые невозможно не знать нашему человеку, без которых невозможно понять истоки нашей победы. «Они сражались за Родину», «Наука ненависти», «Судьба человека» М. Шолохова, «Василий Теркин» А. Твардовского, «Русские люди», «Дни и ночи» К. Симонова, «Русский характер» А. Толстого, «Фронт» А. Корнейчука, «Морская душа» Л. Соболева, «Непокоренные» Б. Горбатова, публицистика И. Эренбурга и Н. Грибачева, послевоенные «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Горячий снег» Ю. Бондарева, «Мой Сталинград» М. Алексева, «Пастух и Пастушка» В. Астафьева, «Полководец», «Генералиссимус», «Жуков» В. Карпова. Появились и переиздавались произведения об Александре Невском, Суворове, Кутузове, Дмитрие Донском, Ушакове, Нахимове.

Нельзя знать историю войны и победы, не зная песен того времени. На второй день Отечественной войны встал в строй песня-знак, песня-оберег «Священная война» Василия Лебедева-Кумача, а затем «Песня смелых» («Смелого пуля боится») и «В землянке» А. Суркова, «Жди меня» К. Симонова, «Песня о Днепре» Долматовского, «Шумел сурово Брянский лес» А. Софронова, «Соловьи», «На солнечной поляночке» Фатьянова. Не забудем, что в 1943 году С. Михалков и Г. Эль-Регистан написали Гимн Советского Союза. И потрясающий факт: в 1943 (!) году Михаилу Исаковскому, автору всенародной «Катюши», песен «На позиции девушка...», «Лучше нету того свету» и др., были присуждены Государственные премии.

Предлагаю от имени встречи, от пленума внести предложение, как это сделано с «Красным колесом» — сделать произведения об Отечественной войне — обязательной частью образовательной программы. 65-я годовщина — Великой Победы дает нам полное право и повод утвердить патриотизм, сказать правду о войне, о ее героях. Удивительно, но чем дальше мы удаляемся от мая 1945 года, тем больше у нашей Победы оппонентов и врагов. Те, кто с благодарностью говорил тогда и еще десятки лет назад о решающем вкладе Советского Союза, советского, русского и других народов нашей страны в Победу, стали вначале умалчивать, а потом и отрицать это.

Они забыли, что 600 тысяч наших воинов полегли на территории Польши, сотни тысяч на полях сражений на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Германии. Стали ли известны вопиющие факты, отрицающие этот вклад? Да нет. Отменен ли Нюрнбергский приговор?

Нет, его пока что не отрицают. На Украине, где я в октябре месяце участвовал в г. Николаеве в южно-украинской встрече по защите русского языка, в местной газете «Ридне Прибужье» была напечатана статья «Дети полицаев», которая прогремела по всей республике. Автор-редактор этой газеты Н.Г. Машкин убедительно показал, как отсидевшиеся в сараях, подпольях, тихих чиновных местах дети (он имел в виду отнюдь не только физических потомков, а скорее духовных продолжателей) полицаяев, предателей страны и народа, истекающего тогда кровью, ныне все-таки решили продолжать дело предательства, совершив расправу над победителями, над Победой, над ее результатами. Они сомкнулись с теми либеральными крити-

ками советского строя, кто подыграл западным фальсификаторам, историческим ненавистникам России. И этот злобный, махровый антисоветизм привел к распаду страны победителя, к той исторической драме, о которой сказал Владимир Путин. Этот антиисторизм, антисоветизм привели к тому, что:

- эсэсовцы шествуют по улицам Риги,
- убирается памятник советского солдата в Таллине,
- Бандера становится героем Украины,
- Власов выдается за борца с коммунизмом, за пламенного предшественника беловежской тройки.

Отсюда война не Отечественная, не Священная, а как продекларировано в организации ОБСЕ, куда мы так трепетно рвемся, это была «война двух хищников», война Германии и России (обратите внимание, не СССР), это была схватка Гитлера и Сталина. Ну и отсюда нужно громить, как они говорят, «Победоманию» в нынешней России.

В замечательной Игоря Шумейко «Вторая мировая война. Перегрузка» показано, как фактически вся Европа: Финляндия, Венгрия, Италия, Румыния, а рядом — Чехия, Франция, Голландия, Словакия, Австрия, Испания (кроме Югославии) — воевала против нас. Советую прочитать эту книгу, где на фактах показано, сколько чешских танков из Пльзена утюжили наши земли во все годы войны, где сказано, что французских головорезов-фашистов на советских фронтах было больше, чем всех участников французского сопротивления, как Швеция гнала железную руду в Германию. И Европа нынче отыгрывается, пытается замазать свои грехи и переложить свое капитулянтство и покровительство фашизму на нас.

На заре перестройки Александр Яковлев сказал: «Пока не перемрут фронтовики, мы не сможем сломать этот советский дух Победы». Сейчас им кажется, что фронтовики «ушли». А ОБСЕ в своей заносчивости и гордыне уравнивают Гитлера и Сталина. А за этим последовала под этим же названием кампания у нас в стране.

Громяхают в мировой атмосфере громы всевозможных экономических и технологических, масштабных и локальных кризисов, сверкают все сжигающие молнии природных извержений вулканов, разверзаются опустошительные землетрясения, гигантские волны цунами уносят в океанские пучины тысячи и сотни тысяч людей. Явственно видно, что человек далеко не владеет этим миром и не является его хозяином. Всё явственнее видно, что в утверждении о том, что сегодняшний мир — это мир homo sapiens, проявляется чванливая гордыня, ибо в обществе нередко торжествует забота об одном homo, отсекая добытое с большим трудом понятие sapiens. Да к тому же отнюдь не воплощающее в полной объёмной степени понятие человека, дарованное нам Богом.

И что же? Как прозреть, увидеть, предусмотреть, предотвратить эти перемещающиеся в пространстве и в душах катастрофы, разломы, беды?

Есть убежденные сторонники только рыночных экономических действий, создания технологических стопоров, другие выступают за жесткие государственные или межгосударственные меры. Нам в России было бы глупо всё это отрицать, но не менее губительно было бы уповать только на усилия государственных структур,

элиты мировых корпораций, не потратив время на диалог с обществом, с массой людей, отдельными их группами, определяя сборное мнение. Это было бы почти смертельно для будущего образования. И, может быть, наиболее губительно было бы превращение нашего национального образования в некое чиповое сознание, в набор технологических приёмов, в насыщении его только чувствительными приборами, методиками, не заботясь о его чувствительной душе, о воспитании, о совести, о постижении исторической великой традиции нашего народа — самопожертвовании, о собираемости целостной личности.

Ну, например, если мы выдернем из нашего образования или истончим полнокровные духовные стержни — литературу и историю, — то никакой духовный реактор уже не возгорится в будущем и не даст тепла нации. Сотни вопросов возникают в обществе и пока ещё есть тысячи людей, которых интересует судьба детей, молодёжи, надо широко обозначать их в СМИ, на конференциях, на встречах, чтобы не создавалось впечатления о том, что вопросы для нашей школы, образования притекают откуда-то извне — то ли из Болоньи, то ли из школ восточных единоборств.

На нынешнем Соборе одна из секций ставит задачу обобщить опыт народной педагогики. Думаем, что овладеть ею, поставить рядом с мировым опытом вполне уместно.

Праздник 9-го мая показал, какие великие источники воспитания и энергии таятся в традициях народа, в его истории, и в то же время показал, какую злобу источают враги нашего народа против Победы, как ополчились они против неё. Какие злобные, ядовитые информационные облака надвигались на неё: «трупами закидали», оккупировали Европу», «дрались две тирании», «Лэнд-лиз спас» и т.д.

ВРНС, Союз писателей России, другие организации проводили за эти годы многие детские конкурсы сочинений, стихотворений, рисунков о Великой Отечественной войне. Мы получили за это время фантастический результат: во всех сочинениях, подчёркивая во всех, славилась Победа, во всех рассказывалось о буквально былинных подвигах делов и прадедов (уже не отцов) — простых пехотинцев, связистов, техников, артиллеристов, тружеников. Дети своим воображением возносили их до имён Ильи Муромца, Святогора, Евпатия Коловрата, Ивана Сусанина. Дети захотели быть (а они и были) правниками победителей, хотели жить в стране-победительнице, а не в стране побеждённой, опозорившей себя преступлениями. Они хотят видеть и знать своих героев.

И, слава Богу, наш народ отнёс, смыл грязевые потоки, пылавшиеся очернить Победу, победителей. Удивительно, как красиво и многоцветно отмечала Москва и вся страна этот праздник, как эхом отозвался шум отечественной техники во всём мире с парада на Красной площади.

Спасибо ветеранам, этим ангелам войны, осенявших нас и в этом году, спасибо школе, спасибо церкви, нашим соотечественникам.

Ну не великие ли события разворачивались перед нами в эти дни и в других местах: по Крещатику, по Киеву шли братские колонны воинов Украины, Белоруссии, России победителей фашизма. В центре Киева устанавливается памятник величайшему лётчику страны, Украины, трижды Герою Советского Союза Ивану Никитичу Кожедубу — нашему общему герою.

Ну, а разве не следовало восхищаться другими подвигами, например, когда наш соотечественник, Герой Советского Союза и Герой России А. Чилингаров опустился на дно Северного полюса, обозначив не только беспримерное мужество, но и наше первородство, первородство России.

Ну, а разве провозглашение создания выдающегося Инновационного научного центра в Сколково не открывает новые горизонты науки и дорогу пытливым молодым умам. Правда, для этого следует еще много потрудиться. Ну, а разве не чудо совершилось на наших глазах в Белгородской области. Несколько лет назад общественность, администрация, верующие, да и все белгородцы заявили, что в каждом селе будет возведён, восстановлен порушенный в годы лихолетья храм или вновь возведена церковь. И в эти победные дни, когда Святейший Патриарх освящал там открытие храма Веры, Надежды и Любви и матери их Софии, участвовал в открытии второй очереди Прохоровского музейного комплекса, ему с достоинством доложили об исполнении своего обязательства почти в каждом селе.

Правда, рядом существовали некоторые несообразности. Вот 5-ый канал заклеил многометровыми афишами своих ведущих здание метро Дзержинского и некоторые другие здания и вокзалы. Было бы уместнее, чтобы здесь в эти дни были многометровые портреты Виктора Талалихина, совершившего первый таран над Москвой. А где же Зоя Космодемьянская, подвиг которой знает весь мир, а почти сказочный, но реальный Александр Матросов, рывок которого на амбразуру повторило 720 человек? Наши многие соборяне отмечали, что наш народ хотят отучить от «победомании». Но, слава Богу, наши дети жили в атмосфере подвига, и они хотят жить в стране-победительнице (а не в зоне беспомощности). А народ наш, молодое поколение, нацелен на высокие цели. Только надо уметь их показывать, прочерчивать пути.

И мы — общество, общественные силы, наш Собор, наша встреча, пленум, наши учителя — должны почувствовать и утвердить атмосферу «Общего дела».

Конечно, должна утвердиться справедливость, изгнана коррупция, уважение к социальному миру. Но надо не предаваться унынию, надо героизировать наш народ — народ-созидатель, труженик. Надо, чтобы дух Православия, Веры пришёл к каждому. И эту Веру, это общее дело, это утверждение высших ценностей нашему молодому поколению и должны дать наша школа, наше образование, наше общество.

Детские писатели и писатели для детей.

Нам стоит только оглянуться и не гнаться за коммерческим многоцветьем обложек.

Думаю, что все мы плохо знаем окружающий нас мир подлинных писателей, мастеров и кудесников, которые так нужны нашему юному читателю, ещё не постигшему всю красоту и загадочность русского языка, русской природы, русской былинно-сказочной истории.

Один из этих кудесников, не очень что пропиаренных, да ему и слово-то это глубоко противно — Александр Николаевич Стрижёв.

Да, печатал его «Роман-журнал XXI век» и журнал «Новая книга России». Да Союз писателей присудил ему Имперскую и Большую литературную премию.

Александр Николаевич Стрижёв «Энциклопедия русской жизни»

Удивительно тонкое чувство прекрасного, любовь к Отечеству, к русскому языку.

Он знает все травы, все слова трепетная, ароматная, благовонная проза природы.

Он любит природу она и утончена, и небжна, и упоительное дыхание.

Пятитомник, изданный в издательстве «Общества сохранения литературного наследия» совершившего поистине подвижническое культурное со-бытие.

Нашему, охраняющему от подлинной классики отряду литературных смершевцев (заградителей) и в голову не придёт заметить великое открытие в нашей духовной жизни.

Речь идёт не о богословской книге, хотя все пять томов проникнуты духом действий творца. Речь не идёт о сугубо исторических произведениях, хотя все они покоятся на глубинных исторических масштабах народной жизни, эпоса, на особо доступных фактах и событиях недавнего и давнего прошлого.

Речь не идёт о книге изыщной словесности для избранных, хотя она сокровищница не только мудрости, но и тех сокровенных слов, которые в большинстве случаев утеряны, но тут употреблены столь к месту, что мгновенно оживляют нашу гениальную и словесную память.

И, наконец, это не сочинения детской литературы, но как обогатит она наших детей, как выведет их на тропинки, дороги и просторы русской речи и русской истории, как приведёт в их сердца отрока Варфоломея, окружавшие его Радонежье травы и цветы.

Верно сказано, что каждый его эпизод «детского чтения» — это шедевр, от романочно-сказочных названий «Цветок былинного Садко», «Пчела — Божья работница», «Святая птица», «Осени порывы» — шедевры любви, благоговения перед Божьим творением.

Какая же это радость, что у нас есть такие великие, вдохновенные мастера, которые обладают такой зоркостью, искренностью, подлинным знанием народной жизни коренной Руси, и как совершенно справедливо написала Наташа Масленникова «Несомненно благородная миссия будителя национальной памяти промислительной возложена на романы этого замечательного писателя и человека, патриота Отечества и народа русского, хранителя традиций нашей Родины, культуры, Веры православной. Честь ему и хвала.

Хочу сообщить коротко о наших планах.

В апреле-месяце прошла фундаментальная конференция «Итоги литературного года и десятилетия». Об этом сказано в «Российском писателе» и «Роман-журнале», и мы просим подписываться на наши издания, ибо они дают пиктир нашей литературной жизни.

Мы создали Российско-Белорусский Союз писателей. Первые движения проведены. Первыми публикациями обменялись. Результатом этого является и наша встреча, публикации в «Нашем современнике», премия «Прохоровское поле». На осень запланирована двухсторонняя встреча.

Украина — много новых тенденций. Харьков стал выпускать журнал «Славяне». Это может быть мощный общеславянский журнал. Просим поддержать его. Премии «Прохоровское поле», «Слобожанщина».

825 лет «Слову о полку Игореве». Трубчевск, Новгород, Северский, Брянск. Украина, Россия и Белоруссия.

Свет русского слова

Выступление губернатора Курской области Александра Михайлова на пленуме правления Союза писателей России и Беларуси

Уважаемый Валерий Николаевич!

Уважаемые участники фестиваля литературы и искусства ЦФО и Пленума Союза писателей России и Беларуси, писатели Украины!

От имени Администрации области и от себя лично сердечно приветствую вас на гостеприимной курской земле.

Позвольте кратко рассказать о нашем крае, известном своим радушием и гостеприимством не только в России.

Курская область — одна из самых динамично развивающихся областей Центральной России, богата полезными ископаемыми, в том числе уникальными запасами железной руды, черноземами, водными ресурсами, а главное — талантливыми и трудолюбивыми людьми. Куряне унаследовали от своих предков, о которых автор «Слова о полку Игореве» сказал: «А мои куряне — храбрые воины», любовь к земле-кормилице, трудолюбие, гордость, умение постоять за себя.

На их долю выпало немало испытаний. Но ни при каких трудностях они не теряли надежды, работали не покладая рук, а в годы военного лихолетья с оружием в руках защищали свою землю. Перевив нелегкие девяностые годы, наш край уверенно шагает в будущее. Вместе со всей Россией мы движемся по пути демократических преобразований, осваиваем рынок, возрождаем экономику. И у нас нет сомнений, что Россия будет сильной, процветающей страной, полноправным участником мирового сообщества.

Курская область — развитый и в то же время достаточно экологически чистый промышленно-аграрный регион. Курские черноземы признаны эталоном плодородия почвы, и с прошлого века их образцы хранятся в музее почв в Париже, музее естественной истории в Амстердаме и музее почвоведения под Лейпцигом. Урожай, собираемые курскими крестьянами, позволяют не только удовлетворить потребности области. Значительная часть зерна, сахара, продуктов животноводства вывозится за ее пределы. Промышленные предприятия успешно осваивают российский и мировой рынки.

Благодаря соседству с другими промышленно-аграрными регионами России и Украины, геопо-

литическое положение Курской области создает уникальные предпосылки для экономического, научного и культурного сотрудничества, позволяет вести активный товарооборот, привлекать деловых партнеров. Одним из подтверждений этому — всевозрастающие масштабы Корейской ярмарки, десятилетие которой мы отмечаем в эти дни с вашим участием.

Особые чувства переполняют курян, принимающих на своей земле в эти дни столько гостей. Фестиваль литературы и искусства продолжает прекрасную традицию проведения столь масштабных и необходимых для нынешнего времени форумов в регионах Центрального федерального округа Российской Федерации и в связи с 65-летием Великой Победы, является особо важным для нашего героического края, где летом сорок третьего развернулось небывалая по масштабам битва. Мы, куряне, славим подвиг героев тех дней и чтим память павших. «Нам дороги эти позабыть нельзя» — достойное название фестивалю.

В эти дни есть прекрасная возможность очень многим из курян встретиться с вами, выдающимися писателями России, в непосредственном общении на местах обсудить животрепещущие вопросы современности, проблемы, поднимаемые в ваших произведениях, поговорить о роли литературы в формировании гражданского общества.

Необходимость в такой работе есть и у нас, на курской земле, где проходило одно из величайших сражений с фашизмом, где сильны патриотические традиции и свято чтут подвиг наших отцов и дедов.

Думаю, совершенно не случайно творчество талантливых мастеров слова, наших земляков, связано прежде всего с этими великими событиями в истории нашего Отечества. «Красное вино Победы», «Усвятские шлемоносцы», «Убиты под Москвой», «Это мы, господи...» — произведения мирового значения не только в силу высоких художественных достоинств. Написанные солдатами войны, в них подлинная, потрясающая сила правды.

С чувством глубокого удовлетворения сообщая, хотя, разумеется, для вас это не новость, что в Курской области по достоинству оценивают творческий и жизненный подвиг выдающихся российских писателей, наших земляков Евгения Ивановича Носова и Константина Дмитриевича Воробьева. Установлены памятники писателям, массовым тиражом изданы и разосланы во все библиотеки, в том числе школьные, полные собрания их сочинений, учреждены именные литературные и журналистские премии.

Понятно, что список писателей-ветеранов, которых сегодня не с нами, Носовым и Воробьевым не ограничивается. Курский край вообще — один из самых заметных на литературной карте России. Вот почему интересен для посетителей открывшийся в конце прошлого года наш литературный музей. Здесь не менее интересны экспозиции современных поэтов и прозаиков.

За последнее время изданы десятки новых книг массовым ти-

ражом. Недавно, к примеру, прошла презентация собрания сочинений старейшего из курских писателей-современников А. А. Харитановского. В канун юбилея Победы Александр Александрович удостоен звания «Почетный гражданин г. Курска», с чем мы его сердечно еще раз поздравляем. Ежегодно выпускаются сборники произведений ветеранов Великой Отечественной войны — литераторов. В их числе присутствующий здесь Петр Алексеевич Михин, книга которого «Оружие против рейха» с рассказами правды о войне, вышла не так давно в Англии. Это особенно важно сейчас, когда за рубежом предпринимаются попытки принизить вклад народов Советского Союза в разгром фашизма.

Все, о чем я говорю, как ничто другое помогает активизировать работу по воспитанию прежде всего у молодого поколения чувств патриотизма, уважительного отношения к отечественной истории и культуре в нашей повседневной работе. Убежден, с еще большей энергией она будет организована у нас во время и после столь масштабного мероприятия, как наш литературный фестиваль «Нам дороги эти позабыть нельзя» с участием писателей не только России, но и что чрезвычайно важно сегодня Украины и Белоруссии.

Думаю, все мы можем выразить особую признательность за инициативу и поддержку в проведении мероприятий такого рода в Центральном федеральном округе полномочного представителя Президента РФ Г. С. Полтавченко. Георгий Сергеевич, как вы знаете, многое делает во имя духовного возрождения в регионах Центральной России и особенно, мы в этом воочию убеждаемся, в Курской области. Этим объясняется его участие в тех мероприятиях, на которые приглашены и вы. Это и Крестный ход в связи с пребыванием на нашей земле иконы Божией Матери «Знаменье» Курская-Коренная, в котором вы, надеюсь, также не откажетесь поучаствовать.

Еще раз хочу выразить глубокую признательность вам за согласие приехать на славную курскую землю, где родились и творили Николай Асеев, Аркадий Гайдар, Валентин Овечкин.

Вы побываете на родине Константина Воробьева, у дома, где жил Евгений Носов, в усадьбе Афанасия Фета... Несомненно, вас очарует Стрелецкая степь и великолепие дворцово-паркового ансамбля «Марьино». У всех вас есть возможность побывать на командном пункте Рокоссовского и мемориале Курской битвы. Завтра вы встретитесь с энергетиками Курской атомной электростанции и горняками Михайловского горно-обогатительного комбината. Труженики Золотухинского района, где проходит Корейская ярмарка, преподнесут вам, нашим дорогим гостям, праздничный каравай, а сегодня вечером продемонстрирует своё искусство знаменитый ансамбль «Тимоня» из села Плехово.

Впервые за свою историю наша земля, известная со времён «Слова о полку Игореве», освящённая духовным подвижнич-

ством Серафима Саровского, воспетая Георгием Свиридовым в знаменитых «Курских песнях», встречает столь уважаемую и многочисленную делегацию известных мастеров слова. Мы сердечно приветствуем вас, Валерий Николаевич Ганичев, Вера Григорьевна Галактионова, Юрий Михайлович Лошиц, Сергей Иванович Котьяло, Александр Юрьевич Сегень, Лариса Баранова-Гонченко и всех вас, наших дорогих гостей. Вы побываете в библиотеках, учебных заведениях, учреждениях культуры, встретитесь с ветеранами и молодежью. Думаем, особенно рады встречаем с вами наши литераторы, молодые поэты и прозаики.

Мы уже отметили у себя, что сама подготовка к фестивалю оживила творческую активность среди курских мастеров слова именно по патриотической тематике. В канун юбилея Победы в сборнике очерков «Свет звезды Константина Воробьева», выпущенного в свет Издательским домом «Славянка», как бы подведен творческий итог именно в этом направлении.

Одним из наиболее значимых событий этих дней, продиктованных подготовкой к этому фестивалю, становится открытие сегодня Дома литератора, который даст возможность осуществлять деятельность нашего регионального отделения Союза писателей РФ на новом, более масштабном уровне. Полагаю, что Дом литератора вы воспримите вместе со своими курскими коллегами не только как подарок фестивалю. И, надеюсь, тут потребуются взаимные обязательства о подъёме и развитии художественной литературы в регионе на более высоком уровне, отвечающем запросам современности в борьбе с безнравственностью, бездуховностью, особенно среди молодежи. Мне кажется уместным высказаться, что средства, выделяемые государственной властью в качестве господдержки писательской организации без всякой оглядки на кризис, в настоящее время и в последующие годы не только будут обесценены, но и опровергнуты. В этом мы не сомневаемся! В настоящее время активизируется работа не только с опытными литераторами (всего их в регионе более 150 человек), но и с молодыми поэтами и прозаиками.

Мы знаем, что в Доме литератора открывается Издательский центр по выпуску книг курских литераторов малым тиражом или литературное кафе, где будут проходить мероприятия с участием артистов, художников, журналистов, а также книжная лавка курских писателей, где организуются презентации новых изданий. В числе массовых мероприятий запланированы Дни автографа, Дни памяти, юбилейные торжества. К читательским конференциям будут широко привлекаться студенты и школьники.

Все это позволит в определенной мере решать задачи духовной сферы, активизировать творческие процессы по созданию на современном книжном рынке высокохудожественных литературных произведений, популяризовать духовно-нравственные ценности. Это направление нашей с

вами совместной деятельности продиктовано самим временем. Сегодня, при государственном подходе, нужны новые возможности взаимодействия, закреплённые не только в политической и общественной сфере, но и на законодательном уровне. Нужен закон о государственной поддержке творческих союзов, но, прежде всего, писательских организаций. Мне кажется не обоснованными предложения, выказанные в прессе председателем Правления Курской писательской организации Николаем Гребневым, о возможности и необходимости законодательства в этом направлении не только на федеральном, но и, что более плодотворно, на региональном уровне. Это станет основанием для расширения и укрепления сотрудничества с государственными структурами и прежде всего органами исполнительной власти в сфере культуры и даст толчок для более высокого уровня работы самой писательской организации, где пока еще немало проблем.

Вот лишь одна из них. Из-за отсутствия средств на время был приостановлен выпуск альманаха творческих союзов «Славянский дом: Толока», а это, понятно, негативно сказалось особенно на работе с молодыми авторами. Все еще не снята полностью проблема издания книг курских писателей! Мы намерены всерьез, основательно их решить при рассмотрении вопроса о дальнейшей поддержке Курской областной писательской организации органами исполнительной и законодательной власти. И тому есть серьезное основание.

К нашему удовлетворению курская писательская организация объединяет в своих рядах людей талантливых, не равнодушных к судьбе своей страны и своего народа. Их имена, не сомневаюсь, хорошо известны и российской аудитории, и зарубежной. Они также присутствуют в этом зале. Произведения большинства наших писателей и законодательной власти. И тому есть серьезное основание.

Наш фестиваль — хороший повод вспомнить о книгах, то, без чего трудно представить наш народ, а главное о писателях России — людях, передающих всем нам духовное наследие нашего Отечества, жар своих сердец. Разрешите выразить вам, людям, стоящим у истоков мудрости и познания, глубокое уважение к нелегкому писательскому труду.

Благодаря вашему творчеству, уважаемые наши гости, куряне еще и еще раз соприкоснутся к богатейшей русской культурой, которая всегда воспевала добро, веру в справедливость и величие духа нашего народа. Пользуясь случаем, с высокой трибуны этого пленума желаю и вам, и всем вашим собратьям по перу новых литературных успехов, крепкого здоровья, счастья! И каждому из вас неиссякаемого источника вдохновения, новых ярких произведений, замечательных книг и многочисленных поклонников вашего таланта! Добра вам и успеха на этом нелегком, но славном пути к людям, к народу нашему, во благо и процветание Отечества!

(Окончание. Начало на стр. 1)

И вот 1 июля в Москве, в конференц-зале Союза писателей России, состоялось открытие научно-литературной исторической конференции-экспедиции «Связь времен – связь народов», посвященной 825-летию великого творения славянских народов – «Слова о полку Игореве».

А 2 июля делегация участников литературно-исторической конференции-экспедиции, возглавляемая председателем Союза писателей России, заместителем главы Всемирного Русского Народного Собора, доктором исторических наук Валерием Ганичевым, выехала в Брянск, где её ожидали не забывшие о юбилее представители местной власти и творческой, включая писателей и журналистов, интеллигенции. И здесь, в Центральной библиотеке при участии писателей и ученых России и Украины стартовала уже не московская часть конференции-экспедиции.

В том, что сегодня помимо России, бегущей в свое будущее безоглядно и налегке, есть и другая Россия – обремененная своей исторической памятью, своей древней культурой, своим, охраняющим её от разложения, духовным багажом, можно было убедиться в древнем Трубчевске. В этом крошечном, на полтора десятка тысяч жителей, городке культурная жизнь не только не пришла в упадок, но и получила свое уверенное развитие. Мало сказать, что здесь с 1986 года проводится ежегодный Межрегиональный праздник славянской письменности и культуры «На земле Бояна», мало сказать, что здесь есть свой театр, свои самостоятельные музыкально-художественные коллективы, своя развитая, в виде самых разных кружков, культурно-образовательная и воспитательная инфраструктура, свои высокопрофессиональные поэты и композиторы, свои художники, свой богатейший краеведческий музей и т.д., и т.п., – здесь в то самое время, когда общенародная собственность и бюджетные средства по воле центральной власти превращались в первоначальный частный капитал, был построен даже планетарий. Первый и пока единственный планетарий районного масштаба...

Но и как могло быть по-другому, если бессмертным «Словом...» здесь пропитаны не только каждый камень, но и каждая живая душа. Как могло быть по-другому, если вся брянская земля хранит память не только о славных Игоревых полках, но и о священной партизанской жертве, принесенной нашему родному Отечеству в годы не такой уж и давней войны.

Вот и маршрут приехавших из разных регионов России и Украины участников конференции-экспедиции был обречен быть продиктованным не только «Словом...», но и историей партизанского края. Участники экспедиции побывали в заповеднике «Брянский лес», на партизанском аэродроме в Смелиж, у памятника песне «Шумел сурово Брянский лес» и землянки партизанского госпиталя.

Вот и Валерий Ганичев, открывая конференцию, говорил о литературном памятнике не только в контексте обильных научных исследований, посвященных «Слову...», но и в контексте современной истории и современной жизни, в контексте современных политических и духовно-нравственных вызовов России.

Созвучными общему высокому настроению участников конференции были и адресованные им слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирил-

Связь времен – связь народов

К 825-летию «Слова о полку Игореве»

ла, которые огласил владыка Феофилакт. «Связанные общими языковыми и культурными корнями, единными ценностями и историей, – отметил Святейший Патриарх, – мы призваны и сегодня следовать заветам древнего сказителя: сохраняя единомыслие, защищая родную землю, беречь братские узы, искать правды».

Руководитель департамента культуры Брянской области Наталья Сомова зачитала приветствия участникам конференции от полномочного представителя Президента в Центральном Федеральном округе Георгия Полтавченко, от мэра Москвы Юрия Лужкова.

«Украинцы, русские и белорусы, – отмечалось в приветствии Ю. Лужкова, – говорят между собой без переводчиков, и сердца наши равно наполнены любовью к родной земле. Из «Слова о полку Игореве» выросли, как ветви могучего дерева, наши богатейшие, плодоносящие национальные культуры, а мы твердо знаем, что в этом мире культура старше, да, зачастую, и мудрее политики».

Руководитель департамента культуры Брянской области Наталья Сомова зачитала приветствие участникам конференции от работников культуры Брянщины, отметила большой вклад Союза писателей России в воссоздания в России единого культурного и духовного пространства. «Если уже расхожим стало утверждение о том, что русская музыка выросла, как дуб из желудя, из «Камаринской» Глинки, то можно с такой же уверенностью утверждать, что великая русская классическая литература в своем не только эстетическом, но и духовном значении выросла из «Слова о полку Игореве», – сказала в заключении своего выступления Н. Сомова. – И, конечно же, одной из ключевых является сегодня для нас прозвучавшая в «Слове...», продолженная затем Пушкиным и Тютчевым тема единения братских славянских народов».

В первой части конференции в Центральной библиотеке Брянска выступили так же Юрий Лошиц – поэт, прозаик, сопредседатель Правления СП России, лауреат Большой литературной премии, историко-литературной премии «Александр Невский» (Москва), Виктор Гуминский – доктор филологических наук, профессор ИМЛИ (Москва), Владимир Крупин – прозаик, сопредседатель Правления СП России, академик Академии российской словесности (Москва), Сергей Перевезенцев – доктор исторических наук, профессор МГУ (Москва), Виктор Калугин – литературовед, автор издательского проекта «Молитвы русских поэтов», Константин Скворцов – поэт, сопредседатель Правления СП России, лауреат Государственной и Большой литературной премий, Василий Дворцов – прозаик, секретарь правления Союза писателей России, Татьяна Петрова – народная артистка России.

Затем Председатель Союза писателей России Валерий Ганичев вручил писательские билеты недавно принятым в творческий Союз брянским писателям Владимиру Алексею, Виктору Володину, Галине Карташовой, Юрию Сальникову, Петру Кузнецову.

А продолжилась конференция уже в Украине, в древнем Новгороде-Северском, где к российской

делегации присоединились председатель Фонда культуры Украины, известный поэт Борис Олейник, академик Национальной академии наук Украины, директор Института археологии НАН Пётр Толочко, представители местной власти и творческой интеллигенции.

Заместитель главы администрации Новгород-Северского района Виктор Тканко зачитал приветствие участникам конференции от Президента Украины Виктора Януковича.

В приветствии В. Януковича, в частности, подчеркивалось, что «Слово о полку Игореве» дало существенный толчок не только развитию литературы славянских народов, но и способствовало укреплению патриотизма и объединению вокруг вечных ценностей».

На конференции в Новгороде-Северском так же выступили Анатолий Парпара, Вячеслав Фомин из Липецка, Магомед Ахмедов из Дагестана, Николай Старченко, Юрий Медведев, старожил Новгород-северского края и один из инициаторов международной встречи Юрий Сбитнев.

Высокое художественное творение прошлого напоминало, предостерегало, что только в единстве, только в братском союзе можно преодолеть врага, подтверждало, что только связь времен укрепляет связь народов.

«Нельзя играть в хуторские суверенитеты на виду у нашего общего и бессмертного «Слова...», – подытожил в своем выступлении общее настроение Борис Олейник.

Участники конференции высказались за проведение ежегодных встреч, посвященных «Слову о полку Игореве», и решили обратиться с просьбой к Президентам Украины, России, Белоруссии обозначить город Новгород-Северский как город дружбы славянских народов, город «Слова о полку Игореве».

Большая библиотека книг ученых и писателей была вручена Новгород-северской библиотеке и музею «Слова о полку Игореве». Здесь, у музея, состоялось открытие п а м я т н и к а автору «Слова...».

Валерий Ганичев вручил общественные награды Борису Олейнику, Петру Толочко, Юрию Сбитневу.

Всюду по маршруту конференции экспедиции её сопровождала выставка иллюстраций к «Слову о полку Игореве» талантливого художника Виктора Королькова.

А завершилась конференция-экспедиция в Суземском районе Брянской области, в годы Великой отечественной войны ставшем центром партизанского сопротивления захватчикам не только России, но и Украины, Белоруссии.

Высокую цену заплатили жи-

тели Суземского района за свое право защищать Родину. Немцы сожгли в районе 6468 домов из 7418, 48 школ, 39 клубов, 4 больницы, 5 медпунктов, 81 магазин. Уничтожено 4460 голов рогатого скота, 4370 лошадей. За два года в аселение района сократилось с 47 до 16 тысяч человек ...

Смелиж был и остается символом героизма, непоколебимой стойкости и беззаветной преданности народа своему Отечеству.

Именно здесь, в начале 1942 года прозвучала песня «Шумел сурово Брянский лес», созданная Анатолием Сафроновым и композитором Сигизмундом Кацем. Когда песня была создана, авторы решили сами отвезти ее в Брянские леса. Но попасть в тыл врага удалось лишь Сафронову, работавшему тогда военным корреспондентом газеты «Известия». Поэт А. Сафронов вспоминал: «Мне ни раз приходилось петь свои песни, но, пожалуй, такого волнения, как именно в эту ночь на 7 ноября 1942 года, я никогда не испытывал...».

Именно здесь, в краю ратной славы, можно было по-настоящему ощутить, как Слово Древней Руси и Слово нашего фронтového поколения связывают воедино историю и судьбу братских славянских народов.

Пресс-центр
Союза писателей России

БЛАГОТВОРНАЯ СИЛА

Василий Дворцов

О том, чем для восточнославянского мира явилось открытие «Слова о полку Игореве», кажется, сказано уже всё. За двести с лишним лет определилось оно краеугольной глыбой в фундаменте нашей общенациональной силы и славы, утвердив за народами Великой, Малой и Белой Руси неоспоримое право наравне с другими гордиться своей исторической самобытностью и культурной самоценностью, распахнув необозримые горизонты для научных поисков и поэтического творчества любителей отеческой старины.

При этом «Слово...» высыпало такое неисчислимое множество исторических, археологических, филологических, культурологических и религиоведческих загадок, с такой вариантно-толкований затемнённых временем смыслов, что и сегодня, и завтра — и во все времена, пока живы будут русские люди и будет звучать всё обновляемый русский язык, — не утихнут споры, не улягутся страсти вокруг этого уникального явления культуры Древней Руси. Какие славные имена сходились здесь, сталкивались авторитетами: Погодин и Вяземский, Потребин и Миллер, Никифоров и Рыбаков, и список этот всё прибывает и множится... И замечательно, что с годами дискуссии мифологов и приверженцев школы заимствования, фольклористов и этнолингвистов несколько не стихают, ведь чем больше ярких полемистов-правдолюбивцев вступают в турниры, тем чаще и громче звучит над Великой, Малой и Белой Русью слово о «Слове...». А внимание, интерес специалистов и любителей — это живизна «Слова...», его активное, неугасимое пребывание, участие в жизни наших обществ. Это присутствие необходимо нам, всем, кто осознаёт себя наследником, чувствует охранителем и считает себя работником национальной культуры. И её воином. А разве нужно кого-то здесь уверять в том, что у национальной культуры есть враги?

Двадцать лет западными производителями на территориях бывшего СССР идёт организация новых рынков сбыта, для чего из местного населения активно формируется глобалистское «общество потребления». Так как национальные культуры всегда конфликтуют с идеологией унифицированного шопинга, проще — «управляемого глотания», то именно против традиций развернута непримиримая и предельно циничная война. Нужно ли тут кому-то объяснять — почему «Слово о полку Игореве» упорно выводится из образовательного процесса, почему оно всё меньшее место занимает в интересах общественного сознания. Почему гениальное творение бессмертного Русского духа столь целенаправленно замалчивается. Здесь война совершенно явная, и война эта не мировоззренческих или сепаратистских идеологий. Тут ратоборство духовное.

Именно о духе «Слова о полку Игореве» я позволю себе дилетантски порассуждать.

Ведь нет, да просто не может быть такой русской души, которая, прикоснувшись к «Слову о полку Игореве», тотчас не воспылала бы творчеством. Школьник и академик, философ и офицер, рыбак, инженер, студент, кормилица и пенсионер — каждый, кто открывает для себя «Не лепо ли ны бя-

шесть, братие, начати старыми словесы трудных повестий...» сразу же чувствует в себе энергетический прилив, тревожно-восторженное возгорание, которое, быстро прибывая и возрастая, охватывает всего внутреннего человека желанием созидать. И, если профессия читающего сопряжена наукам и искусствам, то тут неизбежно начинаются новые теории, порождаются гипотезы, пишутся тематические стихи и картины. Если же труд его далёк от пера или палитры, то, всё равно, чем-то прекрасным и обязательно новым — в мечтах, словах, предложениях и поступках — вырвется наружу распирающее, жмущее человека изнутри чувство его переполненности доброй силой.

Вот этот творческий, созидательный порыв, которым камертонално отзывается всякая русская душа на чтение «Слова о полку Игореве» (что удивительно — как на древнем, так и на современном языках!) раскрывает природу духа «Слова...». Состояние прибытия доброй и светлой силы, заполнения особой психической энергией, требующей выхода через созидание чего-то возвышенного, исключительно благородного, чего-то такого прекрасного, что расскажет миру о его любви Богом — это состояние по эмоциональному переживанию очень близко к состоянию истинной благодатности.

Я не в коей мере не хочу сказать, что здесь тоже самое, что переживают святые подвижники, стяжавшие Духа Святого, но творческое, демиургическое состояние от прикосновения к великому произведению искусства эмоционально-чувственно очень сходно с тем, как святые отцы описывают своё пронизание энергиями Святого Духа — Духа Животворящего.

Незадолго до Вознесения Господь сказал ученикам: «Но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой» (Деян. 1, 8). Апостол Павел подтвердил: «Тружусь и подвизаюсь силою Его, действующею во мне могущественно» (Кол. 1, 29). За ним св. Кирилл Иерусалимский: «Дух Святой есть навеличайшая сила...». И совсем недавно свидетельствовало архимандрита Иоанна Крестьянкина: «О великий, непрекращающийся ток силы Божией, осязаемый в нисхождении Духа Святого в наши души».

Конечно же, есть принципиальная разница в природах вдыхаемого в человека: одно дело — пронизывающая и заполняющая молящегося христианина энергия, исходящая непосредственно от Бога-Животворца, от Создателя, и совсем иное — сила, излучаемая человеческим творением. Ведь в первом случае способность восприятия энергии обусловлена православностью души получателя, во втором (в непосредственно нашем) — её славянством. Т.е., обладанием некими генетически закреплёнными культурными кодами.

Однако, какова сходность плодов: ликование, прилив добрых и светлых чувств, желание творить, и творить непременно прекрасное, непременно чистое, гармоничное и возвышенное! И если нельзя, дабы не вторгнуться в понятийную зону богословия, говорить о благодатности силы, то очень даже можно — об её благотворности.

В этой-то благотворности духа «Слова о полку Игореве» — вечный, неоскудимо-неисчерпаемый источник вдохновения для всё новых и новых поколений. И важно отметить: пусть каждое время в своём ключе переводит, а точнее

— осмысляет, толкует и воспроизводит «Слово о полку Игореве», но — чувствуют его все всегда одинаково.

Посему, может быть, не столь приоритетны для оценки всё множущихся переводов «Слова...» критерии смыслового, стилистического и фонетического соответствия изначальному тексту, сколь важно сохранение в новом авторском толковании этой самой доброй силы. А инструмент меры известен — единичность, народное единичество.

Мы много, порой излишне много говорим, что произведения искусства должны заставлять думать читателя, зрителя, слушателя. Несомненно. Но они должны и вызывать чувствовать. К достижению такого единичества между автором и народом призывал нас, писателей, (один из самых чутких «переводчиков» «Слова...») Аполлон Майков: «На нас писателей лежит великий долг — увековечить то, что мы чувствовали со всеми. Нам следует уснуть и осязательно нарисовать тот идеал России, который осязателен всякому».

Как нигде, идеал России всякому осязателен в «Слове о полку Игореве». Осязателен лиризм.

Лиризм — уникальное свойство славянской культуры. Это не сентиментальность германцев, не английский сплин. Это... это мы с вами чувствуем.

Юрий Логман когда-то теоретизировал на тему ориентированности национальных культур на «начало» или «конец» истории. «Тоска разлияся по Русской земле, печаль жирно тече...». Да-да, «стон у нас песней зовётся», да-да, и песни наши унылы и пейзажи тоскливы, и литература пессимистична, но в том-то и дело, что в нашем эсхатологическом мирозерцании за самыми тёмными страданиями всегда светится Пасха. Наши печалования — это не стоны «на реках Вавилонских» об утерянном сладком прошлом, а плачи-покаяния о настоящем, молление о будущем. Ибо «конец» нашей истории не в воцарении антихриста и Страшном суде, а во втором пришествии Христа и новой Земле для святых. И отсюда —

наша несомненная уверенность в Воскресении, которое неизбежно после жатвы-жертвы, когда «На Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоще животь кладуть, веють душу от тела».

Нагляднее всего славянское национальное ощущение лирики проявляется в музыке — в искусстве, где информационная составляющая ничтожна, часто вообще надумана. Светланов, Овчинников, Федосеев, Никоненко — в русской музыке можно по пальцам одной руки перечислить имена дирижёров, умеющих полноценно передавать Чайковского, Глазунова, раннего Стравинского. Вот Моцарт, Бах, Бетховен — да, дирижёру вполне достаточно виртуозности для того, чтобы доставлять слушателям удовольствие. Но наши Балакирев, Римский-Корсаков, Бородин, Черепнин, Мусоргский именно в своей лиричности неуловимы для иностранцев. Мажорные фрагменты могут быть хороши и у Когана, и у Баренбойма, но минор им не подвластен. Как бы они не старались, оркестр зазвучит лишь приглушённой и замедленной, но никак не лиричной. Чувственно неточно.

И ещё трудные повести о неудаче воинского похода не погружают нас в уныние потому, что архитектура «Слова о полку Игореве» предвосхитила все современные понятия о композиции, о драматургии литературного произведения, о психологии смены темпоритмов и фонетической мелодики. «Слово...» симфонически совершенно сочетает в себе то чередующиеся, то переплетающиеся мажор и минор, патетику и лирику, апофеозно соединяя их в финале: «Солнце светится на небесе — Игорь князь въ Русской земли...» — это уже прямая посылка к молитвенной формуле «...воля Твоя яко на небеси и на земли».

Ведь касанием только генетических кодов испытываемой читателем благотворности духа «Слова о полку Игореве» не объяснить. Культура — производное от культа. Искусство — проповедь вероисповедания, а культура — его реализация в быту, творческое проявление

духа в материи. И поэтому в каждом, вошедшем в народную память, в национальную жизнь произведении искусства обязательно наличествуют опорно-координатные точки исповедуемого народом культа.

В «Слове о полку Игореве» это, прежде всего, его фабула, восходящая к евангельскому сюжету «Возвращения блудного сына»: «Игореву князю Богъ путь кажетъ из земли Половецкой на землю Русскую, къ отню злату столу».

«Возвращение блудного сына» — основной сюжет православного искусства. В отличие от западного восприятия личности как совокупности внешних проявлений, где человек — «persona» тождествен своей социальной личине (помните: первые театральные представления в античности были связаны с погребальными мистериями этрусского бога смерти «Persu», с «оживлением» мёртвых посредством надевания их портретной маски), Православие чтит именно внутреннее подобие человека своему Творцу. В нашей традиции личность — суть человека, его лик. И потому цель православного творчества — описание внутреннего преображения человека, то есть, образное свидетельство его падений с катарсическим восстановлением в изначальную Адамову полноту через осмысление своих страданий — как результата собственного же отступления от божественного промысла. На обозримом временном пространстве русское искусство всеми средствами проповедует осознание покаяния, как единственного вход в Преображение, как истинное возвращение к Отцу Небесному.

Прорыв к преображению, прохождение катарсиса для достойности восприятия Божественной благодати — абсолютная доминанта русского православного искусства, ведь наполнение человека и мира Фаворским светом — это и есть «идеал России, который осязателен всякому».

«Игорь едет по Боричеву къ святый Богородици Пирогошей» — едет князь на покаяние, потому как это ему «Богъ путь кажетъ... къ отню злату столу». Здесь вам и «Обрывъ» Гончарова, и «Воскресение» Толстого, и весь Достоевский.

И здесь уже всё лучшее, чему только ещё предстоит быть написанным на русском, украинском и белорусском языках.

Василий Дворцов. Триптих «Поход Игоря».

СВЕТ МИРУ

Мы публикуем отрывок из большой, в жанре эссе, работы известного прозаика Бориса Агеева «“А такой рати ещё не слышано!” “Слово о полку Игореве” в религиозном контексте».

Борис Агеев

г. Курск

“Слово о полку Игореве” - универсальное художественное произведение и в своей стихийной поэтической форме содержит и религиозный контекст, который ощущали многие читатели и исследователи, но чему не было дано подходящего толкования. Карл Маркс, на которого в прежние антирелигиозные времена ссылались многие “Слово”-веды, по первому чтению определил, что “Слово” “носит героически-христианский характер, хотя языческие элементы выступают ещё весьма заметно”. Советский исследователь поэмы, много потрудившийся на поле её комментирования и в необходимых случаях не раз ссылавшийся на Маркса, А. Н. Робинсон как бы не заметил этого указания классика материалистического учения, однако в некоторых местах своей большой статьи в юбилейном сборнике, посвящённом 800-летию “Слова”, утверждал, например, что плач Ярославны - всего лишь языческое заклинание стихий, которого не могла произнести христианка, а молитва Богородицы Сыну не имела быде никакого поэтического значения. Другой исследователь поэмы, В. Ф. Ржига писал о том, что в ней религиозные образы языческой религии претворились в поэтические и послужили источником новой жизни в иных формах. Упоминаемый нами В. А. Чивилихин выказал удивление тем, что автор “Слова” якобы антирелигиозно ориентирован и нигде не выразил христианского духа.

Можно сделать вывод о том, что религиозный слой-подтекст поэмы либо диссоциирован в идолопоклонническую “конфессию” в работах одних “Слово”-ведов, либо исключён как христианский в работах других. Однако нужно было уметь не заметить христианского духа и христианских мотивов в произведении автора, живущего в конце второго столетия со дня крещения Руси, когда в ней ежегодно строились сотни церквей и монастырей, в которых удалившиеся от мира чернецы отмаливали народ. В широком обращении ходили труды святых отцов, в семьях читались “Хожения ко гробу Господню” игумена Даниила, “Поучения” Владимира Мономаха, “Слово о Законе и Благодати” митрополита Илариона, чьё влияние ощущается и в рассматриваемой нами поэме. Христианская этика обживалась особым отношением ко Христу русского человека, находила своё выражение и в иконописной традиции, и в архитектуре, и в искусстве, и в литературе. Воистину: чего нет в нас самих, того мы не замечаем и в мире! Не замечаем даже того, что есть в тексте поэмы: оговорена пятница, как день первой битвы русских с поганьими полками - в пятницу был распят Христос; после выкликания Ярославны Игорю в его плену “Богъ путь кажетъ”; после побега князь едет к церкви Богородицы Пирогошей в Киеве.

В желании “снять” всякие возможные поползновения в область христианского подтекста “Слова”, А. Н. Робинсон допускает даже удивительный словесный выверт, невозможный и под пером сатани-

ста Маркса. Отрицая за самим Игорем авторство поэмы, на что указывали некоторые исследователи, он утверждает, что восхваления Игоря самим собой противоречили бы “нормам христианской этики”. В том контексте “Слова”, который мы собираемся изведать, речь пойдёт не о самовозвеличвании, а об унижении и смиренности, и “нормы”, о которых помянул Робинсон, уместны там, где автор пишет произведение, лейтмотивом которого является раскаяние. Великодушно признавая за автором “Слова” “непредсказуемую поэтическую гениальность”, Робинсон со тщанием исследует баснословную дешёвизну работорогви, которой занимались русские князья, и почти открыто смеётся над образом грозной половецкой опасности, по его мнению непомерно возвеличенной в поэме. Половцы-де самостоятельно не могли взять ни одного города - это удавалось им с помощью враждующих друг с другом русских князей. Достоинства поэмы он комплиментарно свёл к поэтическим совершенствам и к эпическим преувеличенному поэтом масштабу незначительных в действительности событий - с естественным для князей хэппи-эндом: всё возвращается на круги своя, закатываются пиры и собираются для войн новые дружины, а погибшие забыты.

Тон робинсоновской статьи пронизан явно ощутимыми смешками и шуточками, а его подловатый комментарий, надо думать, направлен на то, чтобы объяснить общий интерес к “Слову” рядом странных совпадений смертей Игоревых предков с солнечными затмениями. И битва Игоревых войска с половцами произошла на десятый день после солнечного затмения - как это известно из Ипатьевской летописи, представляющей детали похода, которых нет в поэме (предполагается участие в летописи шурина Игоря Владимира Галицкого, коему в этой связи приписывается и возможное авторство поэмы). Да и сам Игорь умер, как утверждается, под декабрьское затмение 1202 года.

Пятница Робинсону, конечно же, мало, но в его скрытом сопротивлении тем, кто хотел бы отправиться в религиозную подоплёку “Слова” чувствовалось нечто такое прозорливое, что понуждало это сделать. А “сходяв” туда, мы объяснили себе, почему драма новгород-северского князя Игоря обернулась высокой мыслью о предназначении человека и об устройении русского государства.

Краснодарский писатель Пётр Ткаченко в опубликованных недавно в центральной прессе материалах высказал мнение о том, что основным содержанием “Слова” является духовное пленение князя Игоря и возвращение к свету веры. Это утверждение встретило, сколько можно судить, активное сопротивление - и совершенно напрасно: горькая мысль об отклонении человека от путей истины в поэме прочитывается и отрицать её невозможно. Мы не только подтверждали в расследовании этот вывод, но и получили доказательства того, что послужило причиной уклонения Игоря, что явилось глубинной сутью случившейся трагедии: в сюжете “Слова” обнаружился и ветхозаветные и евангель-

ские параллели. Стало несомненно, что поэма написана православным человеком, с огромным художественным даром выразившем мысль о достоинстве человека в свете новой христианской эстетики. В таком прочтении поэмы прояснилось движение авторского замысла, последовательность сцен и эпизодов обретала иную, чем в прежних толкованиях содержательность, восстанавливались смысл и цельное впечатление по большому массиву текста.

Нужно только иметь в виду, что “Слово” - не хроника несчастливого “хождения” княжеских дружинников-десантников и ковуёмомоновцев в половецкую степь, не поучение, не нравственно-сатирический роман, о непреодолимости которых писал Пушкин, а поэма - повторимся - универсального характера, литературное произведение светского содержания, исполненное философскими и художественными истинами. Отдавая должное прекрасной варварской архаике тогдашнего русского языка, ещё не устоявшегося в своих формах и правилах - со следами “множества наречий славянских” (Пушкин), с нарушениями склонений и падежей, когда одно и то же слово в тексте приводится в разных написаниях, в оргийной стихии “Слова” мы обнаруживаем и религиозное поучение.

Однако эстетика религиозного поучения - если такое определение вообще возможно по отношению к произведению мирскому, которое как будто не от Бога, а “от людей” - следует из существа этого произведения, когда оно исследует человека на предмет удаления от святости. Здесь риторика религиозного исключения собственно художественной задачей изобразить картину, из которой “всё видно”. Эстетика изображения святого: скорбишь - читай молитвы, веселишься - хвали Бога на десятиструнной псалтири - к светской литературе вообще не применима. Достоевский написал “Преступление и наказание”, дабы “доказать” непреложность библейской заповеди “Не убий”, но сделал это на “материале” мирской жизни, перенасыщенной грехом. В пушкинских “Цыганах” собственно религиозная мысль о свободе, понятой как своеволие, совратила Алеко в гордыню и понудила его к человекоубийству. Мысль эта Пушкиным выражена не в терминах религиозной эстетики - в поэме лишь одно упоминание Бога, а само действие происходит на лоне природы. Но разве это доказывает, что Пушкин идолопоклонник и написал языческое произведение?

Н. М. Карамзин заметил, что “Слово” написано поэтом-мирянином, и это не противоречит нашим выводам. Хотелось бы отметить некие “случайности”, сопровождавшие работу над этим материалом: то и дело как бы сами собой в поле зрения автора попадали аргументы, необходимые при логической доказательности его мысли.

Возвращаясь к сути наших замечаний, мы задали себе несколько вопросов, на которые должны были ответить в терминах духовного пленения, освобождения из тьмы и просветления мира, так кстати найденных Ткаченко: что случилось с князем Игорем и с его душой после похода в поле незанятое, против кого на самом деле состоялся его “полк”, что есть война и мир в “Слове о полку Игоревом”? Это лишь три вопроса, на которые можно получить ясные ответы, содержащиеся в религиозном контексте поэмы, но их на деле гораздо больше.

Благословясь, приступим...

(Полностью статья опубликована на сайте «Российского писателя» www.rospisatel.ru)

В Белгородской области будет открыта библиотека лауреатов премии «Прохоровское поле»

1 июня в Прохоровке в торжественной обстановке в пятый раз вручили премии писателям, которые в своих произведениях утверждают идеи нравственности, патриотизма, национальной гордости и преданного служения своему народу. Оауреатами стали писатели из Белгорода, Москвы, Воронежа и Харькова.

Премия «Прохоровское поле» вручают раз в два года начиная с 1999 года. Учредили её правительство области, Союз писателей России, Белгородская и Старооскольская епархия, Государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле». Председатель Союза писателей России Валерий Ганичев рассказал, что на конкурс прислали около 30 произведений. Премии вручили в девяти номинациях. Впервые в этом году расширили рамки конкурса для представителей Украины и Белоруссии.

Лауреатами премии стали белгородцы Вячеслав Колесник за рассказы для детей «Юность генерала Ватутина» (выпущенные в издательстве «Бел-Ру») и Сергей Бережной, автор книг повестей и рассказов «Ты прости меня, милая». За песни, посвящённые подвигу русского солдата, премию получил Михаил Ножкин. В поэтической номинации отметили «Стихотворения» белгородца Павла Савина и «За брестером великого былого» воронежца Михаила Тимошечкина. Владимир Фомичёв (Москва) стал обладателем премии за книгу-обличие «Поле заживо со-

жжённых», а москвич Семён Шуртков — за книги рассказов и очерков «Ошлись трое русских».

Кроме того, в этом году впервые наградили представителей Украины и Белоруссии. Награды получили Василий Воргуль за книгу «Соловьиный день» и Алевт Савицкий, автор книги повестей-сказок «Чудеса на лысой горе».

Валерий Ганичев отметил, что пока не отлажена система распространения книг лауреатов премии «Прохоровское поле». Но многие произведения достойны того, чтобы быть в библиотеках и на книжных полках. Поэтому учредители премии планируют создать библиотеку лауреатов премии «Прохоровское поле» и участников Прохоровских чтений.

Губернатор Евгений Савченко уверен, что писатели делают одно из главных дел — формируют мировоззрение. «Инвестиции в экономику области — важно, ещё важнее — вклад в качество жизни человека, но самое главное — формирование мировоззрения граждан», — отметил глава региона на церемонии вручения премий.

Анастасия САЕНКО

«О, первая библиотека...»

Родимым домом для выдающегося русского поэта Алексея Прасолова в России была районная библиотека

Три шага от редакции газеты от шумного и поныне перекрёстка в старом городке. В сиреновом тумане — провинциальный переулок. Овальным углом — старокирпичное строение. Как крепостная стена, некогда оно укрывало от близкого базарного торжища дворянскую усадьбу знаменитых Чертковых.

Сторца здания — двери стругой пружиной. За ней — сенцы с кочегаркой, а далее — просторная зала. Под её сводами витал дух веков — старосветских помещичьих. И не только. В годы Первой мировой войны тут размещалась палата военного лазарета. После земство вознамерилось открыть здесь классы мужской гимназии, но время распорядилось иначе, вселило невиданное диво — кино «Иллюзион». Когда «важнейшему из искусств» потребовалось помещение просторней, здесь открыли библиотеку.

Из газетной суеты Алексей Тимофеевич попал в мир, где мог слушать железных собеседников — классиков отечественной и зарубежной литературы. Слышать их с книжных страниц сквозь Время и Пространство.

Для заведомая читального зала у библиотекаря всегда припасены свежие и литературно-художествен-

ные «толстые» журналы. «Поглядим, посмотрим, чем нас потчуют инженеры человеческих душ?»

В уединении наступал «час сокровенного». Раскрывал заветный блокнотик, нумеровал очередной, в клеточку, листик, мелким, но чётким почерком вписывал выношенное дитя —

новое стихотворение...

О первая библиотека, Весомость тома на руке!

...Старый особняк не уцелел. Его снесли капиталисты ельцинского разлива.

Библиотека ранее переселилась на нынешнюю главную городскую площадь. В её залах — полки шеренгами в ряд. В книжной тесноте, не в обиде, стоят сборники. На корешках — имя автора, того самого заядлого книгодея, четверческое наследие хранят и несут читателю иные хозяйки и сокровищницы знаний.

26 мая 2010 года у крыльца собрались млад и стар. Добрым словом помянули поэта-земляка. Озвучили решение местной власти, принятое по предложению правления Союза писателей России и журнала «Наш современник», воронежских отделений Союза писателей России и Союза российских писателей. Под аплодисменты развязаны скрепы — опало покрывало, открылось людскому взору золотое тиснение строк: РОССОШАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ А. Т. ПРАСОЛОВА.

Пётр ЧАЛЫЙ,
Воронежская область

Майя ПОЛЁТОВА,
врач высшей категории,
бывший руководитель
поисково-исследовательской
группы молодежи и комсомольцев
64-ой Городской московской
больницы,
член Союза писателей России

Приближается 630-летие знаменательной даты Победы на Поле Куликовом. Вспоминается, какой патристический подъем был в конце 70х — начале 80х годов в нашей стране, особенно среди молодежи. В эти годы во всех газетах появилось много статей известных авторов. Многие издания опубликовали серию графических работ С.М. Харламова: «Сергий Радонежский», «Дмитрий Донской», «Владимир Серпуховской», «Боброк Волинский» и др.

В 1980 г. вышла замечательная книга Ю.М. Лошица «Дмитрий Донской» из серии ЖЗЛ. В Москву, а из нее в Коломну шли так называемые «витязи» из разных городов страны — шли девушки и юноши, чтобы влиться в «дружину Московского князя», а затем отправлялись на Поле Куликово. В Москве они занимали театральные подмостки, даже в Политехническом музее звучали истинно русские стихи. Помнится, как подействовало на слушателей «Клевветникам России» Пушкина. Другой «витязь» прочитал наизусть всю речь Достоевского на открытии памятника Пушкину в Москве. На сценах аудиторий и в театрах — плакаты со словами Тютчева: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать — в Россию можно только верить», стихи Блока из цикла «На поле Куликовом». Тогда-то впервые молодежь из поисково-исследовательской группы Городской клинической больницы №64 города Москвы услышала от «витязей» стихи Н.Рубцова «Видения на холме», и были потрясены ими. В эти годы они были участниками встреч в разных аудиториях, где велись дискуссии специалистов, писателей, архитекторов, выступавших против поворота северных рек, выступавших за охрану памятников старины в Москве, когда циничные руководители-

проектировщики строили планы их уничтожения, перекраивали улицы нашей столицы. В эти годы силы разума одержали победу.

Молодежь из поисково-исследовательской группы Городской клинической больницы №64 города Москвы в те годы тоже изучали не только историю разгрома фашистов на Клинском направлении, но и готовились по теме «Победа на Поле Куликовом», изучали по летописям, по книгам историков Карамзина, Ключевского, Иловайского и историю борьбы наших предков с ордой.

На территории больницы открыли музей, посвященный этим темам. Музей был прекрасно оснащен витринами из грушевого дерева. В годы «перестройки» весь музей, чтобы сохранить его, был подарен Клинскому краеведческому музею, директором которого был Афанасьев. Музейные работники демонстрировали свои экспонаты музея на заводах и фабриках Клина и его района.

Из летописей и книг молодежь нашей больницы узнала, что посланные Сергием Радонежским в помощь Московскому князю Дмитрию на Поле Куликова монахи-схимники Пересвет, сражавшийся с Челубеем, и Осляба, погибли и похоронены в Московском Храме Рождества Богородицы в Старо-Симонове. Мы захотели поклониться их праху. Оказалось, что храм этот недействующий и что находится в ведение завода «Динамо». И увидели на месте погребения работающие трансформаторы. Как же мы расстроились и возмутились! Решили написать обращение к рабочим завода с требованием не только убрать трансформаторы с могилы святых воинов Поля Куликова, но и выволочь сам храм из ведения завода. Нашли сочувствующую нам сотрудницу радиорубки завода. В обеденный перерыв рабочим зачитали это обращение. Оказалось, что мы не одни. Такое же требование было со стороны художников, реставраторов, работников и служителей московских храмов. Закончились эти переговоры нашей общей, полной победой. Особую роль в этой победе сыграли художники-реставраторы: Олег Журин, Лев Давид, Борис Могинов.

За нашу бурную деятельность мы были приглашены художниками одного из московских художественных комбинатов в поездку в сентябре 1980 г. на торжества на Поле Куликово.

Дорога на Поле Куликова. Вереницы автобусов с пропусками на лобовом стекле ехали и ехали к ратому полю. Автобусы со всех концов нашей необъятной Родины, из разных

городов, заводов, институтов и школ, среди них — и наш автобус с художниками-реставраторами, писателями и членами нашей поисково-исследовательской группы. Мы были взволнованы необыкновенным зрелищем: автобусы сопровождали эскорты конников — «витязей». Когда же мы проезжали через деревни, толпы крестьян с детьми на руках, флажками приветствовали нас. Мы представляли себе, что мы едем на битву с Мамаем, а люди эти просят защитить их от ордынцев. И что ждет нас впереди? Слезы душили нас.

Подъехали к какому-то деревянному строению. Оказалось, что это гостиница. Мы обрадовались, что она свободна, и можно отдохнуть с дороги. Но вдруг услышали, что только что из нее умчались рязанцы. Кто-то в шутку спросил: не с князем ли Олегом ли Рязанским умчались они? С Олегом, с князем Олегом! И здесь Олег схитрил! Нельзя нам отлучаться, догонять надо Олега Рязанского! Так включились мы в эту историческую игру-шутку. И мы помчались к своему автобусу.

Мы помнили по летописям, как тяжело было князю Олегу Рязанскому от нашествия ордынцев, идущих на Русь. На их пути первым стояло рязанское княжество, которое первым и разорвалось ими.

Скоро подъехали к Полю Куликову, и увидели потрясающую картину. Масса народа со всех концов Родины. Звучит классическая музыка. Все торжество происходило у памятного обелиска в честь Победы на Поле Куликовом. Огромный, более чем 100-метровый венук, обвитый цветными лентами, несут несколько десятков витязей. Когда венук сомкнули вокруг памятника под музыкальный аккорд, началось торжество.

Говорили о любви к Родине, о защите ее границ. О том, что мы никогда не вели захватнических войн, но всегда освобождали свою землю от посягающих на нее, всегда были щитом для западной Европы от ордынцев.

По окончании торжественной части мы все разбрелись по Полю Куликову, чтобы представить себе, где стоял полк левой руки и полк правой руки, где стояло в засаде огромное войско Владимира Серпуховского — двоюродного брата московского князя, и воеводы Боброка Волинского... Где же стоял передовой, плохо вооруженный отряд фактически смертников с переодетым в платье простого воина самим Великим князем Московским Дмитрием? В связи с этим вспомнили, как в Политехническом музее мы были свидетелями и слушателями торжественного заседания

по поводу 600-летия победы на Поле Куликовом. В президиуме — академик И.И. Минц. Кто-то послал ему записку с вопросом: «Почему Великий князь Московский переодет в платье простого воина?» После долгого, нудного своего доклада академик ответил на записку: «Он не хотел быть убитым». И вдруг из средних рядов с шумом встали молодые ребята, и с возгласом: «Здесь заседают сионисты! Нам здесь нечего делать!» — и покинули зал. Мы же подумали — если Великий князь встал в отряд смертников — он же не думал о сохранении своей жизни, а своим примером хотел показать воинам, что он не боится смерти; и что ребята эти правы. А дальше на Поле Куликовом мы собрали землю, собрали польный и татарник — «Ах, какой колочий этот татарник!» Хорошо, что кто-то, услышав, что мы везем в свой больничный музей, этот «кто-то» подарил нам телогрейку, в которую мы и завернули татарник.

Возвращение с Поля Куликова. К этому времени был закончен ремонт хирургического комплекса 64 больницы. Много новых кафедр, а с ними — хирургов, преподавателей, профессоров появились в его отделениях.

Вдруг от администрации больницы объявление по всем корпусам, отделениям и кафедрам 64-ой московской больницы: «Конференция проводится комсомольской организацией больницы по поводу 600-летия победы на Поле Куликовом. Присутствие всех сотрудников, больничных и кафедральных, обязательно».

Аудитория на 3-м этаже больничного корпуса переполнена. Чувствуется волнение. Со стороны же новых сотрудников — недоумение... «Потревожили. Кто? Да, какая-то молодежь!».

На сцену выходит секретарь комсомольской организации Лариса Савина и объявляет: «При выносе священной земли, польны и татарника, привезенных с Поля Куликова молодежь и комсомольцами нашей больницы, прошу всех встать! Простите минутой молчания почтить память воинов, павших на Поле Куликовом!» Выходят Татьяна Кайшева и Юлия Фоменко. На расшитом полотнище — чаша с землей. В большой вазе — польный и татарник. Какой длинной показалась всем эта минута молчания. В головах у присутствующих пронеслись те страшные кровопролития на Поле Куликовом, те наши исторические события.

Под бурные аплодисменты комсомольцы пронесли в музей привезенные реликвии. Затем началась торжественная часть.

Какой доклад был составлен по летописям, по книгам наших русских историков общими силами молодежи, воспитанной теми ораторами, с которыми они встречались и общались в разных краеведческих музеях и разных аудиториях! Доклад прочла Ольга Григорьева. По окончании его не выдержала одна из гостей — художница, и бросилась к Ольге, расцеловала ее и вручила ей букет роз. А наш гость, художник-график С.М. Харламов, ставший впоследствии лауреатом многих премий, подарил музею серию своих графических работ, посвященных победе на Поле Куликовом.

А что было потом? Графические работы, подаренные Сергеем Харламовым, не уместились в нашем небольшом музее, имеющем выход в парткабинет. Пришлось занять ими пустые стены этого кабинета. А рядом поместили плакат со строфами Н.Рубцова, так полюболюбившегося нам тогда «Россия, Русь! Храни себя, храни!».

Приходит туда секретарь партийной организации Л.И. Горохов (ныне покойный) и восклицает: «Папа! Сергий Радонежского повесили! И где, в парткабинете! Немедленно буду жаловаться главному врачу!» И вызвал главного врача. Тот пришел, посмотрел на графику С. Харламова, и обращаясь к Леониду Ивановичу, ответил: «Леонид Иванович, вы же должны на образе Сергия Радонежского воспитывать молодежь! Это же был замечательный человек и замечательная фигура в объединении Руси и защиты ее от посягателей!» И вопрос был исчерпан.

О событиях на поле Куликовом в 1380 году я рассказала своим внукам-двойняшкам, дошкольникам Васе и Ване. Ваня вдруг заметил: «Да, бабушка! А может быть, наш прапрапрадедушка тоже там воевал и погиб на Поле Куликовом!». «Да, Ванечка! Не только наш лично, но и у многих других наших с тобой современников такое могло случиться!».

В летописи, которую вели наши комсомольцы и которую мы передали в Музей Обороны Москвы есть такие слова: «У нас есть история, которой мы гордимся. У нас есть люди, о которых мы не имеем права забывать. Ибо, какими мы сегодня стали, и как мы живем, зависит от жизни, труда и подвигов наших предков. Так же как и наша жизнь, труд и подвиги станут частицей жизни наших потомков».

К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне на имя администрации 64-ой московской больницы пришло письмо от правительства Москва, отдела культуры, и сотрудников Музея Обороны Москвы, где отметили большую патристическую работу, проводимую в больнице среди молодежи в течение многих лет, и что летописи, переданные Музеем Обороны Москвы, до сих пор изучаются его научными сотрудниками.

В Грозном начались работы по реставрации здания Союза писателей

Такому отношению властей к своим национальным писателям в России могут только позавидовать

В Чечне ведутся реставрационные работы здания Союза писателей (СП) республики — исторического архитектурного памятника XIX века, уцелевшего после военных действий.

Как сообщили в пресс-службе президента и правительства Чечни, двухэтажное здание Союза расположено в центре Грозного. Его общая площадь 700 кв. м. Для восстановления памятника архитектуры привлечены лучшие архитекторы, дизайнеры и художники Северного Кавказа.

По словам председателя правления СП Чечни Канты Ибрагимов, здание Союза писателей внесено в реестр памятников России. «Специалисты восстановят прежний вид старого здания, и оно прекрасно впишется в современный вид красивого и благоустроенного города. Обеспе-

чение кабинетов необходимым инвентарем взяли на себя некоторые министерства и ведомства республики», — сказал Канта Ибрагимов.

Он отметил, что после сдачи объекта в эксплуатацию здесь разместятся правление Союза, литературные консультанты, редакция журнала «Альманах-заманхо», будет работать клуб молодых писателей. «На сегодняшний день руководство республики уделяет особое внимание творческой элите. Поддерживаются таланты, создаются условия для реализации ими своего творческого потенциала. Нам остается только писать и воспевать наш прекрасный мир» — отметил Канта Ибрагимов.

Реставрация здания завершится к 20 августа. В СП Чечни входит 117 писателей.

Евгения МУХИНА

Возвращение Доржи Банзарова

Некоторое время назад в Бурятии в рамках празднования 75-летия Джидинского района состоялось торжественное открытие памятника выдающемуся мыслителю, просветителю, общественному деятелю, ученому и литератору Доржи Банзарову. Представитель древнего рода Урэнхой, из сословия казаков-бурят, человек блистательного ума и гигантской трудоспособности, Доржи Банзаров всю свою жизнь посвятил изучению монгольских книг и рукописей, которые хранились в Азиатском музее Академии Наук.

Ученик знаменитого монголооведа Осипа Ковалевского, близко знавший многих их декабристов, Доржи Банзаров известен научному миру своим фундаментальным трудом о шаманстве у монголов, своим универсальным знанием восточных и европейских языков. Его именем по праву названо высшее учебное заведение в Улан-Удэ, ему посвящены научные конференции, о нем пишутся книги, ему посвящаются стихи, память о Доржи Банзарове хранят камни род-

ной земли, столь любимой им, хранит могучая тайга и, конечно, его земляки, собравшись по вере, крови, по убеждениям. Он прожил ярких 33 года... Он многое успел!

Памятник, созданный прекрасным скульптором, академиком Васильевым на средства, собранные писателями, общественностью, правительством олицетворяет любовь и память всего народа.

Светлана ВЬЮГИНА

Сергей Котьяло

КРИК

...нежное солнце свернуло вспять. Загозили красный лист кленовой осени и пауносно-томительные, нарочито-духмяные оранжевые плоды садов и огородов. Обмякло опустели сизо-черные натруженные руки работники к земле после упорительно-надрывного труда работники к земле. Девочка с бледным, как тень месяца в ночи в водах лимана лицом, с причудливо непонятым для наших земель множеством косичек, тонкая и прозрачная, сродни свету сладкого августовского утра, в коротком вереске ситцевого платья на голом теле, босая и быстрая, бежала по кромке яра, отчего, глядя на ее парящий над пропастью полет, захватывало дух и сводило беспокоемством нерв сердца...

— И я её любил, — сказал в густом лесу недосыгаемых подсолнухов и конопля. — Да и я ли один, — продолжил он, заправляя в трубку чум, — и ее ли одну... Вот ты, например, — кивнул в мою сторону, — скольким бабам жизни напортил невинно, — со значением, чем прямо таки поверг меня в смятение, ибо никогда не смел с кем бы то ни было обсуждать свои чувства, однако на сию пору отчего-то промовка на его затейливость и даже со вниманием слушал продолжение, — да и, верно, еще скольким устроишь промывку, — промыслив несколько, запалил заправку, бражно умеючи затянулся, — чудно, — заключил неясно.

... а солнце лилось за горизонт. Девочка в синем ситцевом платье растворилась в сивой прохладности сумерек. Приятель пускал синие дымы и медленно отбывал в непонятную моей неискушенности дурь, оставаясь позади меня среди стволов конопля и подсолнуха. Я мигнул крикливое рынее алых и червонных маков, щедро насыпанных мамой по уже посохшей ботве картофеля и полегшей долу фасоли, и прочему, чего натякано по огороду, крепко нужного для нищеты простой трудовой...

— Оставался бы дома, — из темна сеней сказала мать грустно и строго, — непутевый, как давно за глаза называли меня в роду.

— Не могу, — буркнул уже из-за кустов малинника, стукнув калиткою опривтор.

— Бродяга несчастный, — в сердцах брызнула скорбью мать и тоже закрыла дверь, зная, что непременно дойду до нашей станции третьего класса, зайдем впопых в первый попавшийся поезд и молча поеду до Москвы, где обычно никто не ждет и до определенного часа никому не нужен; потом крик мгновенной долгой любви, ее разочарование, рьяное служение идеалу, неспешный поход в никуда, два-три выстрела врагам в спину, обещание более не воевать и снова, и снова, и снова...

... гора за горою... Пророк за пророком... Дивные холмы и дикие дети... Белье снега и белое небо, свист бомб и снарядов, сыпучие в полумье дома и безнадежный всхлип смерти... И никто не хотел умирать... И никто не скидывал палец со спускового якоря автомата знаменитого и вечного в веках теперь сержанта Калашникова...

— В-в-вы, — заикасто обратился из небытия посыльный, — капитан...

— Верно, — весело перебил доклад, — не буду майором...

— Да нет же, — ретировался боец. — С батальоном тотчас должны вступить в погоню за Шамилом. Вот, — протягивая листок приказа, от себя посыльный пересказал его о сути, — по направлению Толстого-Юрта...

— Добре, — сказал я порученцу, — ступай, нехай сигнальщик дает ракету «тревоги»...

...синий свет полоснул в небо и пал на вершину горы белою ленточкою. Боевые бронированные машины вышли на марш. Братва за братвою докладала силою молодости порыв быть впереди жизни, и задача их капитана, битого и мыленного под запрет на веревку, требовала сдерживания порыва и возможного сохранения для любви, для продолжения...

— Задрать люки. Без команды не стрелять, — говорил я обыденные слова в трубу по команде. — Без нужды в плен не сдаваться. Командирам подразделений напоминать бойцам о выполнении мирот-ворческой миссии: мы на своей земле; у нас нет врагов, кроме бандитов, которых в плен не брать! Все! Я — «Ноль-первый» — иду впереди, остальные — за мною, соответственно указанному на картах подразделений маршруту. Связь кодовая и непрерывная...

...туча за тучей... Гроза за грозой...

На позиции плачет одинокая старичка в черном. Пули стелятся с обеих сторон вражды к ее сандалиям, но она никак на них не реагирует, разве что изредка посохом от-гребет к краю обочины, продолжая читать «Псалтирь», кафизму за кафизой, и плакать, молясь за живых и мертвых. Бойцы батальона стервеуют по единорверке и до степени теряют покой труда войны, тогда как бандиты тоже не робкого десятка: бояться, но стреляют безумно и зря...

— Слушай мой приказ, — даю команду в трубу, — операция «освобождение» началась! Противник должен быть незамедлительно уничтожен! Слабонервных командиры подразделений обязаны вывести в резерв начштаба! В переговоры не вступать! По возможности из-бегать обнаружения! Передвижение по линии огня группами до семи человек! Вперед! — а сам стою, ноги не движутся.

...эй, ты, косоротый, — слышу радио, — это я, Шамиль! Если ты не убеешь своих псов... — напряженно диктует условия, но уже я за его спиной, надавив ствол в печень, продолжаю свой диктант:

— Это я уберу тебя, — нервически-радостно, — простой русский Ваня-капитан, — и пуля хорошего русского сержанта Калашникова разрывает в ключья боковину неумного Шамиля, а другая — уже его, — кинула о бруствер меня...

Безвольные очи поблуждали по небу за быстрым полетом над пропастью девочки в синем... Носилки... Халаты белые и сиплыв, негромкий голос хирурга, огнявшего от тела мне правую руку: «Верно, не быть капитану майором...» — и она в синем платье парит над яром в сумерках синих...

... И никогда не полюбит меня.

ЛЕПЕТ ОБМАНУТОГО ВОСТОРГА

(Из книги «Крик журавля»)

... Поезд шел прямым безостановочным курсом, облепленный мокрыми листьями, срывал на полном ходу пелену с туманного утраченного утра, сгонял седоков, квелю дремавших на бледно-розовых букетах из вишневых корявых ветвей, врезался тупой мордой в сиреневые гроздьи весны и хрипло дышал парами соляры, рассыпая их от натуги перед бесконечностью пространства по голой, еще прохладной земле. Он вез среди множества живого накопления остывшее тело Лени Сивомеренкова из настоящего через прошлое в Вечность. Бу-

дущее этого худосочного состояния оставалось где-то там позади, как города, пробегаемые нами на сверхскоростях, как села с их нетленной константой рабского труда и рублищ, как вольные хутора, смазанные ластиковой подушкой с ландшафтными карт...

Леня смотрел сквозь дымку влажной желтой неспешности тихим и кротким, блаженным взглядом младенца на порчу состояния мира сего и по-прежнему, как в детстве, ее не замечал. Пустое созерцание перебивалось мыслями о диком восторге юности перед званием национального Героя и, хотя он и не подчинял себя им, потому как был таковым без остатка, чувственное преобладало над зримым. Железная крепь магистрали обрательной перспективы уже ничем не отличалась от той, какую проехал на жизнь в настоящее будущее и стал тем, чем мечталось и чем держался... Даже на суде, в последнем слове обвиняемого, какое позволяет самым отпетым неистовым преступникам, задиристо сказал:

— Я родился, чтобы стать национальным героем и умереть, и быть по тому! — чем несколько растрогал пропахший микроклимат тучно-зеленой залы суда, занавешенной от общества

лежал на деревянном матрасе и пылился в зарешеченное окошко под потолком, и видел яростное рвение спутников из противоположного направления к восхождению на Олимп национального героизма, и страх сковывал тело, и кровь замораживалась в жилах оттого, что он может запоздать и черта списков участников похода за национальный героизм будет подведена, и жизнь его потеряет смысл в социалистическом равенстве, и он захочет без коммунизма, куда его не допустят за вредность... Завернутый в куцую, сработанную по-домашнему, штопанную-перештопанную дошку, он глазел в зарешеченную световую форточку и вдалбливал, втискивал в мозги единственную верную и остаточно-созвучную Генеральной линии справедливую мысль по основным статьям международного и советского права, конституционным примером чему служит начало бытующего на устах военного устава, где статья 1 (раз) гласит: «Начальник всегда прав», — а «Если не прав начальник (командир)», — пишет статья 2 (два), — смотри статью 1 (раз)», — без объяснения надобности и причин возникновения последующих статей. Леня не слушал и не участвовал в брюзжании соседей

ную беседу:

— А ты, ведь, брат, врун, — осуждающе шурясь, на что Леня лишь кивнул в знак признания вины. — Да-да, друг мой ситный, врун. Прикидывался немым, а оказалось и трепать могешь. Ну, да ничего, мил человек, я на добро зла не держу. Мой портрет, говорят, на выставке в Москве, среди мастеров художественного ваения волнующим местом отмечен. Так что решил дать тебе вольную, — говорил он, тогда как Леня упорно молчал и глаза его скорбно тускнели и печалились, означая: не жди худа без добра. — Дуй-ка ты на фронт, — настаивал уполномоченный края, — искупай вину и живи по совести. Я ведь тоже человек живой и сердце мое не из черного камня, — и споведывался радеть, отягощенный несвойственной его занятию затеей. — Родина наша в опасности пред войной центрального боя. Для войны таково требуется сила крови. Вот и порешили лить ее из тех, кто вытрусился, — забывшись в думках, замолчал начальник.

Парализованное тело Лени затрясло и пальцы рванули шерсть с головы, затем оно стало сжиматься в старческий ком, горбась; что-то зашамкал он пустым забралом, падая на

ТРИ РАССКАЗА

К Сергею Котьяло нельзя отнести пушкинские слова: «Мы ленивы и любопытны». Он и труженик пера, и весьма любопытен, пытлив относительно всего того, что относится к духовной философии, к истории, к прошлому и настоящему нашей страны, народа. Можно даже сказать, что основой его рассказов (при всех их тематических различиях) стало серьезное осмысление автором исторического пути нашего народа в XX веке. Знание исторических фактов, культурно-литературных явлений не стало для Сергея Котьяло мертвым капиталом, а перерабатывается им в живые образы, в жизненные раздумья. Характерность, небыльские черты времени передаются автором через резко неожиданные ситуации (комиссар в роли «красного попа» в одноименном рассказе). От рассказа к рассказу вроде бы «мыслительные» сюжеты становятся все более жизненно-убедительными, объединяясь внутренне родственны-

ми замыслами.

Через все рассказы Сергея Котьяло проходят поезда, железнодорожные станции. Страна сорвалась со своих устоев, был разрушен и жизнь людской массы обрвалась в бруново движение. В рассказе «Лепет обманутого восторга» образ поезда то с теплушками, то с зарешеченными окнами сопровождает всю жизнь главного героя, храбро воевавшего, ставшего эзком, влекомого судьбой через тысячеверстные пространства с востока на запад и обратно с запада на восток.

Поезда идут сквозь страну, сквозь время, сдирая с человеческих душ надежды и веру. В этих рассказах явлена опыт нашего современника, его понимание происходящего.

Следует отметить выверенную работу автора над языком, над фразой, которая обычно стилистически активна, оценочна...

Михаил ЛОБАНОВ

плюшем цвета болотной жабы, и поджарый бритоголовый судья, будучи безупречным по части выполнения долга, заведенной на жизнь единодушной поддержкой аплодисментов товарищей, объявил металлическим миномор приговор:

— За подрыв социалистической новизны и за националистические воззрения лишаем тебя несвободы свободной и одаем в исправительный дом, — от имени и по поручению Российской Федерации, что, конечно, превышало заслуги несовершеннолетнего преступления, однако нисколько не смутило строгостью благодушного Леньо Сивомеренкова, умевшего любить всех и вся отчаянно, гневно и нежно... Но сверх того, отдавал он предпочтение чувствительности насучившему ему за годы странствий трескучему до оскомины на зубах скрипу тормозных колодок и ненавистному грохоту чугунных колес, таскавших его туда и сюда, выбрасывавших там и сям среди голубых возвышений Уральских гор, сизых хребтов Алтая и колочей пороши Поморья... Где-то там, в польные озера Тургайяк, подковала судьба Леньо на водружение шагающего по белу свету экскаватора, который, не будь дураком, возьми да на глазах у присутствия шлепнись под откос в вырытый для моря Будущего яр и больше никогда не поднимись на место, куда его воздвиг смелой юностью инженер-романтик. Экскаватор повалился потому, что под ним была земля слишком мягкой и гибкой, но это не помешало очарованному специалисту попасть туда, куда Макар своих телят не гонял, за злонмеренное разрушение только что отстроенного социализма...

... Было былое и поросло быльем. Но однажды, кажется, осенью сорок первого года, или в начале весны сорок второго, в зябкий день по распушенной грязью дороге прибыл за Леньей Сивомеренковым на полуторке оперуполномоченный края, одетый в белое на каблуке обкомовские бурки и шубу из строптивой горной козы своротником из енота, мудрено супясь, расхаживая меж заготовок к новым лицам передового коммунистического движения, прежде чем увести умельца с собой, начал заключительную политико-воспитатель-

... Поезд бежал и бежал, останавливаясь на немного, подпитывая нена сытное алчное чрево механизма движения солярой, и снова бежал. Леня

по нам и вообще не говорил ни слова, а честно и мужественно служил порученному государством предприятию и это способствовало развитию его нравственного этикета. Соучастники движения вперед сочли Ленью лишенным голоса, признав за ним твердость духа и несклонность к измене, препоручив его служению руководителям служб и общественных организаций. Последние, чтобы не потерять из рук единицу хозяйства, сохранили до поры ее в тайне от учреждений, спрятав подальше, отчего Ленья денно и нощно долбил кайлом и кувалдой мраморные валуны, локво метал резцами рельефы, ваял портреты особо известные и подчас бесполезные воспитанию общества бюсты за баланду, за черствую черняшку, запеченную напополам с словыми иглами, со свекольным жомом, за право жить в шалаше, — как вождь мирового пролетариата накануне социализма, — в отличие от своих коллег, коротавших сон в долгих и вонных бараках. Леня полюбил стиль проживания себя и ремесло ваения, мало-помалу забывал голубые мечтания прощаться в веках. Когда кто из начальствующего состава, формы ради, пенял на ударную сторону содержания приговора, он грустно вел плечами и негромко отнекивался:

— Было былое и поросло быльем. Но однажды, кажется, осенью сорок первого года, или в начале весны сорок второго, в зябкий день по распушенной грязью дороге прибыл за Леньей Сивомеренковым на полуторке оперуполномоченный края, одетый в белое на каблуке обкомовские бурки и шубу из строптивой горной козы своротником из енота, мудрено супясь, расхаживая меж заготовок к новым лицам передового коммунистического движения, прежде чем увести умельца с собой, начал заключительную политико-воспитатель-

... Молчи, дурья твоя голова, али не знаешь правил военного времени? Леня ехал и думал над правилами военного времени, пытаясь представить полную картину массового героизма. Он никогда еще не видел войны, а там, где продолжалось движение состава, существовал напряженный холодный мир, какой был в лагере, откуда он получил вольную для участия в войне. Слова вроде и вязались меж собой, но понятия взять в толк Леня не мог...

... Поезд бежал по паюсным пескам, по волнам реки Волги-матушки. Остановок становилось меньше и меньше. Разговоров меж служивого лоду вовсе не стало. Немел и мужался служивый народ перед въездом в престольный град, в столицу мировой революции, город-герой-мученик Москву, умевший возгораться от французских сигарет торжествующим ликованием победителя всех войн,

колени, впиваясь, всхлипывая, окочевными пальцами в остроносые щегольские сапоги природы, гагыкая будто немой...

— Ну-ну, — брезгливо отмахнулся заезжий. — Не бойсь, не убьют, а убьют, то беда невелика — все лучше герою в памяти народа остаться, нежели пасть безымянным в го рах Великого Урала — Кузнице революции, — и, пройдясь неровно взд-вперед, велел властно, — грузись, освобожденный для фронта!

Поезд бежал и хрипел, свистел, сопел. Народ, рассыпанный по нарам, кутался в абы какие и военные одежки, дымил нарочно внутрь табаком. Кто-то из призванного контингента, было, на одной из закодированных от противника остановок закричал, но его тут же таянул по загревку ребром ладони кадровый вооруженный командир:

— Молчи, дурья твоя голова, али не знаешь правил военного времени?

Леня ехал и думал над правилами военного времени, пытаясь представить полную картину массового героизма. Он никогда еще не видел войны, а там, где продолжалось движение состава, существовал напряженный холодный мир, какой был в лагере, откуда он получил вольную для участия в войне. Слова вроде и вязались меж собой, но понятия взять в толк Леня не мог...

... Поезд бежал по паюсным пескам, по волнам реки Волги-матушки. Остановок становилось меньше и меньше. Разговоров меж служивого лоду вовсе не стало. Немел и мужался служивый народ перед въездом в престольный град, в столицу мировой революции, город-герой-мученик Москву, умевший возгораться от французских сигарет торжествующим ликованием победителя всех войн,

начиная с Батия Мордоватыча и заканчивая зашифрованными под Гитлера Адольфом фельдфебелем. Леня никогда прежде не видел этого легендарного, утомленного частой сменой своевласти города, но помнил вдохновенные возгласы Маруси Демченко, полногрудой девки в красной козынке, забегавшей до уроков в школу после участия в Первом колхозном съезде, представляясь скромной труженицей Старосельского совета, и зачумленного Никиту Изотова, сгоревшего огнем совести за проявленный массовый героизм неподалеку от «Кочегарки»... Спросит Леню во чистом поле, в лихом гомоне незаблук Маруся-санитарка, непорочная, ненаглядная, не знавшая полноты счастья замузжале, в погожую майскую ночь:

— Какая она Москва? — и Леня, выдержав паузу благо чести пред светлым образом матери всех городов российских, скажет:

— Да кто ее разберет? Велика, наверное.

Сколько-то времени поезда не участвовали в жизни Лени Сивомеренкова, и он с напряжением сердца ждал их приближения и надеялся на них. Мать прислала для покоя на фронте грубую золоченую иконку Христа-Спасителя, сопроводив словами письма:

«Ты, Леня, не бойся, носи ее под сподним. От нее вреда не будет, а вспомощие не помешает. Ты, Ленька, от пули не падешь, ты в рубашке рожден и не в том твоё знамение, чтобы от ружейного хлопка гнуться. Но Бога держи и не прячься за чужие спины напрасно, ибо от них не столько облегчения, сколько вредности простому человеку. Я, видать, тебя уже не дождусь, голодно у нас и шумно, но ты, сына, мужайся, стой за поруганное наше Отечество вольное, как встарь стояли. Не от него ты беду терпел и смуты обязан жизнью, и потому стой с Богом, да нас, злыдней, памятуя. С тем твоя мамка, Маруся Сивомеренкова».

Ой, стоял Леня, с орлиной зоркостью и собачьей преданностью за честь и свободу Отечества стоял, но радости в совершении долга испытывал мало. Ходил он в разведку во стан воинов вражьих, резал по-живому супостатов часовых из общего чрева ворога, языки разрезал, мучительно срывал окровавленные чоботы с покойников и без промывки напивал себе на мороженное, загноенные ноги, но стражащее сердце не знало покоя, видя, как у ног его, сбитых в военных походах, лежит поверженная голубиная невинность, заснувшая навеки ради запавшего юношеского мечтания о мировом национальном героизме... И снова побежали от плоскогорий в Ясских Карпатах, повезли в госпиталь без надежды на будущее поезда. Свистел машинист и стучали колеса, кричали за ними на разных языках:

— Мама, мамочка, спаси... — только Леня мужественно молчал, определенно зная, что смерть его не в пуле, что с ним и рубаха, и Бог, и свободная Родина. Кусал Леня губы, комкал на голове космы, сунул густо брови и вынул, но не кричал. Лейб-медик санитарного поезда вез порожнее тело солдата и не знал, что ему с пустотой этой делать. Выпустил по столу собранные на багряном маковом украинском полекишки в алюминиевый таз, прополоскал их в военно-медицинских растворах, раскроил, зачихнул в пустое брюхо и заштопал суровой ниткой иссиня-белые поры ткани, ругаясь матом на ассистентов, швыряя на пол инструменты, и в отчаянье звал так, что локомотив затормаживал ход.

— Сволочь! Ну почему эта сволочь не убила его до конца? Почему он не издох по пути в санбат от потери крови? Почему? Почему? — стискивая зубы, хрипел доктор. — Почему? — я вас спрашиваю, — вопил он в окно, а Леня продолжал кротко и бездыханно пребывать в дреме от введенной в него анестезии, не слыша хирургического судного крика.

— Господи, — молился доктор, видя, как уже оживший солдат Сивомеренков переполезает из своего купе в сортир, потому что стыдится просить утку для отправления своих пустяковых, в сравнении с иными, надобностей, — если ты есть, тогда по-

чему не приберешь ты... — Не тревожьтесь, доктор, — успокаивал его больной, — смерть моя не от пули, я в рубахе родился.

Поезд бежал по рельсам споро и шумно, ликуя с пассажирами общую Победу. От запахов жасмина, сирени, мать-и-мачехи, самогона, спирта, браги некуда было деваться, и народ спешивался в массы. Составы частили остановками на перегонах, в полях и лугах, сбивались в графиках движения и после ползли на черепашем ходу, как в пустыне Сахаре, в хвосте тех, кто обошел их на виражах. Говоруны перли на рожон, лезли прямо в кирзачах в душу другому. Леня молчал среди них, виновато лаская черствую руку санитарки Маруси, слушая повторение одной и той же фразы:

— Ну, вот, нам осталось чуть-чуть и разведемся... — синеокой, доверчивой и наивной полянке...

— А ты, Герой, не смей робеть! Бей из всех калибров! Тебе правительство на то Золотую звезду Героя и выписало, и кавалером солдатским сделало... Да, ты знаешь... — гнул майор, и Маруся сошла от них в Чистополье без слов и слез, глазами провожая состав вместе с непомерным торжеством чувств, озадаченная хлопотами утраты, благословляя проснувшийся внутри плод безумной фантазии, чтобы мыкать с ним худо-радость по белу свету. Поезд рысдой убегал от Марии. По вагонам вопил неугомонный патефонный дискант в составе ансамбля Александрова:

«*Наш паровоз вперед лети...*» — в купе, где Леня, проколебавшись перед выбором, обессилел, обмяк и надолго забился под аккомпанемент майора, перебиравшего поредшими от войны пальцами струны трофейной гитары, и больное, расстроенное окопное меццо-сопрано связистки Катюши, жалостливо певшей:

*Ридна мати мая,
ты ночей нэ доспала
Ты водыла мэнэ у поля край сзла.
И в дороге далку
ты мэнэ на зори проводжала,
И рушник вишиваний
на щастя, на долю дала... —*
ушедшее, родное...

Поезд гнал без разбора, спотыкаясь о каменные кочки с гвоздиками, ковыляя по калмыцким степям, перескакивая со стрелки на пылающие в лучах оливковые вершины хрустальных гор, тянулся в дымчатые холмы облаков, спадая от случая обстоятельности над разрушенным беззвонной стихией огарком прихода, таившего в дивном шестесте трав подорожное празднество Троицы...

Запряженный стальной уздою электрического накала поезд не знал усталости, тянул на сверхскоростях выше и выше разомлевшее, пропитанное миндальными каплями и анисом тело в лазоревую покойность сновидений и сонмов над бредущей за дальним причалом по янтарной россыпи тенью, мановеньем руки указуя на рыбацкий, поросший бурьяном погост, будоража шуршаньем прозрачных шелков на плечах несдутую пену лимана и клетот осинный в листанье розмаринных листьев...

И снова движения не было. Остановка тянулась. Окоченевший поезд находился во власти молодого, спавшего прямо на рельсах верблюда. Любопытные варвары шествовали в колонне созерцателей заблудшей твари. Леня шагал вместе со всеми в хвосте марша, прикоснувшись миролюбивого сна верблюда раскосым прищуром, он беспричинно озлобился и сданул горбатую скотину в бок, затем еще раз, и еще.

Его с трудом оторвали от занятий два дюжих танкиста в сторону, повалили на откоси связали боевыми ремнями по рукам и ногам. От боли в теле он как бы очнулся и сказал, застонав: «Ууух, — лицо его осклабилось гримасой безумца, — это не я, не я...»

Верблюд вскочил на ноги, снисходительно улыбнулся уголками рта на присутствие, опустил голову и пошел прочь от железной дороги. Пассажиры с грустью проводили горбатого безмолвием. Растроганные солдатики шмыгали носами, растирая по-

теки на глазах. Старый джигит, чуть коснувшись посохом плеча солдата, сказал на выдохе:

— Он тебя не простит. Он тебя и через десять, через пятнадцать лет найдет и убьет. Берегись, Иван! — на ломаном русском и поплелся за горбатым по желтым влажным пескам пустыни. Поезд стоял еще сколько-то заворожено и побежал напрямик в Старый свет...

Состав гордо петлял в сущняках мимо калек и босых голодных детей, мимо скучающих стражников, шупавших на посту иссохшие бабы груди, мимо пустынных сеятелей уродливых нив и военных заводов.

— Нет, невозможно человеку с надорванным от гнева сердцем не ударить кого-либо, видя окружающую его бедность...

Достучались колеса до последнего героического тупика, отпустив пешего Леню на труды праведные. Навстречу гудел с японского берега злоеший тайфун, падали высоты величественные кедры, выли пробковые дубы и женственные головы лип под повалившимися на них осколками разбитого старого ильма. Впереди беда служивый поводырь проводил Леню в зимовье по пустоте таежного лада. Присели они сообща перед расставанием на мягком, поросшем мхом валежнике.

— Тут вам не острог, — заговорил на высоком фальцете служивый, — и не рай. Отмашете мировую дорогу — выберетесь на людей, а нет, то и суда вам нет. Никто вас вызволят не станет, — да с тем и ушел.

Утомленный чувствованьями, Леня вошел внутрь сруба, вглядываясь в смрадную обитель, в протяжное дыхание спящих рубчииков, опустился на край нар, опершись головою на широкую ладонь, и закрыл глаза от серого скупного света, пропуская сквозь головное шевеление героический фатум. Весь он отныне во власти страны Океании, лишенный поездов и долгих беговых страстей чугунных скрипов. Сплошь дремучесть: зеленая речка и рябое, кишашее обилием рыбы озеро, произвольно гниющей, скапливая тем самым мертвое фосфорное свечение; заросли лимонника, завалы пихты и кедра, безмерный крик воронья и писк ильки, хрип тигровых схваток... — Солнца нет! — Леня выбрался из сруба на терпкий таежный воздух. Ступая по земле в орешнике, невольно задел истлевшие кости боярышника и застыл, превратившись в слух страха.

— Нет, — пересиливая одно состояние другим, — сказал он себе, — я выберусь на волю, я жить хочу и ездить в поездах...

Леня вернулся в зимовье, наточил камень топор и, оставив спящих на нарах, принялся косить деревья. Падали ниц стройные стволы друг за другом в ноги солдата-героя, как клятые вороги, не знала его буйная годовушка ни пошады, ни мысли, ни покоя, ни пищи. Ломал он каторжный хребет живой думой о свете, которого накапливалось в таежных потемках от дерева к дереву больше, больше... — Кутру он нарубил порядком стволков, зверь отошел от него ближе к океану, к сопкам Маньчжурии. Соратники по труду, напившись из родника студеной воды, огляделись вокруг и диву дались.

— Эйж, — закричал самый дюжий из них на бесчувственное тело Лени, укрытое от комариной назойливости ветвями пихты, — ты же так научился сокирой махать, герой?

— В Сахаре, — тихо ответил Леня.

— В Сахаре, бугор-самозванец, лесов нет, — засмеялся тот же соратник, и хор забайкальских комсомольцев поддержал заводилу...

— И здесь не будет! — твердо сказал Леня, поднимаясь с лежбища, — в руках у него была грязная желтая чурка, которую он не то жевал, не то сосал, — это корень жизни, корень юности и мечтаний. Люди клали на поиск этого корня себя целиком, а меня он сам нашел, — говорил Леня курившим махру и кизьяк, опускаясь в беспомысленстве...

В чаду Вечности свистали локо-

мотивы и скрипели тормозные колодки и голос собственной юности, когда в жилах смешались кровь и горький анчаровый сок, строго спрашивал с Лени:

— Для того ли лежал ты на червонном украинском маковом поле, чтобы этот негодный корень растоптал цвет мечтанья? Для того ли ты ничего не жалел: ни Бога, ни суженой, ни хлеба? Для того ли сносил с лица Земли хутора и села? Для того ли возводил башни и останавливал течение рек? Если все, что ты делал, стоило награды, тогда кто пренебрег, кто посеял в тебе сомнение? Кто растоптал тебя? Откуда, из каких щелей протекает ядовитая мерзость отмщения?

— Изыди, — хрипело сердце голосу, — не мешай мне любить свет, не заслоняй мне солнце. Я слышу, я вижу свой поезд...

Поезд привез холодное тело Лени Сивомеренкова на пустынную станцию Чистополь. Солнце замерло над распущенным флагом. Полуденный колокол трижды ударил по вокзальной тишине. Зашумели листьями груши и яблоны. Скорбной мерностью сквозь анфиладу комнат шла сухая, повязанная пестрой в алых розах козынькой синеокая полянка санитарка Маруся прямо на одинокий профиль, выставленный из состава убитого эшелона.

— Вот и встретились, — должна была сказать санитарка Маруся, — она промолчала.

Грянул гром в ответ на чистое-чистое ровное небо. Солнце подскочило выше, вопреки объективному Закону развития природы и косой тонкий густой дождь полил прозрачную воду на Землю. Радужный нимб обвил открывшее солнце, и мокрая санитарка Маруся сказала:

— Это к счастью, — Лене.

Вода текла по перрону. Пространство наполнилось ароматом фиалок и флоксов. На груди Лени Сивомеренкова светилась Золотая Звезда героя. Поезда бежали мимо него на запад и на восток, свистели, свистали, чуть притормаживая ход, чтобы скрипеть тормозами и грохотать чугунными колесами...

МАННА НЕБЕСНАЯ

Машина привезла их в обитель святой великомученицы Екатерины поздней ночью. Юный монастырский послушник развел гостей по келиям для отдыха. Зной, который паломники проехали от пристани меж красных скалистых гор, мгновенно сменился черною прохладою. Крупные, с яблоко, червленые зори частили, дымились над крышею гостиного двора. И было тихо, совсем тихо.

Илюшу уложили в мягкую, на удивление для столь строгой уставом обители, пушистую постель. Он, едва коснулся подушки, сразу уснул крепким сном. Но скоро его подняли, зачихнули в теплую шерстяную куртку и потащили за верблюдом по камням на гору.

Понятно, встать-то он встал, однако проснулся только к середине подъема и немало подивился многолюдно тянувшейся снизу вверх вереницы, пересыпанной верблужатами и верблюдами, навьюченными всадниками старыми и малыми. И это было мальчишке любо.

Впрочем, Илюша так же был любопытен движением. То связано не с его прямо таки ангельскою красотой: льняные, длинные кудри, рассыпанные по спине, кругленькое белое личико, синие-синие, как днепровские сливы очи..., — а врожденною крото-

стию, с какою он поднимался в гору, ни разу не молвив ни слова, и ни разу не аукнув на чей-то голос. Постоянная ровность и целеустремленность этого природного чуда понуждала даже взрослых, выдавших виды, знавших не одну вершину мира, собраться и вести себя достойно детскому смирению.

Только один старый геолог, будучи человеком недюжинного телосложения, вдруг, после какой-то весьма неуклюжей фразы на счет верблужей породы, распластался всею массою, этакая гора-человек на гладкой гранитной площадке. Но Илюша и тогда не шевельнулся никак, шаг за шагом возносясь над куполом собора монастыря.

В нужный час поводырь, подросток-бедуин, весело и игриво вывел партию паломников на вершину горы, на то самое место, где великому пророку Моисею Господь сообщил тайну спасения. Илюша подошел к краю отвесной скалы, вскинул широко растопыренные, будто крылья, руки горе и как бы телом потянулся за ними. Многие согладатаи вскрикнули от страха. Мальчик даже ухом не повел, потому как на него и на всех стало наплывать единственное в таком виде солнце, досягаемое и осязаемое, что ни пером описать, ни в сказке сказать. Народ плакал, пел псалмы на разных языках, китайцы долбили головами камни, арабы били в бубны... — радости, казалось, несть конца.

Так вот, и тогда Илюша восторгался ровно и тихо. Лишь глазёнки его часто мигали и сияли в ответ ширине солнца, что вырастала до размера вселенной.

Рассвет на Синае длился не долго. В течение часа природу сменило одинаковое утро и паломники пошли долу, оставив позадю на вершине горы Хорив крохотную церквушку. Илюша бессознательно плелся за поводырем. Конечно, мальчику, верно, было жалко так быстро расстаться с тем, к чему многие люди за всю жизнь не доходят, чтобы, хоть краем души, дотронуться святых стоп пророка Моисея. И все же он шел, повторяя и ровное дыхание, и молчание, и радость. Он спускался по старой дороге, которую вымостили собственноручно монахи древних времен. Ступени для него частенько превышали возможность шага, и тогда мальчик сползал по ним, не редко ударяя или царапая ноги и руки. Между тем, усложненность спуска, масштабность валунов нисколько не уменьшили кротости и смирения в выражении лица и глаз Илюши. В них читалась напряженная застенность ожидания некоего чуда. Вот-вот, казалось, с ним произойдет большее, чем весь Синай.

Так длилось от ворот до ворот, — их по спуску достаточно, — пока не достиг мальчик середины пути. Юноша-бедуин положил на стоянке, вблизи каливы святого пророка Илии, перед пещерою пророка Елисея рябое верблюдо, тыча оливковым хлыстом вниз, к Поклонному Кресту, где должен соединиться с паломниками Илюша, как на них, по какому-то странному обстоятельству оставшим от группы, просыпала белая меленая крупа, прямо-таки роса и возглас:

— Здравствуй, Илюша.

— Здравствуй Илья, — вскрикнул мальчик, — испугался, — рухнул лицом на камень и зарыдал, повторяя: здравствуй Илья..., здравствуй..., — а после и вовсе запел: «Хвалите Господа с небес...» — и уже, когда мальчика несли попутчики на руках вниз, в середине их кто-то вспомнил, что до чего часа от рождения он не молвил ни звука, и далее, до самой Неопалимой Купины они хором воспевали за арфой Давида Господеви Алилую.

Секретариат правления Союза писателей России и редакция газеты «Российский писатель» сердечно поздравляют известного русского прозаика, публициста и издателя, сопредседателя Союза писателей России Сергея Ивановича Котьяло с пятидесятилетием!

Желаем юбиляру новых творческих успехов, крепкого здоровья, счастья!

Фестиваль «Песня с песней говорит» прошел на родине М. В. Исаковского

21 августа 2010 года в селе Выходы Угранского района Смоленской области прошел традиционный песенно-поэтический фестиваль «Песня с песней говорит», посвященный творчеству поэта-земляка М. В. Исаковского, 110-летие со дня рождения которого отмечается в этом году.

М. В. Исаковский родился 19 января 1900 года в деревне Глотовка (Ельнинский уезд, Смоленская губерния, ныне Угранский район). Его, мальчика из бедной семьи крестьян, грамоте научил священник местной церкви. В 1921—1931 Михаил Васильевич работал в смоленских газетах, участвовал в создании писательской организации на Смоленщине, затем уехал в Москву. Песенные тексты Исаковского: «Катюша», «Враги сожгли родную хату», «В лесу прифронтовом», «Летят перелётные птицы», «Огонек», «Одинокая гармонь», «Каким ты был, таким ты и остался», «Ой, цветет калина» принесли ему две Сталинские премии, звание Героя Социалистического труда, 4 ордена Ленина и другие ордена и медали. Часть средств от Сталинской премии М. В. Исаковский передал району на постройку клуба на Смоленщине, вблизи от полностью разрушенной в войну родной деревни. Именно в этом Дворце Культуры находится ныне мемориальный музей поэта (первоначально музей песни «Катюша»), а на месте дома Исаковских установлен памятный знак. На живописном берегу реки

Угры размещена символическая композиция «Катюшин берег».

Открыли литературно-музыкальный праздник глава муниципального образования «Угранский район» Николай Силаев и внучка М. В. Исаковского Татьяна Никандровна Шаперина. Продолжили программу фестиваля выступления поэтов и музыкальных коллективов. Первым был приглашен на сцену председатель Смоленской областной организации Союза писателей России Виктор Петрович Смирнов, его стихи «Отними у меня Россию, что останется?...» были отмечены аплодисментами и одобрительными возгласами зрителей.

Продолжили литературную часть фестиваля яркие выступления неоднократного участника фестиваля поэта Василия Леонова (Москва), Анастасии Самофразийской (Смоленск), номинированной нашей писательской организацией на премию М. В. Исаковского в текущем году, члена Союза писателей России Виктора Петровича Смирнова, его стихи «Отними у меня Россию, что останется?...» были отмечены аплодисментами и одобрительными возгласами зрителей.

Николай Писаренко Председатель Смоленского отделения Союза композиторов России Заслуженный деятель искусств РФ Департамент по культуре Администрации Смоленской области представляла на фестивале Ольга Владимировна Грибкова. Председатель смоленского отделения Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств РФ Николай Писаренко открыл своим выступлением музыкальную программу праздника, в которой были представлены многочисленные фольклорно-этнографические коллективы. В рамках

фестиваля прошла красочная ярмарка «Дары лета», с участием сельских поселений Угранского района.

Было сказано много искренних, сердечных слов во славу именитого земляка, прочитаны стихи в его честь, сделана попытка глазами поэта взглянуть на сегодняшнее песенное искусство России, по крайней мере, на то, что именуется массовой культурой, беззастенчивым потоком извергающемся с телеэкранов. Праздник хорошей песни, гражданской поэзии, народного творчества был прекрасен и организован и стал заметным явлением в культурной жизни Смоленщины.

Мария ПАРАМОНОВА

Башкирский писатель заговорил по-чувашски

В Чувашии вышла новая книга видного российского писателя-сатирика Марселя Салимова «Эй, вы, джигиты!..». В ней представлены повесть-гротеск «Замечательный человек», юмористические рассказы и пьесы, которые перевёл с башкирского известный чувашский писатель — знаток

башкирской литературы, заслуженный работник культуры Республики Башкортостан Виталий Енеш.

Книга открывается вступительной статьёй переводчика «Свой Марсель, свой Шубашкорт», где даны глубокий анализ творчества Марселя Салимова и высокая оценка его деятельности по укреплению дружбы между народами двух республик — Башкортостана и Чувашии.

«Но всё же надо признать, что в последние годы заметно ослабли связи между братскими литературами, — говорит директор Чувашского книжного издательства Валерий Комиссаров. — Чтобы как-то исправить положение и подать добрый пример, мы решили выпустить сборник юмористических произведений знаменитого башкирского сатирика, лауреата международных премий Марселя Салимова».

На сайте Национальной библиотеки Чувашской Республики размещена статья, где написано: «Марсель

Шаймурович Салимов (литературный псевдоним Мар. Салим) — видный башкирский писатель-сатирик, заслуженный работник культуры Республики Башкортостан и Российской Федерации, кавалер ордена Дружбы, автор 26 книг. Он большой друг чувашских писателей и журналистов. Всегда принимает активное участие в мероприятиях, проводимых в рамках Дней чувашской литературы в Башкортостане. Произведения самого сатирика постоянно печатаются в переводах Порфирия Афанасьева, Бориса Борлена, Виталия Енеша, Юрия Сементера, Анатолия Смолина в периодических изданиях Чувашии».

Вот один из примеров. Чебоксарский альманах «КиЛ» («Культура и литература»), публикуя подборку сатирических и юмористических рассказов Марселя Салимова на русском языке, приводит слова великого Мустая Карима: «Времена меняются, идеалы утрачиваются, но Мар. Салим остаётся самим собой, только перо его становится острее». Действительно, остроты пера и таланта этому сатирику не занимать.

Любовь КОЛОКОЛОВА

Удана премия Андрея Платонова

В Воронеже создана литературная премия имени Андрея Платонова, сообщает газета «Коммуна», в которой в 1920-е годы работал писатель. Учредителем премии выступила редакция издания. По словам главреда «Коммуны» Виктора Руденко, в Москве уже состоялись несколько заседаний жюри платоновской премии; ожидается, что первый лауреат будет объя-

влен в конце августа 2010 года.

Размер премии составляет 100 тысяч рублей; ее могут вручить «за выдающийся вклад в развитие русской литературы, за значительные и талантливые произведения о нашем многосложном и противоречивом времени, за достижения в области исследования творчества Андрея Платонова» и «за большой организаторский вклад

в укрепление профессионального Союза писателей России». Председателем жюри стал руководитель Союза писателей России Валерий Ганичев.

Губернатор региона Алексей Гордеев поддержал учреждение премии и заявил, что в дальнейшем ее вручение будет проходить в рамках Платоновского фестиваля, который стартует в Воронеже в 2011 году. Кроме того, Гордеев предложил возродить журналистскую Платоновскую премию, существовавшую в городе ранее.

Платонов родился в Воронеже в 1899 году; в Москву автор «Котлована» переехал в 1927 году.

Фоторепортаж

В Бежецке были вручены литературные премии Валерию Мурзакову и Валерию Редькину

В небольшом районном городке Бежецке Тверской области в День города прошло вручение сразу двух литературных премий — имени Вячеслава Яковлевича Шишкова (Бежецк — родина романиста) и имени Николая Гумилёва (под Бежецком было имение матери поэта, здесь им написаны некоторые стихи).

Первая премия вручена прозаику, чья творческая жизнь связана с Сибирью, Валерию Мурзакову, за

книгу «Полина. Повести о любви». Вторая — тверскому литературоведу, доктору филологических наук, многолетнему организатору Гумилёвских чтений в Тверской области Валерию Редькину.

Если премия Шишкова вручалась уже шестой раз, то Гумилёвская — впервые.

В Бежецке в Центральной библиотеке имени В.Я.Шишкова прошёл творческий вечер Валерия Мурзакова.

НАСНИМКАХ:

— Глава Бежецкого района Михаил Шибанов вручает премию им. В.Я. Шишкова прозаику Валерию Мурзакову.

— Лауреат премии им. Николая Гумилёва литературовед Валерий Редькин (г. Тверь).

— Памятник В.Я. Шишкову в Бежецке.

— Читатели библиотеки им. В.Я. Шишкова во время встречи с Валерием Мурзаковым.

— Творческий вечер Валерия Мурзакова в г. Бежецке.

Пятнадцатые, юбилейные

В Хомутовском районе Курской области состоялись литературные чтения, посвященные Пимену Карпову

Пятнадцать лет — столько проходят литературные чтения в честь писателя-самородка Пимена Карпова на хомутовской земле — всё-таки срок, своеобразный юбилей. Неудивительно, что организаторы торжества поначалу склонялись к тому, чтобы провести праздник как можно шире и дать старт ему в райцентре. Аномальная жара внесла коррективы. В последний момент программу сократили, сойдясь на том, что лучше сразу же выехать на родину Пимена Ивановича.

Открытие чтений состоялось в Амонском сельском совете, к которому относится и Турка — родная вотчина писателя, в помещении ДК.

В зале, украшенном ветками берёз и полевыми цветами, — директора школ,

учителя литературы, библиотекари, представители муниципальной власти...

Из Курска прибыла солидная делегация литераторов во главе с председателем регионального отделения Союза писателей России Николаем Гребневым. В её составе: Борис Агеев, Михаил Еськов, Иван Зиборов, Вячеслав Мараков, Юрий Першин. На правах хозяев коллег радушно встречали уроженец здешних мест поэт Юрий Кекшин (Смоленск) и один из инициаторов чтений, главный карповед Николай Шатохин.

Со вступительным словом к присутствующим обратился заместитель главы администрации района Геннадий Журбенко. Напомнив о значении творческого наследия именитого зем-

ляка, он выразил уверенность в том, что общими усилиями удастся приблизить к нему, прежде всего, подрастающее поколение, а праздники, подобные нынешнему, будут продолжаться и впредь.

Пимен Карпов и современность — вот основной лейтмотив выступлений всех без исключения литераторов, участвовавших в форуме.

Даже пожары, принявшие в последнее время масштабы бедствия на просторах России, кое-кто попытался, и не без успеха, объяснить через призму затронутых в карповском романе «Пламень» идей.

Интересным опытом пропаганды книг писателя-курянина поделились работники районной библиотеки Галина Слепынина и Наталья Трахнова, учитель-руководитель из Калиновки Галина Квасова.

В заключение были вручены премии, почётные дипломы и библиотечки произведений курских авторов победителям ежегодного конкурса имени П.И. Карпова.

После окончания официальной части мероприятий участников пригласили проехать на кладбище в село Турку, где похоронен прах писателя-земляка.

Литию у могилы Пимена Ивановича отслужил священник храма Иоанна Предтечи отец Игорь.

Николай АНДРЕЕВ
НАСНИМКЕ: Курские писатели у могилы П.И. Карпова

О творчестве, о жизни, о любви

Воздоровительном лагере «Спартак» Задонского района Липецкой области состоялась творческая встреча с руководителем регионального отделения Союза писателей России, поэтом и прозаиком Аллой Линёвой.

Участниками встречи стали отдыхающие в лагере дети разных возрастов. Особый интерес к творчеству Аллы Линева проявили девочки-

подростки, которые не только внимательно слушали стихи и рассказы, но и задавали вопросы как о творчестве, так и о жизни, любви.

Такие встречи слепецкими поэтами в школах и библиотеках области регулярно организуются писательской организацией с тем, чтобы пробудить души молодых, их интерес к русской культуре и литературе

Есть такой уголок

на планете

В Липецкой области почтили память выдающегося сына елецкого края Михаила Глазкова.

В этот день к его родному дому в елецком селе Казаки съехался народ из разных городов России. К примеру, брат Алексей Иванович живет в Санкт-Петербурге, дочь Оксана Глазкова — в Ярославле, другие родственники — в Москве. И все они считают своим долгом побывать 13 июля в Казаках, принять участие в митинге, поклониться могиле Михаила Глазкова на местном кладбище.

Михаил Глазков родился в 1930 году. Писать начал в армии, после службы вернулся в Елец, с 1956 года перешел на журналистскую работу.

Многие годы Михаил Иванович жил в Ярославле, работал главным редактором книжного издательства, публиковался в центральной прессе. В 1961 году вышла в свет его первая книжка лирики «Раздумья». Через четыре года в Ярославле — вторая: литературные пародии на стихи советских поэтов «Дашь Парнас!», после издания которой он был принят в

Союз писателей СССР.

В последние годы писатель жил в Ельце, был редактором елецкой районной газеты. На митинге у дома о нем вспоминали коллеги-журналисты, писатели и поэты области. Постоянно принимает участие в днях памяти Михаила Глазкова и региональное отделение Союза писателей России, руководителем которого Алла Линёва. Она и возглавила поэтический «декант» в составе старейшего поэта области Владислава Зорина, а также поэтов Эммы Меньшиковой и Владимира Коротеева.

Со своими стихами выступили и местные самодельные авторы, произведения Глазкова читали школьники. Писатель ушел из жизни в 1987 году. На кладбище ему установлен памятник. Отрадно, что любовь писателя к родине оказалась взаимной. Да и вообще елецким писателям можно только позавидовать: их там и при жизни берегут и помогают.

Шукшинские дни на Алтае

Около 6 тысяч человек побывали на горе Пикет в день рождения Василия Макаровича Шукшина

(Окончание. Начало на стр. 1)

Поклонники Шукшина-киноактера побывали на творческих встречах со звездами театра и кино: народной артисткой России Ларисой Малеванной, народным артистом России Алексеем Петренко, заслуженным артистом Республики Казахстан Владимиром Толоконниковым, заслуженным артистом России Андреем Ташковым, режиссерами Константином Одеговым и Юрием Шиллером. В течение трех дней в Барнауле и Бийске показывали фильмы-участники кинофестиваля.

Не менее насыщенная программа была подготовлена в Сростках. Открылся Шукшинский праздник в родном селе Василия Макаровича персональной выставкой художника Владимира Раменского во Всероссийском музее-заповеднике В.М. Шукшина. В экспозицию вошло более 80 работ художника, как из собственного архива автора, так и из фондов художественного музея Алтайского края, из фондов музея-заповедника В.М. Шукшина. Центральное место в экспозиции займёт иллюстративный материал, выполненный мастером к сборникам рассказов Шукшина, графические рисунки к подарочному изданию рассказа «Далекое зимнее вечера», собрание сочинений В.М. Шукшина в 8 —ми томах. Большой раздел выставки посвящен «Алтайским сказкам», основой которых стал литературный материал. Также представлено несколько работ художника по мотивам повести Валентина Распутина «Живи и помни», серия графических рисунков, созданных во время творческих экспедиций по стране.

Начальник управления Алтайского края по культуре и архивному делу Анатолий Ломакин назвал выставку большим событием шукшинского праздника. «Я должен сказать, что художников у нас, на Алтае, много, а тех, кто отдает себя любимому делу в книгоиздании — единицы. И во главе этого дела стоит, конечно же, Владимир Александрович Раменский. Самая глобальная работа выполнена им

в прошлом году, когда впервые за всю мировую историю издания шукшиниады мы выпустили 8-томное собрание сочинений, приближенное к академическому полному собранию. Это уникальный труд. И сегодняшняя выставка уникальна и потому, что прослеживает историю оформления книг. Это очень важная и нужная работа, потому что от нее зависит восприятие книги читателем», — подчеркнул Анатолий Ломакин.

Затем на стадионе села Сростки открылся песенный фестиваль «В гостях у Шукшина». В нем приняло участие около 30 коллективов и исполнителей из Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской областей, других регионов России, а также из Республики Казахстан. Также в этот день в Сростках состоялся фестиваль самодельных театральных коллективов и чтецов «Театральная околица», а в мемориальной модельной библиотеке им. В.М. Шукшина — встреча с писателями.

Заключительное мероприятие фестиваля — художественно-публицистическая программа «Уроки Шукшина» — состоялось 25 июля на горе Пикет. По предварительным данным, в этот день мероприятие посетило около 6 тысяч человек. С самого утра в Сростки начали съезжаться гости из Алтайского края и близлежащих регионов Сибири. И даже погода, почувствовав праздничную атмосферу, подарила всем собравшимся на Пикете солнечный и яркий день.

Художественная публицистическая программа была построена в форме уроков: культуры, литературы, истории и кино, а завершающим стал урок Нравственности и Правды.

Открыл программу Губернатор Алтайского края Александр Карлин. «В 34 раз благословенная сростинская земля собирает здесь на горе Пикет, тех, кто помнит, знает и чтит память нашего великого земляка — писателя, сценариста, актера, кинорежиссера Василия Макаровича Шукшина. Сегодня, 25 июля, Василию Макаровичу исполняется 81 год. Я намеренно говорю «исполняется»,

потому что мы рассматриваем его как человека, живущего среди нас, рядом с нами, разделяющего с нами все наши заботы и тревоги, надежды. Мы рассматриваем его как нашего современника, который заставляет нас ставить перед собой амбициозные задачи, связанные с развитием Алтайского края и всей великой России», — отметил Александр Карлин.

По традиции на горе Пикет были объявлены имена призеров XII Всероссийского Шукшинского кинофестиваля. Главную награду кинофестиваля получил фильм «Воробей» режиссера Юрия Шиллера. Он признался, что это его первая награда, как режиссера игрового кино. И это очень волнительно получать награду здесь, на родине Шукшина, на фестивале, который носит его имя. «Может быть, сегодня на этой благодатной земле уже родился мальчишка, который будет также как Шукшин прославлять эту замечательную землю», — уверен Юрий Шиллер.

Главную награду кинофестиваля — вазу из ревневской яшмы, изготовленную колыванскими мастерами, — режиссеру фильма вручили губернатор Алтайского края Александр Карлин и председатель жюри Пётр Шуляк.

Дипломы XII Всероссийского Шукшинского кинофестиваля также были вручены: народному артисту России Алексею Петренко — за верность традициям русской национальной культуры, народной артистке России Ларисе Малеванной — за воплощение ярких женских образов, заслуженному артисту Республики Казахстан Владимиру Толоконникову — за самобытный актерский талант, режиссеру Константину Одегову — за утверждение нравственных ценностей в современном кинематографе, актрисе Янине Лакоба — за успешный актерский дебют. Дипломами кинофестиваля также отмечены фильмы «Поп» и «Видримасгор или история моего космоса».

После программы гости и участники фестиваля возложили цветы к памятнику Василию Шукшину.

Александр Бобров

Святейший Патриарх Кирилл и накануне своего знаменательного пастьерского визита на Украину, и в дни поездки сказал немало важнейших слов всем русским людям в славянском мире и на земле. Это были те самые проповеди, те проникновенные слова, от которых мы в России, как это ни странно, почти отвыкли. Покажут в теленовостях торжественное открытие Всемирного Русского народного Собора, оставят несколько дежурных слов по теме Собора и всё. Именно на Украине, и в прошлом году, и в нынешнем, Патриарх Кирилл ещё резче, чем на Соборе, сказал о либерализме, как мировом зле, о пресловутых правах человека, которые ведут прямо в ад, о Русском мире, противопоставляя его убогому «россиянству».

Это понятие — Русский мир всплывало у нас и официально, в бледный Год русского языка, но, оказывается, имелось в виду создание одноимённого фонда под политолога Никонова (ау, где его дела?), дорогостоящие мероприятия с банкетом за рубежом, встречи с западными соотечественниками. А что же в самой России — только разрушение Русского мира? Хранит его из последних сил наша провинция, которая поражает своей стойкостью и открытым противостоянием тому потоку бездуховности, антирусского масскульта, который затопил мегаполисы и забил эфир. Вот — яркий пример противостояния.

Казалось бы, давит несусветная жара, полыхают леса, в том числе и в Воронежской области, а в старинном Борисоглебске на слиянье обмелевших Хопра и Вороны по благословению митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергея проводится Первый фестиваль русской культуры и словесности «Во славу Бориса и Глеба». Любители поэзии и песни проходят отборочный тур (судит его воронежский поэт и... судья по профессии Александр Нестругин, приезжают гости из Москвы и других городов — нестигаемый фронтовик, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического труда Егор Исаев, сопредседатель Союза писателей России Сергей Котьяло, председатель жюри Диана Канн из Самарской области, редактор издания «Роман-журнал. XXI век» Марина Ганичева, главный редактор журнала «Подъём» Иван Щёголев и ведущий воронежский критик Вячеслав Лютый, волгоградская поэтесса Елизавета Иванникова и писатель-издатель Святослав Иванов, затеявший серию «Великие провинциалы». Не мог отказать от приглашения и я — ринулся из дороги в дорогу, не разобрав карельский рюкзак, потому что Борисоглебск — город моей армейской юности.

Возрождается храм во имя Бориса и Глеба. Здесь я начал службу в сержантской школе радиосвязи, выпускал стенную газету — лучшую в политегеле, играл за сборную города в баскетбол. Здесь понял, что, кроме любимого Замоскворечья и Подмоскovie, красота озёрного Валдая, куда возил меня отец, есть русская провинция с её несуетной жизнью, пыльными дорогами, неустанными трудами, но и особой, самобытной культурой. Любовь к собирательству фольклора зарождалась тоже здесь — в Борисоглебске поют лучшие народные коллективы. Прошло сорок пять лет, город в чём-то изменился, а многое осталось неизменным. Возрождается на месте основания города храм первых русских святых Бориса и Глеба, возле которого и состоялся молебен в честь открытия фестиваля. Стоит на центральной площади (и плодотворно работает!) театр имени Чернышевского — единственный, так сказать, районный на весь регион. Конечно, продолжает готовить учителей для городков и весёлый известный Пединститут. В сокращённом варианте работает знаменитое лётное училище, с курсантами которого мы бились в баскетбол и соперничали на танцплощадке возле перестроенного Дома офицеров. Прав-

да, теперь на месте старой взлётной полосы — кирпичные особняки, как везде. Ну и тюрьма — неизменный острог города на засечной черте — стоит в центре. Жаль, что многие предприятия закрылись или, как Борхиммаш, работают по сокращённому графику.

Напомню, что город, названный в честь первых русских святых Бориса и Глеба и причисленный к числу исторических, возник в 1646 году, как выражается летописец, «для береженья» от набегов беспокойных крым-

ских, азовских и ногайских людей, которые «прохаживали изгоном и те все места воевали, людей побивали и в полон служивых и уездных всяких людей имали». Петр Великий, намереваясь покорить Азов, сделал Борисоглебск временным перевалочным пунктом для заготовки древесины, чтобы построить каботажный флот, что немало содействовало привлечению сюда населения и развитию промышленности. Знатный дубравы шумели на берегах Хопра и Вороны, за незаконную порубку строевого дере-

ва Пётр ввёл смертную казнь. Вот как охранялись заповедные леса!

А ныне экологи и местные жители Химок грудью встали у бетонного забора, чтобы приостановить попытку начать строительство трёх высоток в 25 этажей на территории старой дубовой рощи прямо на берегу канала имени Москвы. Сколько таких рощ осталось в ближнем Подмосковье? И вообще — раньше к берегам водохранилищ системы канала и водоснабжения Москвы подойти нельзя было — а теперь, с таким-то Лесным и Водным кодексом, многоэтажки растут как грибы прямо у воды. Как стенили будущие депутаты и либеральные СМИ о непосильных трудах заключённых на строительстве канала, облесении берегов: «Ох, на костях построили!». Так те хотя бы спасали Москву от жажды, делали её портом пяти морей, а теперь, выходит, они свои жизни клали ради толстосумов, которые убьют живую природу вокруг столицы!

Москва-река благодаря советским строителям осталась судоходной. А вот многие реки — обмелели. В том же Борисоглебске ещё в 1870-х годах на здешней пристани грузились более 52 тысяч кубометров зерна и муки; на луговой стороне Хопра и Вороны ежегодно строилось до 2 тысяч барок, отправлявшихся с товарами в Ростов и Таганрог; ежегодно здесь бывало до 10 тысяч бурлаков — почти вровень с самим населением. Сегодня горожан 64 тысячи — столько же было во время моей службы, а пик населения приходится на пограничный 1989 год, как и все показатели страны в экономике, демографии. После победы «реформаторов» и «общечеловеков» Россия покатила вниз. Но, повторяю, провинция не сдаётся, выживает, сохраняет крупницы духовности. Верно говорит христианское учение: «Дух творит себе формы». Так вот, формы фестиваля были самые разнообразные: от душевной встречи в администрации под председательством Надежды Качановой — председателя городской Думы и Евгения Пастушкова — главы администрации до выступлений этнографического ансамбля «Сколот» (Тамбов) и ансамблей казачьей песни «Червлёный яр» и «Казачий круг», от православной фотовыставки «Светопись тайны» в картинной галерее до научно-познавательной конференции «С.В. Рахманинов: музыка и литература» в музее-усадьбе Ивановка. Круглый стол на тему: «Идеи добра в современном обществе» прошёл на территории храма иконы Божией матери Знаменье, в доме, где учился в церковно-приходской школе выдающийся живописец Андрей Рябушкин. Нам показал храм, а также иконы своего отца, затем и дом-мастерскую со светскими его работами, о. Александр. Он напомнил, что это был единственный действующий храм в годы моей службы.

Организатор фестиваля Федор Григорьевич и лауреат конкурса чтецов Данила Говорухин Ну, и конечно, прошли поэтические встречи: в городской библиотеке имени В. Кина, конкурсные чтения поэтом прямо в сквере у Старособорной площади. Узнал, что в области горело село Хреновое, недалеко от города Боброва, но из села, потерявшего 20 домов, приехала поэтесса Татьяна Подшибякина, которая с гневом читала под сенью лип бесхитростные строки отех, кто продавал и принял Лесной кодекс, разграбил Россию, бросил на произвол судьбы село:

*На Канары, к морю синему,
Уезжают отдохнуть,
А деревню, мать родимую
Оставляют умирать.*

Да, таких сегодня — пруд пруди, только, увы, не противопожарный, а отравленный пруд. Тем ценнее подобные чистые, истинно народные родники-праздники. Особая благодарность не только всему оргкомитету, но и мотору фестиваля — врачу и поэту Фёдору Григорьеву. Однофамилец моего великого замоскворецкого земляка — критика и поэта с ги-

тарой Аполлона Григорьева — носился на чёрной раскалённой «Волге», везде успевал, во всё вникал. Но спокойно, доброжелательно — настоящий врач-психолог. Сам и не выступал, насколько я заметил, но подарил мне, провозжая на поезд, прекрасную изданную книгу «Все сто дорог». Открыл сборник в душном купе, и сразу дохнуло свежестью: настоящий поэт. У него много истинно лирических строк, но раздумья после поездки заставят процитировать гражданственные строки из стихотворения «К моей стране»:

*Страна моя, мы плоть от плоти,
И кровь от крови — все твою:
На взлёте мы иль на излёте,
Во благе, в Спасе на Крови...
Не зря ж ты нас учила драться,
Пить, и любить, и воевать.
По полной жизни отдаваться
И жизнь по полной отдавать.*

Эта полная самоотдача живёт в стихах и песнях участников фестиваля — от Юрия Копысова, который уехал из Борисоглебска в Крым, в бывший писательский Коктебель, но вернулся в родные пенаты, до клирика Знаменского храма о. Виктора (Федосова), который спел под гитару на открытии в театре духовно-патриотическую песню о Борисе и Глебе. Из Липецка приехала поэтесса Надежда Цыплакова, которая прочитала с вызовом стихи, обращённые к «учителям» России:

*Монголы мы или татары —
Не Вам судить — вам не понять,
В большом ли или в самом малом
Она нам — Родина и Мать.*

Победителем поэтического конкурса стал молодой выпускник Воронежской лесотехнической академии Алексей Ряскин. В его первой книжке есть взволнованное стихотворение о бесконечной просёлочной дороге:

*Ей кажется глупым
люское желание
Уснуть и забыть себя,
Она смеётся над человеком,
Бежим то к веселью, то к боли.
Ведь дорога знает,
Какая бездна
тайн может вдруг открыться,
Пока ты идёшь по ней
От стога сена до пшеничного поля.*

Да, в пути, порой невеселом, открывается много тайн для думающего, страдающего человека на просторах Русской равнины. Первый фестиваль русской культуры и словесности в Борисоглебске — радостная остановка на этом вечном пути.

Братья Борис и Глеб были канонизированы как страстотерпы, что подчёркивает принятие ими мученической смерти не от рук гонителей христианства, а от единоверцев, и подвиг их состоит в беззлобии, нежелании пролить братскую кровь в борьбе за власть. Мы знаем, что эта неистовая борьба хоть в древности, хоть в наши дни попирает все нравственные законы и божеские заповеди. Первоначально Борис и Глеб стали почитаться как чудотворцы-целители, а затем русские люди и преимущественно княжеский род стали видеть в них своих заступников и молитвенников. В похвале святым, содержащейся в «Сказании», их называют заступниками Русской земли и небесными помощниками русских князей: «Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем». Не случайно летописи полны рассказами о чудесах исцеления, происходивших у их гроба (особый акцент на прославлении братьев как целителей сделан в древнейшей церковной службе святым, датируемой XII веком), о победах, одержанных их именем и с их помощью (например, о победе Рюрика Ростиславича над Кончаком и Александра Невского над шведами в Невской битве). Пусть останутся они защитой и опорой для славного города Борисоглебска, его фестиваля Русской словесности и культуры, всего Русского мира.

О ФЕСТИВАЛЕ «ВО ИМЯ БОРИСА И ГЛЕБА»

Иван Александров,
г. Орел

Мой дед всю жизнь пахал и сеял,
Не вылезая из села:
Мол, только б матушка Расея
Светло и радостно жила.

Я горд, что он корпел упорно,
Что не жалел для нас горба,
Что зреют дедовские зёрна
В колосьях нашего герба.

Чудак и труженик великий,
Мой дед, чтоб я не голосил,
Пучок душистой земляники
Всегда с покоса приносил.

Я выбежал ему навстречу,
Навстречу радости самой.
А дед сажал меня на плечи
И нёс торжественно домой.

Мне вспоминается в разлуке,
Что пахли ягодой тогда
Его мозолистые руки,
Его седая борода.

Чудак и труженик великий
Шагал тропинкой луговой,
А звёзды зрели земляничкой
Почти над самой головой.

В двенадцать лет во мне Гудилочка
Признала дружно косаря.
В двенадцать лет меня будила
Рукою матери заря.

Я сброшу сон, как полусубок,
И заспешу на дальний луг,
Где от косьбы и бабьих шуток
Дрожало марево вокруг.

Смеялась шустря дивчина:
— Поддай, Ванюха, огоньку!
И я сгибал упруго спину
И забывал про боль в боку.

Дымилась у меня рубаха,
Дымилась шея у меня,
А знает каждый работяга,
Что нету дыма без огня.

Дорога радует не всякого,
А я всю юность колесил
То прямоезжей на Корсаково,
То окружной на Новосиль.

А где-то в самой середине
Моих тропинок и дорог —
В тени крапивы и полыни —
Лежал родительский порог.

И я сворачивал в глубинку
И неизменно делал крюк,
Чтоб остывающую крынку
Принять из материнских рук.

И я невольно торопился
И не жалел, что крюк — большой.
Я, видно, с детства зацепился
За этот самый крюк души.

Всю-то жизнь,
Всю жизнь по доброй воле
Нячнить от луны и до луны
То снопы в полевом знойном поле,
То в угарной хате чугуны!

Где брала ты мужество и силу,
Из каких душевных родников?
Прежде — нас ты на руках носила,
Нынче носишь — наших сопляков.

Всю-то жизнь
Бедуешь, нячнись, носишь.
Мечешься с рассвета и до звёзд,
Чтоб тебя когда-нибудь под осень
На руках спесли бы на погост.

Боже мой, а если бы спросили:
У каких калиток и дверей
Мы при жизни на руках носили
Наших горемычных матерей?

Вернусь из странствий в сентябре
В свой край туманно-синий,
Остановлюсь на пустыре,
Нарву пучок полыни.

Начну сбивать седую пыль
С ботинок узконосых.
А чтобы ветер не знобил,
Достану папиросу.

Я погляжу на ближний лес,
Вдохну светло и глухо.
«Видать, наводит Ванька блеск?» —
Подумает сеструха.

А я-то пыль чужих дорог
Старательно сметаю,
Ступив с волнением на порог
Отечественного края.

Я вышел рано в путь-дорогу
Под солнцем ласкового дня,
И тень шагала долго в ногу,
Не отрываясь от меня.

Я шёл и шёл своей тропой,
И становилось всё ясней:
Чем выше солнце надо мною,
Тем тень короче и черней.

Горячей радостью наполнен,
Я мудрость жизни познаю,
А сам шагаю в знойный полдень
И подминаю тень свою.

У меня над самой головой
Репродуктор маленький висит.
Я ловлю известие любое,
Всякое событие и визит.

Маленький дежурный неустанно
Обо всём докладывает мне:
Что гроза сгустилась над Гаваной,
Что Вьетнам в напалмовом огне.

Не стихают яростные споры,
Не смолкает беспощадный бой.
Шар земной, как яблоко раздора,
У меня висит над головой.

Прошел родитель пол-Европы,
Любил родитель вспоминать
Дороги, реки и окопы,
Что приходилось с боем брать.

Я обнимал его, робея,
А он смеялся: «Пощади!»
Скрипела грозно португеза,
Медаль горела на груди.

Я видел, что отец прекрасен,
Что он силен и знаменит,
Что он дорогой подпоясан
И весь дорогами обвит.

У ограды чутко и устало
Старый клен ушами шевелит.
В городок торопится с вокзала
После операций инвалид.

Стоксовавшись по родному дому,
По своим детишкам и жене,
Он спешит по улице знакомой,
Позабыв о ранах и войне.

Только по рябому тротуару
Гневно ударяют костыли.
Я уверен, что его удары
Слышат по ту сторону земли.

Мы рано детство потеряли
В чужой и дальней стороне.
В одной упряжке с матерями
Мы воз тянули по войне.

Юрий Хромов,
г. Нижний Новгород

ПАРНИ СОРОКОВЫХ
Как мечтал я носить тельняшку,
Бескозырку и брюки-клевш.
Среди ребят пергадейских наших
Все мечтали об этом сплошь.

На пруду на плотах катались
И на льдинах в апрельский день:
Подросли и с мечтою растались
Все не просто у взрослых людей:

У меня подкачал зренье,
А Валек был чуть-чуть глухой,
Славка школу закончил средней,
У Валени был рост плохой.

СТАРЬЕ ДОМИКИ ГОРОДА
А Вы посмотрите на домики старые,
Вот дом накренился в кустах у моста
С подковкою ржавой,
как лошадь усталая,
Что набок легла
и не может привстать.

Другой, тоже древний,
Стоит, не шатается
На бревнах могучих,
с узорным окном.
В таких почему-то
герои рождаются,
Что в бронзе на площади
встанут потом.
А эти домишки,
кургузые, грузные,
Глядят на бульдозер с опаской они.
В них люди простые,
хорошие, русские,
Живут и встречаются
тревожные дни.

Теперь их судьба постепенно решается,
Сбивают, как пешки, их ферзи-дворцы.
И все же с лихой их
и нашенской шалостью
И внуков еще познакомят отцы.

Не могу наглядеться.
Хоть это обычное чудо:
Листьев желтых метель
В первый день октября.
Только вымели начисто -
Снова под утро

Тротуары листовой
Сплошь покрыты - горят!

МОЯ СТРОЙКА
Я в стройку с юности влюбился,
Впервые спрыгнув в котлован,
Где ковш драглайна с грунтом бился
И в самосвал тот грунт совал.

Кричал сквозь грохот я бригаде:
«Пора копер сюда спускать».
И стопки свай, как на параде,
Штыками целились с песка.

Но бригадир Фаттахов, в ажрый,
Просил, хоть сам был заводной:
«Давай бульдозер, Юрианыч,
Почистим дно мы заодно».

На бровке Прелов ладил шпалы,
Кран башню в небо поднимал.
И вся округа здесь не спала,
И всех тянуло будто к нам:

Воспоминанья стройки сладки,
Порой потянет, как в бреду,
Пройтись по стенке свежей кладки,
Вскочить в бульдозер на ходу.

РУССКИЕ СЕЛА
В. Данилину
Выйду ночью на улице сельскую.
Тишина, только поезд вдали
Вновь кого-то увозит, на сессию,
А быть может, совсем от земли.
Сколько их, деревень, поразбросано
На моей необъятной Руси.
То два-три огонька, а то россыпи

Нет, воз тот был не символичный,
А самый грешный и земной,
Забитый тряпками обычными
И прочей кладью избяной.

То был не воз, а просто тачка
На двух помятых колесах.
И мать, мужичка и гордьячка,
И то скисала на глазах.
— А им-то легче, им-то легче? —
Я грустно в сторону глядел,
Где на родной орловской речке,
Не затихая, бой гремел.
— Ну, хорошо: давай немного,
Еще немножко поднажмём! —
И мы, подлаживая ногу,
Тащили тачку на подъём.

Я до сих пор всё это вижу! —
Не вспоминать бы век о том,
Да за спиной порой услышу:
Мол, воз-то явно не по нём.

Прости меня, судья мой строгий,
Что по-мальчишески веду.
Я до сих пор по той дороге,
По той распутице бреду.

В одной упряжке с матерями
Мы где-то там еще бредём.
Мы рано детство потеряли,
А взрослость —
Вряд ли обретём!

Опираясь горестно о палку
И моля о благе небеса,
Краешком цветного полушалка
Утирала бабушка глаза.

Видимо, почудилось невольно,
Что продрогла церковь на ветру.
Злые люди сбили колокольню,
Слуковичи содрали кожуру.

Вот бы снова Богу показаться,
Преданно взглянуть на образа.
Потому слезятся и слезятся
От раздетых луковичь глаза...

Слишком долго автострада
Добиралась до села:
Ни от рая, ни от ада
Никого не сберегла.

Ни одной корявой хаты,
Ни одной живой души.
Лишь рассветы да закаты
Несказанно хороши!

Задичавшая сторонка,
Соловиный перехлест.
Да на взгорке остановка
По прозвищу Погост.

Лучезарно светят звёзды
Невозвратных прежних лет.

Светят ночью в небесную синь.
Сколько разных людей (и характеров!)
В этих избах живет и творит!
И поет, и грустит, и на тракторах
Пашет, Родина, земли твои.
Но сейчас не о них я задумался,
А о тех горожанках, что спят
Со своими Анютами, Дусями
И во сне видят избу и сад.

ВОДОПОЛЬЕ
И снова Волга юная
Волною крепкой плещется,
И льдины кружит бурные,
И радуется сердцу.
Как будто в гости просится,
Лепечет что-то ласково.
И тополя задорные
Идут по шейку вброд.
И чайки серебристые
Летят, как пена, по ветру.
И пароход на пристани
Заливисто гудит.

ГОРОДСКОЙ ЖАВОРОНОК
А.В. Фигареву
Не каждый жаворонка слышал,
Кто в нашем городе живет.
Но только солнышко над крышами,
Он здесь поет. У нас поет!

Звенят трамваи редко ранние,
И первой смены ждет завод.
Он в это время со старанием
В притихшем городе поет.

Снова память до Погоста
Второпях берет билет.

СОН
Срываюсь в бездонную пропасть
По ржавой отвесной стене.
Охватит смертельная робость —
Отсюда не выбраться мне!

Всё лезу, всё лезу, всё лезу —
Карабкаюсь наискосок.
Впиваюсь ногтями в железо,
А сыплется ржавый песок...

Всё жутче, всё жутче, всё жутче —
Не в силах сдержать и стерпеть.
Я эту проклятую кручу
Никак не могу одолеть.

Уставляюсь в дурацкую точку,
Как будто в волшебный зенит.
А кромка обрыва, как строчка,
Как тетива,
Звенит...

Я снова август размотал
На Снежеди и Зуше:
Корзинки плёл, опять рвал,
А в общем, бил баклуши.

Всё ждал, что в райском шалаше
Родится стих в сорочке,
Да прихватил мороз в душе
Невызревшие строчки.

Снежинки кружат хоровод,
Блестя на хвое колкой.
Еще один убитый год
Похоронил под ёлкой.

Умерла Гудилочка
На закате века.
Отошла родимая
На исходе дня.
Не было на свете
Дороже человека,
Не было роднее
Места для меня.

Отдышусь с дороги.
Поляжу в окошко:
На заглохшей улице
Буйствует лопух.
В памяти мяукнет
У порога кошка
И прокукарекает
У плетня петух.

Я своё подворье
Навещаю редко.
Кликну домового,
Вместе посидим.
Соберем с духом
Да помянем предков.
Да по старой памяти
Снова загудим!..

В лучах рассветных колокольчиком
Звенит под радугой-дугой.
Проснулся город. Песня кончилась?
Нет, песня в поле за рекой.

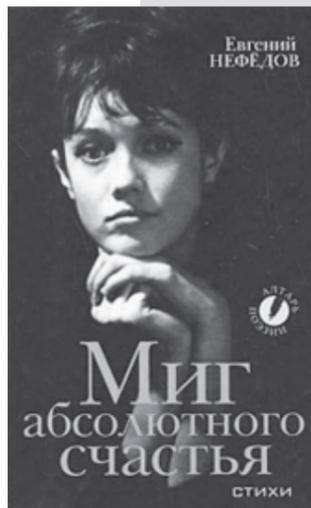
А многие его не видели,
Кто утром долго не встает.
Пораньше, люди, к солнцу выйдите,
Он будит вас, он вам поет.

Еще упруго тропочки пружинили,
Подсохнув от ненастного дождя.
Еще во многих листьях
по прожилочкам
Огонь несмелой змейкою бежал.

Но снег пошел. А мне еще не верится,
Все кажется, что лето не ушло.
Но снег летит:
Нагнулось низко деревце,
Как заживо кого-то замело.

Секретариат правления
Союза писателей России и
редакция газеты «Россий-
ский писатель» поздравля-
ют известного поэта
Юрия Ивановича Хромова
с 70-летием.

Хелаем юбиляру здоро-
вья и вдохновения!

Евгений НЕФЕДОВ

Миг абсолютного счастья

СТИХИ

Принято считать, что талантливый человек талантлив во всём. Так-то оно так, но ведь нередки случаи, когда человек с излишним упорством трудится в одном жанре, тогда как талант его ориентирован совсем на другую сферу. К примеру, автор строит поэму за поэмой, а его конёк — эссеистика или, скажем, очерки.

С другой стороны, яркий литературного «амплуа» часто настолько крепко приклеивается к писателю, что преодолеть устоявшуюся репутацию очень трудно. По собственному опыту могу сказать: порой приносишь в редакцию рассказ или стихи, а там на тебя смотрят с таким

выражением лица, мол, писал бы ты лучше критические статьи про нас, а нечего рядиться в тогу поэта или костюм прозаика.

Такие соображения пришли мне в голову в связи с вышедшими одним за другим лирическими сборниками Евгения Нефёдова, известного своими зубастыми пародиями и сатирическими стихами в жанре «Евгений о неких», вот уже много лет появляющимися на страницах газет «Завтра» и «День литературы». Эти остроумные и боевые сочинения не только стали визитной не только поэта, но и самих патристических изданий подобно фирменным передовицам Александра Проханова.

Если поэтическая книга «Миг абсолютного счастья», посвящённая супруге Е. Нефёдова — Людмиле, во многом посвящена впечатлениям новейшего времени, то сборник «Домкоммуна» главным образом, состоит из стихов, дошедших до нас из времён юности и молодых лет автора, проведённых в донецком городе Красный Лиман. Здесь немало строк посвящено его родителям, близким и единомышленникам поэта. Впрочем, книги роднит проникновенная задушевная интонация и чувство со-

причастности судьбе нашей много-страдальной Родины и её народа.

То, что за плечами Евгения Нефёдова два десятка стихотворных сборников, не было для меня тайной. Приходилось ранее писать о его лирике, делая особый акцент на стихотворении «Вечность», в котором

автор поднимается до философских глубин постижения законов бытия.

Новые книги автора показали дополнительные грани творчества этого негнбимого ответственного секретаря «Дня» и «Завтра», например, пристальное внимание к красоте окружающего мира и преклонение пе-

ред талантливыми и душевными современниками.

В то же время порой накатывало желание увидеть ироничный и в чём-то даже лукавый взгляд известного сатирика. Понятно его стремление не нарушать общего лирического настроения этих книг. Но ведь умная, аргументированная улыбка вряд ли нарушила бы органику и композиционную целостность, но прибавила бы диалектики в отношении к миру. Те испытания, которые выпали на долю разных поколений наших соотечественников, невозможно преодолеть и вынести без юмористического начала, ведь русский смех есть то начало, которое нас подбадривает и придаёт крепость духа борцам за сильную страну и здоровое общество.

При этом не хочу сказать, что остроумие вовсе отсутствует в этих изданиях. В Праге лирический герой Нефёдова перемигивается со Швейком, в Белоруссии балагурит с рыночными торговками, у себя на родине посмеивается с друзьями над сердечными страданиями прошлого. Но хотелось бы чуть-чуть побольше пера.

Так или иначе, лирические сборники Евгения Нефёдова дают возможность не только обогатить себя страницами поэзии, но и поразмышлять над принципиальными и общими проблемами страданиями прошлого. Но хотелось бы чуть-чуть побольше пера.

Сергей КАЗНАЧЕВ

Станислав Жуковский,

г. Донецк

ЧУМАКИ

История — как ход реки,
Ей вспять — не возвратиться.
Исчезли в прошлом чумаки
И могут нам лишь снится.

Скрипят в минувшем их возы,
От реки тянет тиной,
И мир — от смеха до слезы —
Им кажется картиной.

Дорога вьётся между сёл,
Сменяя дни и ночи.
Они везут из Крыма соль,
Их боль раздуки точит.

Там, впереди, их ждут давно
Подруги, дети, жёны.
Светло вокруг или темно —
Идёт обоз тяжёлый.

А степь лежит, сводя с ума
Чредой испытаний.
То наша Родина сама
Идёт тропой скитаний.

Скрипят телеги на мосту,
Глядит казак с тревогой.
Летят столетия в темноту,
Как пыль по-над дорогой...

КАЗАЧЬЯ БАЛЛАДА
Раз казак, забыв о деле,
Загулял на две недели,
Каждый день вливая в глотку
Пиво, брагу или водку.
Раньше не был он пьянчужой,
Знался с саблей и кольчужой,
Был — казак, герой, мужчина.
Чтоб запить — нужна причина!
И она была, я знаю —
Полобил он дочь хозяев,
Повстречав её случайно...
Так вселася в сердце тайна.
Мать твердила дочке грозно:

«Отвернись, пока не поздно!
Не давай и пол-намёка.
Пусть то будет и жестоко,
Но ему идти на битву —
Вон уж конь стучит копытом
И друзья в два пальца свищут,
Казака повсюду ищут...»
«Эй! Где спит Павло Нетяга?» —
Кличет парубка ватага.
«Быстро хлопца разбудите
Да на сборы приведите...»
Но казак друзей не слышит,
Пьяно шапкою колышет
Над стаканом горькой водки.
И опять твердит молодке:
«Год и больше пить здесь буду,
Но любовь твою — добуду».
Та вскричала: «Хватит! Будет!
Кто ж тебя таким полюбит?
Парень должен быть солдатом —
Ратным подвигом богатым.
Должен быть он хлопцем смелым,
Храбрым воином умелым,
Разгромить врага в бою
И спасти страну свою!
Вот тогда, стерев с губ порох,
Я его при всех раз сорок
Поцелую и скажу,
Что ему принадлежит!»
И вскричал казак наш: «Братья!
Я иду в войны объятья!
Пусть погибну я на ней,
Всё равно — седлай коней!
Казачи — народ правдивый,
Поступают справедливо:
Если любят — то одну
Родину или жену!..»

КАЗАЧЬЯ СЛАВА

Петру Ребру

Чумацкий путь таит печаль,
Лишь пыль клубится звёздная,
Как будто проскакала вдалёк
Казачья сила грозная.

До Призовья — от Днепра
За мраком свет охотится.
Шумит, открытый всем ветрам
Казачий остров Хортица.

И скрип телег, и звон подков,
И голоса на острове
Летят из глубины веков
Сквозь времена развёрстые.

Как мне понять знаменей речь:
То — явь? Галлюцинации?
Вокруг, как брага, бродит Сечь —
Святая слава нации!

Её вовеки не стереть —
Зря недруги стараются!
Весь Космос может умереть,
А Сечь в веках останется!

Она во мне волнует кровь,
Вселяет дух бесстрашия,
Зовёт к свободе вновь и вновь
И — за грехи с нас спрашивает...

ДИКОЕ ПОЛЕ

Вот здесь когда-то, тренируя руку,
Себе не дав расслабиться ни дня,
Сын половецкий слал стрелу из лука —
И падал всадник с быстрого коня.

От зноя небо растеклось воском,
Под каждой травкой
кто-то пел и жил.
И, напившись разнотравьем, воздух
Сильнее браги голову кружил.

А на курганах — видеть дальше дабы —
Стоят в дозоре каменные бабы.

Ну, а куда девались их мужья?
Немой вопрос
висит безмолвным криком
Над этим полем, что зовётся Диким.
А вечность спит, в себе ответ тая...
.....
Но здесь — судьба и Родина моя.

СОНЕТОПЫТА

Медовым духом полнят воздух липы,
И устилают землю лепестки.
Как кони — грациозны и легки —
Промчались годы, сея смех и всхлипы.

Жизнь — это выбор между либо — либо.
Нам так нужны во мраке маяки!
Гляжу на Шар Земной из-под руки —
Он предо мной огромный, точно глыба.

Я вижу степь.
По ней бежит мальчишка
В пошитых мамой
простеньких штанишках
На лямке через левое плечо.

Он мчит вперёд,
спеша к судьбе вприпрыжку,
А я шепчу: «Остановись, глупышка!
Судьба сама к твоим ногам течёт...»

* * *

Тишина над Призовьем.
Светит звёздный жемчуг.
Только ветер в понизовье
Что-то морю шепчет.

Плещут волны смехом женским,
Слышен звон гитары.
Тут и есть мой блаженство,
Ницца и Канары...

Пахнет травами и солью,
Лунный свет струится.
В безграничное раздолье
Тропка серебрится.

Ни призывов тут, ни сплетен
Слух мой не услышит.
Лишь в лицо мне из столетий
Море идодем дышит...

Перевёл с украинского языка
Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Видадь Витали,

г. Сумы

САМ С СОБОЙ

Не тяжелейте веки под лунной.
Не уходи сознание в туманность.
Не пролетайте чувства стороной,
иначе стих окутает жеманность.

Вбирайте звуки ночи, как бы лезть,
большие уши маленькой вселенной.
Улыщите мир таким, какой он есть,
в бокале звёздной тайны совершенной.

ЗИМУЮ

Превратились дожди в снегопады.
Перестала шептаться трава.
Под огнём новогодней помады
я пускаю тоску на дрова.

Городские сиренные звуки...
Надевшие взрывы петард..
Но спасают меня её руки,
её свежих страстей авангард.

С вдохновительницей и подругой
забываю о русских ветрах,
так привыкших гулять
вместе с вьюгой
порождая пронзительный страх.

Весь обвитый живительным телом,
и умытый любовью в стенах,
перепачкавших сны мои мелом,
я зимую в бетонных горах.

ВЕРА

Вера вере не сестра —
между ними жар костра.

КУРСКИЙ СОЛОВЕЙ

Родился я не в мега-переулке,
а там, где серебристый соловей.
Поил меня, младенца, на прогулке
он досыта мелодией своей.

Поэтому, в любой теперь столице
я долго находиться не могу,

скачу по своей любимой птице,
и в рощу к ней и еду, и бегу.

РЕПЛИКА

Себе позволив усмехнуться,
сказал я жизни: «Не права!..»
А та в ответ: «Забудь слова:
«могло быть», «если бы», «вернуться»».

НЕ ТОЛЬКО МНЕ

Васильки, ромашки именные —
как любовь, как детство, как мечты..
Но они не только мне родные,
потому не рву в полях цветы.

СЛОВА

Расставляю согласную с гласной,
распеваю графический хор.
Муза любит не быть безучастной,
если к ней у меня разговор.

Алфавитно раскрашу в тетради
неподдельный акцент соловья..
Не обижу бумажные глади —
волшебством наделю до краёв.

Капли мыслей на млечной странице —
стилевые мои малыши.
Рассыпаю вдоль чувства границы
смоляные веснушки души.

ДЕВЯТОГО МАЯ

Здравствуй алая Победа!
Здравствуй майская заря!!
Больше мне родного деда
не обнять богатыря.

Молчаливым эпизодом
прервала весну лифта.
За кладбищенским порогом
поросли её борта.

Но цветут над ней берёзы!..
Взглядом память охвачу.
В самогон роняю слёзы.
Выпиваю. И молчу.

ЖИВОЕ ПОЛОТНО

Из нитей радости и боли
Поэта соткана душа.
На тропах строк, слова и роли
сплелись как стебли спорыша,
создав живой ковёр-картину
уже вневременных страстей,
крячущих смерти паутину
на годы памяти людей.

УЧЕНИК

Реки описаны мостами.
Горы в облаках, как в париках.
Всюду красота перед глазами.
Я учусь держать её в руках.

Главное, конечно, постараться,
этой экзотичной красотой,
в образных словах не надорваться,
чтоб не охат с грызжей под стропой.

Во весь рост!

1. Ваше самоощущение в современном обществе?
2. Вам как писателю в первую очередь хочется высказаться или — создать произведение искусства (хотя, вроде бы, важно и то, и другое)?
3. Свыше получает, читателю передает — таким было всегда представление о писателе. Насколько утратил сегодня писатель своё сакральное значение? Нет ли у вас ощущения, что современный литературный процесс уже не является своего рода общегражданским форумом? Какова перспектива у коммерческой литературы, доверившейся ощущению, что «Бог умер» даже не в религиозном, а в общеполитическом значении этого нищенского образа современного мира?
4. У нас теперь появились «фабрики звезд», в том числе, в литературе, и, скажем так, талант перестал быть главным компонентом на пути к славе. Мечтаете ли вы, противостоящий медийным фабрикам кустарь-одиночка, о славе?

Или все-таки — «нас мало избранных»?

5. Каковы ваша самая горячая мысль и ваше самое тревожное обращение к современному читателю?

6. Мы живем в новом тысячелетии, после многих революций и связанных с ними катастроф, после двух коренных ломок общественного строя, причем вторая предполагает полный отказ от христианских норм жизни, а, следовательно, коренным образом меняет наш национальный менталитет. Возможна ли в современной литературе связь с литературой прошлых эпох? Какие книги из прошлого, включая XX век, могут быть актуальны сегодня и почему?

7. Какого вопроса вы от нас не дождались и что бы вы на этот вопрос ответили?

Ответ не должен превышать 12 000 знаков (одна газетная полоса). Если будут предложения по содержанию вопросов рубрики, мы будем рады принять их.

«Следовать великой Простоте...»

**Владимир
МАКАРОВ:**

1. Вся моя жизнь, все прошедшие десятилетия прошли под знаком, под звездой коллективности, взаимопомощи, взаимопонимания, при ощущении общих радостей и общих огорчений.

Так было в далекие школьные годы, когда нас всем классом от-

правляли в ближний колхоз на уборку, скажем, того же турнепса. Уже начиналось предзимье, летали снежинки, и при первых минусах погоды мы добывали из нашей родной сибирской земли добрые, могучие, порой винтообразные плоды того самого турнепса, который складывали вначале в бурты, а потом переносили на подвешенную на пол автомобиля. И рядом, плечом к плечу, трудились парни-одноклассники, многие из которых были моими друзьями, и

вместе с нами работали одноклассники, и была, конечно, среди них одна, особая девочка — русоволосая, кареглазая, в незабытом мною до сих пор платье и резиновых сапожках. Взгляд этой девочки обжигал меня, возвышал и радовал до самых потаённых глубин моего юного существа. Так было и в студенческие годы, а я учился в медицинском институте, где лишь общими усилиями всей родной груп-

пы удавалось нам постичь таинства и сложности медицинских наук и стать всем детскими врачами.

Это святое чувство людей ощущал я и в своих литературных делах, когда, к примеру, услышал ободряющие, мудрые слова руководителя нашего семинара на 5-м Всесоюзном совещании молодых литераторов Владимира Алексеевича Солоухина, послушать которого приходили поэты из практически всех семинаров и сердечно поздравляли меня, когда Солоухин сказал, что рекомендует меня в Союз писателей СССР.

И вот сегодня часто приходят на ум слова гениального Гоголя о том, что «нет уз святее товарищества». И его, это товарищество, всеми мыслимыми и немыслимыми путями приходится нынче удерживать, сохранять. Мне лично без товарищей по литературному цеху и горько, и тошно, и невмоготу. Вот хочется противостоять всепроникающей идее современного нашего строя, который долбит и долбит людям всех возрастов, что «человек человеку волк».

2. Название это для меня не случайно. И, отвечая на второй вопрос анкеты, я снова могу повторить это название своей книжки — мне хотелось своими строчками расшевелить, растормошить, закрепить те участки коры головного мозга (а они существуют —

здесь я свидетельствую как врач), которые отвечают за эту самую доброту людскую. Конечно, много чего из человеческих качеств требуется нам, человекам, в обыденной жизни, но и та самая доброта — отнюдь не последнее свойство души и существа людского... Вот об этом мне и хотелось сказать своими строчками, а получилось ли из этих моих усилий произведение искусства — судить не мне.

3. Я всегда помнил и помню сейчас слова одного из наших крупных современных педиатров — профессора А. Г. Румянцева: «Почему я стал педиатром? Пото-

бы в некую отместку...

Время проходящее, интерес или даже любовь новых поколений к жившим и творившим до них — вот единственный и надёжный путь оказаться в сонме «избранных».

5. Честный труд, взаимопонимание трудящихся людей, взаимовыручка, рождающая в труде добрые чувства к окружающим людям, даже светлая любовь к избранной — вот те слагаемые великой Простоты, которая удержит мир от гибели, от дьявольских соблазнов, число которых катастрофически увеличивается. Так пусть же и тревога присутствует в стихах, которая только усилит и ускорит понимание, желание наших соплеменников следовать великой Простоте существования людского — она и только она не даёт нам вконец оскотиниться, она и только она поможет нам остаться людьми.

6. Эта «катастрофа» в значительной степени и повинна в том, что современный литературный процесс в серьёзной степени утратил роль общественного организатора. Но, слава Богу, всё-таки только отчасти, поскольку постоянно (пусть и не таким мощным потоком, как нам бы хотелось) появляются повести и романы, стихи и публицистика В. Распутина, Ст. Куныева, В. Бондаренко, Е. Семичева и других.

Поэтому в немалой части нашего сегодняшнего народа сохраняется тот самый «русский дух», верность родной земле и всему существу на ней. И это особенно видно нам, живущим в глубинке, вдалеке от столиц — многотысячных, аккумулирующих на себе всеобщее богатство, разваленных немалой долей людей, по меньшей мере равнодушно или даже с презрением относящихся к нашим обычаям, нашей истории, в конце концов, к тому самому «русскому духу».

Если же вспомнить только что прошедший век, то с нами остаются, нам помогают сохранить тот самый национальный менталитет великие творения Шолохова, Твардовского, Леонова, Платонова, Рубцова и других.

7. ...

Владимир Александрович МАКАРОВ

Остановилось сердце большого русского поэта — Владимира Александровича Макарова. Моего друга, старшего товарища, Учителя...

Невыносимо тяжело... Чувствуешь, как не хватает дыхания от одной только мысли: неужели мы никогда больше не встретимся, не созвонимся?... Вот как совсем недавно, поздним вечером уже: «Юра, у меня к тебе один вопрос, только ответь прямо, не жалей меня: «Скажи, не иссяк ли я как поэт?»

Поначалу, обескураженный, я как-то мгновения молчал... Тысячи стихотворцев в стране тискают свои книжонки, и разве задумываются об этом? Омск — не исключение, ежели на два творческих союза едва ли три-четыре настоящих поэта сыщется... Макаров среди этих трёх-четырёх — первый. Поэт всероссийского звучания. И такой вопрос.

Но сам вопрос — уже ответ. Его мог задать только Поэт. Бездари не сомневаются.

...За день до смерти он ездил на «Северное» кладбище, хотя в последнее время вообще редко выходил из дома. Вернулся с чувством спокойной печали в сердце: наконец-то, мол, поставил на могиле жены памятник — такой, какой хотел... Чуть более года

назад умерла его голубушка, свет его Людмила, без которой, как я сейчас понимаю, просто не смог жить... Да, за этот год много стихов было написано, столь любимых читателями «Бумажных корабликов» — коротких заметок — размышлений... Но видно было, что не знает он, как жить ему дальше, что его держит на Земле...

Около месяца назад или чуть больше обратился ко мне главный редактор «Российского писателя» Николай Иванович Дорошенко: попроси ответить на вопросы нашей анкеты замечательного русского поэта Владимира Макарова. Там несколько вопросов, и на них регулярно для сайта этого издания Союза писателей России отвечают лучшие поэты и прозаики страны...

Макаров ответил, да вот только не успел я перевести его размышления в «электронный вид», чтобы они были размещены на сайте при жизни поэта. Впрочем, сам Владимир Александрович интернетом не пользовался, а то, о чём он думал, его друзья, коллеги, братья по ремеслу и все любители русской словесности смогут узнать сейчас...

А Владимир Макаров теперь пополнит небесное воинство Русских Поэтов...

Юрий ПЕРМИНОВ

Секретарш правления Союза писателей России выражает соболезнование родным и близким известного русского поэта Владимира Александровича Макарова в связи с его кончиной.

Поэзия

Из последней книги Владимира МАКАРОВА «Подпанорамой созвездий ночных» (Омское книжное изд., редактор Перминов Ю. П., 2010 г.

Владимир Макаров:

Переплели мы с тобой наши руки,
Молча стояли в закатной поре —
Перед видением вечной разлуки,
Под облепихой на дачном дворе.
Ты мои руки губами согрела,
Я твои губы губами согрел.
Наша вечерняя радость сгорела,
Словно вечерний костёр догорел.
И у судьбы одного ты просила —
Как бы прожить мы ещё бы могли...
Вот и глядим, набираемся силы
У окоёма бессмертной земли.

Как на метель наскочившее судно,
Сердце стонет в усталой груди,
И душе сиротливо и трудно,
И просвета не ждёшь впереди.
Пусть не греет обычное время,
Пусть сегодня в тревоге живу.
Пусть всё так... Но какое-то время
Я покамест ещё на плаву.
Пусть в прошедшем остались дороги,
Надо жить до последнего дня.
А итоги... Ну что же, итоги
Подведёт кто-нибудь за меня.

Я смерти не боюсь, дойдя до края.
Мне некогда встречать и провожать.
И мне не страшно,
мать — земля сырая,
Сувешдими в одном ряду лежать.
Настанет день такой и час такой,
Когда неслыханным доселе словом
Нас очарует сладостный покой
И соблазнит подобьем жизни новой.
И позбудется в тот самый час,
Как под неведомой анестезией,
Небесный цвет

любимых женских глаз,
Берёз сянные и поля озимых.
Но — главное! — останется душа,
Она в тебе страдание разбудит,
Что жизнь была без меры хороша
И в будущем, пожалуй, лучше будет.
Вот потому оставшиеся дни
Дороже, краше серебра и злата.
И горечь глубже спрячь, что и они
Окончатся, совсем уйдут куда-то.

ВЕРШИННЫЙ ШУМ БЕРЁЗ (Завещание)

Добра и широка
Душа моей России
И, видя ясный свет
Прекрасного лица,
Немало пышных слов
О ней произносили,
Божилась дружбой с ней
До самого конца.
Да вот беда — божба
Подчас была притворной
И клятвы вместе быть

Давались не всерьёз,
О чём предупреждал
Могучих, непокорных,
Простых сынов её
Вершинный шум берёз.
Знал этот древний шум
Нашествие Батыя,
Ливонскую «свишью»,
Французов мерный строй, —
Да разве всех сочтёшь
Врагов твоих, Россия,
Что смерть тебе несли
В веках любой порой!
И шум не утихал,
Звучал с тревожной силой
Во всех краях Руси,
На всём её пути,
Казалось им, берёзам —
Дочерям России,
Что дружный шум буду
Поможет отвести.
И нынче слышен он,
Волшебный шум древесный,
Хоть в иные стволы,
Хоть зелена листва,
И чем-то он сродни
Молитве неизвестной
Да потеряли мы
Священные слова...
Спасите отчий край
От дикой распродажи,
Храните кров родной
От дьявольских угроз,
Чтобы всегда шумел
Над головою вашей
Вершинный шум берёз —
Бессмертный шум берёз!

Багаутдин Аджиев

* * *

Непрочен жизни горестный лоскут,
Мы все, наверно, созданы из праха.
Меня всегда три темы стерегут -
Смерть, время и еще глаза Аллаха.

Да, времени глухое торжество
Мне нужно,
чтобы знать свою увечность,
Свою неизбранность и для того,
Чтоб помнить -
иногда хотя б - про вечность.

Когда я слышу смерти грозный гул
И смрадное дыханье за спиной,
Тогда я вспоминаю свой аул -
И смерть меня обходит стороною.

Аллах живет и будет жить в моем
Пугливом сердце. Все бы стало крахом,
Будь я один. Но мы всегда вдвоем -
Вдвоем с моим всевидящим Аллахом.

Далеких гор великий снежный гуд,
Степи кумыкской радостная плаха...
Меня всегда три темы стерегут -
Смерть, время и еще глаза Аллаха.

* * *

Не все, как хотелось,
у меня получалось -
Ирадоваться, и огорчаться случалось.

Взлетая к небу, мои надежды
Разбивались о тучи, смыкая вежды.

И лето тогда казалось зимою,
И весны окутывались осенней тьмою,

И голову покрывали метели
И делали со мною всё, что хотели.

Но ни жаловаться я не мог,
ни плакать
Ни в мороз, ни в зной,
ни в жару, ни в слякоть.

Черный ящик расскажет
о рухнувшем самолёте,
Но разве узнает кто
о человечьем полёте?

* * *

Зачем, скажи, писать стихи
и шивать из них книги,
Если они холодны и грубы,
словно вериги,

Если не согреют путника поутру
И жажду не утолят в жару?

Если жизнь твоя вся
сплошь в грехах - и не вдруж,
Если ты забыл, что болен твой друг, -

Зачем сочинять эти книги
и ставить на полку,
Если от стихов твоих никакого толку!
Перевод с кумыкского
Сергея Васильева

Шейит-Ханум Алишева

И ЭТОТ ДЕНЬ
Ушел и этот день,
и звон его, и пение,
а мне оставил тень
на вечное хранение.

И этот день ушел.
Качнувшись от усталости,
прошелся он по мне
днём старости.

И этот день ушел.
Суббота? Воскресенье?
Тяну, тяну, как вол,
мое ярмо - терпение.

Запутавшись в сети
сомнения, сожаленья,
весь день бунтует сердце -
сдержи его, терпение!

И этот день ушел.
Над ним - звезда и крест.
А на дороге жизни
ещё один надрез.

Рубцы, рубцы, рубцы
от века, от рожденья,
где черный - будний день,
где красный - воскресенье.

«Терпи, терпи, терпенье,
Терпение одно!
Терпи, ведь у терпенья
золотое дно -
золото оно!»

О, кто это сказал?
Кто выдумал такое?
Я, как сошла с ума,
качаю голового
и вижу: вот мой день
уходит под конвоем
терпенья адского...

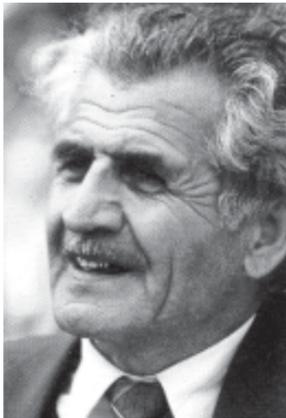
ЗАЧЕМ?

Зачем как лебедь ты сияешь
перо прощальной красоты,
круженьем нежным обнимаешь
предел небесной высоты?
Так неумолчно, неус таяно
зачем зовет к себе река?
Зачем мне чудится поляна
в печальных лепестках цветка?

И капли алого кизила
зачем бессонницей поят?
Уходит свет, уходит сила
и остается только яд.

Я расстанусь с твоим сияньем
свет высоты!
И оставяю на поляне
я все цветы.

... Так неумолчно, неустанно
зачем зовет к себе река?
Перевод с кумыкского
Нины Маркграф.

Максуд Зайнулабидов**ЕСЛИ НАСТЕЖЬ
ГРУДЬ МОЮ ОТКРЫТЬ**

Если настезь грудь мою открыть,
Можно мир без солнца озарить

Если настезь грудь мою открыть,
Можно топн в ниви превратить.

Если настезь грудь мою открыть,
В звезды обратились бы цветы,

Если настезь грудь мою открыть
От любви ко мне сгорела б ты!..

ПРОСТИТЕ НАС

Простите нас, родители,
Простите, старики,
Что нынче дни бесправные
Сильны точить клыки.

Нам вас от поругания
Не удалось спасти,
Честь вашу не сумели мы
В потомках обрести.

Страну, что вы построили,
На совесть, на века,
Мы не спасли от подлости
Коварного врага.

Мы дали разрушителям
Ваш беспокоить прах,
Забыв о человечности,
Блуждаем мы впотьмах.

Не носят нынче улицы
Те ваши имена,
Гордился которыми
Великая страна.

Герб, вами нам завещанный,
Отныне отменен.
А новый символ грифами
Печально омрачен.

Народ уничтожается
Врагами - силой тьмы.
Вас предают анафеме
Туманя нам умы.

Великие деяния
И ваших рук труды
Размалывают в мельнице
Загаданной беды.

Повсюду хамство властвует,
Пороком стала честь,
Не в ценности и знания,
А глупостей не счастье.

Народный дух воспевшие
Осеяны сыны.
Погалят лжеисторики
Историю страны.

Мы пьянице доверили
Заботу о стране.
А он ракет создателей
Понизил враз в цене.

Весну предав всемирную,
Забыв отцов мечту,
Слезами обливаемся
Мы, глядя в пустоту.

О, смертью смерть поправишь,
За все простите нас.
В нас пробудится заново
Высокий Правды глас.

Перевод с аварского
Арбена Кардаша

Абдуселим Исмаилов**СМЕРТЬ ГОРЦА**
(Глава из поэмы «Тысяча дум о Кавказе»)

1.
Поведал народ мой мне повесть о том,
Как горец скончался за дальним холмом.
Он жизнь свою прожил, как горный орел,
Свободно, и тем себе славу обрел.
Он в каждом селении друга имел,
На тысячи свадьбах в округе сидел.
Он знал, с кем дружить,
кого как величать,

Где слово промолвить,
а где промолчать.
Ну словом, скончался такой человек,
Какой не родится второй раз за век.

2.
Он жизнь свою прожил в работе, у дел.
Хозяйством был занят -
не просто сидел;
Богатство копил, и добавлю еще:
Успех неизменно с ним под руку шел.
Всех трех сыновей и любимицу-дочь
Позвал он однажды, как стало невмочь.
Как сблизилась смерть
в неминуемый срок,
Уже ничего он поделать не смог.
Он всех сыновей к изголовью позвал,
И каждому сыну он так завещал:

3.
«Все вам оставляю, чем был я богат:
И честное имя и мой баракат.
Пусть путь ваш получит
счастливый конец.
Всем вам оставляю по сотне овец,
По пять оставляю коней и волов...
У всех у вас семьи есть, есть у вас кров.
Сестренка же ваша, о дети, она
Пока что без мужа, без дома, одна,
И дом этот, где умираю, и сад
Оставить дочурке своей буду рад».

4.
Он весь вдруг затрясся и резко умолк,
Но выдохнуть слово последнее смог.
Глаза закатились, закрылись навек -
Из мира земного ушел человек.
Вот слово его: «Завещаю я вам
Могила мою охранять по ночам
В течение года...» И вскрикнула дочь:
Он умер. Соседи сбегались - помочь.
Но чем тут помочь? - схоронили отца.
Никто и не понял его до конца.

5.
«Ужель у него был какой-нибудь враг?» -
Так думали дети, все думали так.
И вечер настал - расходиться пора,
А старшему сыну - не спать до утра.
На завтра и среднему сыну черед,
За ним и последний на пост застают.
Но дни промелькнули, недели - и вот
Сын старший себе же вопрос задает:
«Да кто раскопает могилу, ей-ей?
Пойду-ка я лучше к подружке своей».

6.
Ушел он к подружке и в следующий раз.
Печаль у подружки в душе улеглась.
И среднему сыну дождливой порой
Однажды с могил захотелось домой.
Он так рассудил: Спит аул до утра -
И выкрал овцу у сестры со двора.
Поправилось дело - и каждый раз в дом
Сворованным он возвращался добром.
Настылись дети, довольна жена.
А что же могила? Да там же она.

7.
И младший, любимейший из сыновей,
И он отступился от клятвы своей.
«Зачем же мне зябнуть
бессмысленно тут?
В духан я схожу, там вина подадут.
Я слышал от лучших друзей, что в вине
Великая радость откроется мне».
Он начал с друзьями на деньги играть
И дев полногрудых и белых ласкать.
Дежурить на кладбище он перестал,
И, дом свой оставив, он пьяницей стал.

8.
Но каждую ночь приходила сестра
Могила отца охранять до утра.

НАША АНКЕТА

1. Над чем вы сейчас работаете?
2. Где публикуетесь? Как обстоят дела с выходом ваших книг?
3. Назовите наиболее значительные работы своих коллег, появившиеся в последние годы.

Багаутдин Аджиев:

1. В настоящее время заканчиваю работу над новой книгой стихов и поэм «Элегия времени».

2. Публикуюсь в Российской печати, вышли книги в Дагестане, к примеру, книга стихов и поэм «От Дербента до Парижа» в издательстве «Дагпресс» и «Пресемаркет», книга «Избранное» в Дагиздиздате.

3. Среди коллег по перу значительными считаются книги Магомеда Ахмедова «Молитва и песня», Шапи Казне-

ва «Ахульго», поэма Бадрутдина Лагомедова «Окно в небо», Камала Абукова повесть «И судный день впереди», Анвара Аджиева «Избранное», а также книги стихов и поэм Шейит-Ханум Алишевой, Еаминат Керимовой.

Шейит-Ханум Алишева:

1. Работаю над исторической драмой в стихах «Анжи-Наме».

2. Готовлю к изданию сборник стихов, написанных на русском языке, «Развязала узлы» и две детские книжки на

кумыкском и русском «Одуванчик на крыше».

Выход этих книг зависит от патриотизма и духовности людей, способных оказать финансовую помощь.

3. Книга Магомеда Ахмедова «Классические звезды», удостоенная Государственной премии РД.

«Жизнь продолжается» Розы Альдаровой.
«Древо жизни» Марины Ахмедовой

Максуд Зайнулабидов:

1. Работаю над поэмой «На исходе века» (о результатах развала СССР), составляю серию книг о Расуле Гамзатове - «Поэт аула и планеты» (вышли три тома, заканчиваю четвертый).

2. Публикуюсь только в Дагестане. В основном с помощью меценатов.

3. «Классические звезды» народного поэта Дагестана Магомеда Ахмедова.

Абдуселим Исмаилов:

1. Работаю в прозе - над короткими новеллами и повестью «Люди из леса».

2. В 2009 году в Дагестанском книжном издательстве вышла очеред-

ная книга - поэтический сборник «Зовет меня Эмин» (Стихи, поэмы, драма). Публикуюсь в периодических журналах на родном и русском языках. Повесть «Ночь перед новолунием» войдет в трехтомник повестей писателей Северного Кавказа.

3. В лезгинской литературе радуют творческие успехи Ханбиче Хаметовой, Арбена Кардаша, Майрудина Бабаханова.

Анвар-Бек Култаев:

1. Над книгой «Мы помним их имена», посвященной 65-летию Великой Победы (очерки, стихотворения, поэмы).

2. В Дагестанском книжном издательстве. Очень трудно. Гонорара не дают. Приходится самому быть продавцом.

3. Наш известный писатель Иса Капаев издал хорошую книгу «Синие снеги». Считаю её крупнейшим явлением ногайской литературы последних десяти лет.

Сузури Увайсов:

1. Работаю над юбилейной книгой.

Готовлю к изданию сборник литературоведческих статей «Слово». Готовлю книгу сатирических рассказов «Кроме шуток».

Публикую свои произведения в журналах «Новолуние», «Соколенок», «Детский Годекан-Мальш».

С выходом книг дело обстоит сложнее - выходят книги только по юбилеям (одна за 10 лет). Гонорар за изданные книги не получаем.

3. Наиболее значительными работами коллег считаю 5-томник «Поэт аула и планеты», составляемый Максудом Зайнулабидовым, и 5-томную «Антологию ласкской поэзии».

Шахведед Шахмарданов:

1. Работаю над книгой прозы. Пишу и стихи.

2. Публикуюсь в Дагестане. В прошлом году к юбилею вышла поэтическая книга «Бег дней». Но вместо гонорара нам выдают книги. И не так-то просто их самостоятельно реализовать.

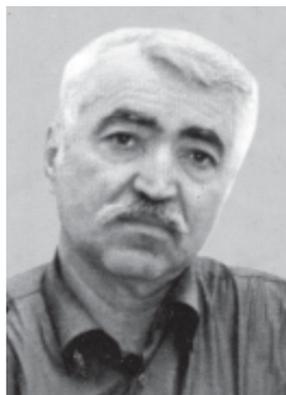
3. У нас много разных поэтов и прозаиков. Перечислить не буду. Чтобы кто-то не обиделся.

Абратья... Что братья? Итог их таков:
Посмешищем стали они для врагов.
Брат старший: семья его выгнала вон.
А средний был за руку пойман, и он
Попал в заточенье в солидных годах,
А все, что награбил он - все в пух и прах.
А младший все деньги в духане продул
И нищим пошел из аула в аул.

9.
Сестра горевала - аул это знал.
Не праведных братьев аул осуждал.
Сестра горевала. Ночами, одна,
Могилу отца сторожила она.
В одну из дождливых и темных ночей
Случилась такая история с ней:
Во тьме различила -
ах, верить или нет? -
К могиле отцовской спешит силуэт.
«Так вот он, мой враг,
дождалась я врага» -
И в бое скрестились два острых клинка.

10.
И бой завязался б смертельный, поди,
Но вырвался крик из девичьей груди.
И слово замолвил непрошенный гость:
«О милая дева, оружие брось.
Не вор я, а странник,
и путь мой далек.
Я молод, но болен я и одиноко»...
И ныне вам люди расскажут о том,
Как путника дева взяла к себе в дом.
И зажили вместе, как муж и жена,
И счастье в дом горца
вернулось сполна.
Перевод с лезгинского
Фазира Джаферова.

Шамиль Казиев

Родная, прости,
Коль уйду я однажды,
С тобой не простившись...
Уходит так каждый...
Когда открываются
Вечность ворот...
Войдешь, и обратного
Нет поворота.

Об этом все знают...
Не ждут, но готовы...
И если услышит
Призывы звонка,
Влюбленный - не скажет
Заветных три слова,
Кто жаждой томится,
Не выпьет глотка.

Уходят, туда все,
Кто поздно, кто рано...
Наступит черед -
Мы в объятиях тьмы...
Но там заживают
Все тайные раны,
Во мраке вселенной
Все люди равны.

А ты не горюй...
Ни к чему это... поздно...
Туда я уйду
По велению судьбы,
Укроюсь от мелочных
Подлостей, козней
С последней искрой
Погасшей мечты...

В тот день все придут
Ко мне, как на свиданье,
Приди, не печалься,
Счастливо живи...
Умолкнут навеки
Глухие стенания,
Я больше не буду
Молить о любви.

Ты, савана угол
Откинув, став рядом,
Молитву
Любви повтори...
Пред вечною тьмою
Божественным взглядом
Неведомый путь
Озари...

Бескрылою пташкой
В груди, как в неволе,
Годами таилась
Больная мечта...
Сегодня гнетущей
Не вынес я боли
Не выдержал, с сердцем
Бороться не стал.

О крыльях, о небе
Давно позабыл я...
Смирившись с неволей,
Как рыба, молчу...
К тебе принёс пташку -
О, дай же ей крылья,
Как в юные годы,
Быть может, взлечу.

Из тысяч тебе лишь
Открыл эту тайну,
Я с нею в мученьях
Без слов умирал...
Надежду и милость
Просить я не стану -
Но знала бы, как я
Смертельно устал...

Зачем же молчишь?
Иль в груди твоей камень?
Як сердцу готов
Приложить пистолет...
Молчанье стену
Возводит меж нами
До самого неба,
На весь белый свет.

Ужели опять
Совершил я ошибку...
Смирившись, был должен?
Остаться вдали?
Стена навседа
Оборвала тропинку,
Все камни стены
Мне на сердце легли...

Быть может, тебе
Хорошо не со мною,
Поют соловьи,
Многоцветен твой сад.
Мне так одиноко
За серой стеною...
Взлетел бы, но я
Разучился летать...

Арбен Кардаш

ЛЮБОВЬ

I
Осенние бурлили сели, -
Мне показалось, ты пришла.
Взыграли зимние метели, -
Мне показалось, ты пришла.
Мой край расцвел весенним раем, -
Мне показалось, ты пришла.
Сияет лето урожаем, -
Мне показалось, ты пришла.

II
На саклю голубок спустился, -
Мне показалось, ты пришла.
Мрак звездный за окном сгустился, -
Мне показалось, ты пришла.
Дверь сорвалась, как ни чинил я,
Мне показалось, ты пришла.

Стихотворенье сочинил я, -
Мне показалось, ты пришла.

III
Звезда упала, вспыхнув кратко, -
Мне показалось, ты пришла.
В лугах вспорхнула куропатка. -
Мне показалось, ты пришла.
Забилось сердце через силу, -
Почудилось: твой шаг тяжел...
Отозвалась твоя могила:
«Мне показалось, ты пришел».

ВЫСЬ
Голос нежный позвал тебя свыше,
Словно луч опустился во тьму.
Только ты ничего не услышал
И ответил молчаньем ему.

Дивный взгляд, неземная отрада,
На тебя устремлен, ну и что ж:
Ты не видишь прекрасного взгляда,
Словно зрячий слепец, ты живешь.

Чьи-то руки тебя обнимают
И, невидимо для живых,
Охраняют тебя и ласкают, -
Ты касанья не чувствуешь их.

Жизнь пройдет в суете и забавах
В темных дебрях напрасных минут;
И в тупик бездорожий лукавых
Слепота с глухотой заведут.

Окружат тебя мира руины,
Отвердеет земля, как гранит.
И незримого неба глубины
Лишь звезда-сирота просквозит.

И услышишь небесные звуки,
И увидишь ты свет высоты,
И на сердце желанные руки
Благодарно почувствуешь ты.

И останется - без усилия
Устремиться в высокий полет,
Только небо не даст нам крылья,
Если их земля не дает.

Анвар-Бек Култаев

ЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ
Дождик на Земле торопится к нам -
В гости к деревьям, траве и цветам.

Дождик по крыше вприжку бежит,
Лужицей мелкой в ладошке лежит.

Дождик весенний, лей веселей!
Свежей воды для полей не жалей!

Вволю напьются луга и поля -
И разноцветнее станет Земля!

Осенью мы урожаем соберем,
Желанных гостей за столом соберем.

Дождик сегодня навелся к нам.
Гостем желанным прошел по полям.

МОЙ СЫН
Мой сын говорит мне:
- Я стану большой,
До крыши, до неба достану рукой,

Луну ухвачу за серебряный рог.
- Пусть будет удача с тобою, сынок!

Мой сын говорит мне: - Я в поле пойду,
По теплой земле проведу борозду
И выращу самый большой колосок.
- Пусть будет удача с тобою, сынок!

Мой сын говорит мне: - Покину я дом,
Всю нашу страну обойду я пешком.
А ты меня выйдешь
встречать на порог.
- Пусть будет удача с тобою, сынок!

Мой сын говорит мне:
- Я к звездам умчусь,
Соскучусь и снова на Землю вернусь.
Сорву я для мамы небесный цветок.
- Пусть будет удача с тобою, сынок!

Перевод с ногайского
Леонада ЯХНИНА

Сугури Увайсов

МЕЖА
Не имеет небеса с землею
Кем-то установленной межи,
И у солнца нет межи с луною,
И звезда легко к звезде бежит.

Меж руками и ногами, к счастью,
Нет межи - всё связано кругом.
Коль нанесешь боль в какой-то части,
Отдается в теле шиком.

Между головой и сердцем тоже
Нет межи, как меж цветов в саду,
И не хочется представить, божже,
Голову, что с сердцем не в ладу.

До создания людского рода
На планете не было границ,
Горы, доли, вся земля и воды
Было целым в отблесках зарниц.

Появился разум. С громким криком,
- Всё мое - воскликнул человек,
И свободу захватил он мигом,
Подчинив её себе навек.

На земле - межа, межа - на море,
Меж сердцами, как змея, лежит.
Брат от брата, удаляясь в споре,
Бережёт незыбимость межи.

Сетью линий мир межой опутан,
Извивая, как атлет в цепях.
Помощь просит, но людьми забыт он...
Человек не слышит, сном объят.

МАТЕРИ РУКА
Рос сынок у матери одной,
Сорвиголова был заводной.

И за шалости свои, сынок
Получает материн шлепок.

А ему и горя нет. Смеясь,
Перед ней пускается он в пляс.

Вырос сын, не зная где печаль,
Мать ему достанет до плеча.

Бедокурить не отвык сынок -
Получает снова он шлепок.

Но ему и горя нет. Смеясь,
Перед ней пускается он в пляс.

Время не стоит, и сын подрос -
Стал мужчиной, бородой зарос.

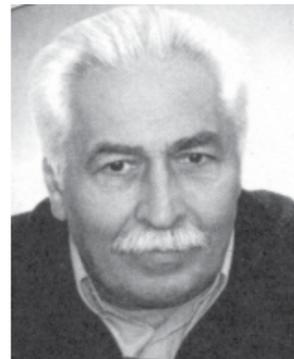
Он однажды нагрубил жене...
Мать его - ладошкой по спине.

Поразился этому сынок
И рыдания он сдержать не смог.

Бросилась она к нему обнять:
- О, прости, родной, старуху-мать!

Больно я ударила тебя?
Это по привычке. Я - любя...

Шахвелел Шахмарданов

Замолк огонь в печи потухшей,
Лег слоем пепельный покров,
И кажется, лишь злая стужа
Родной озвучивает кров.

Но рано править панихиду -
Дровами наполняю печь,
И дую я, малец, ехидно,
Мол, хватит сил её взжечь.

А дед сказал, плеча коснувшись:
- Огонь насильно не буди,
Дровам еще согреться нужно.
Дай вспыхнуть им в печной груди.

Поленья сами загорятся,
Тебя согреют и меня,
Огни в снегу не затеряться,
Что в окна нанесла зима.

Хотя давно все это было,
Все ж помню странный разговор,
Пусть вырос я, и дед в могиле,
Он в строки рвется до сих пор.

Когда-то в годы озорные
Следы босые оставляя,
Я изумленно застывал,
Увидев бороды седые.

Давно нет зависти к седым,
Я сам теперь посеребранный,
Зато душою окрыленной
Тянусь к годам я озорным.

Под корень луг постригло лето
И собрало весну в стога.
Её цветов в помине нету,
И красота полей строга.

Луг, как майдан утихшей свадьбы,
И нет следов, что тут весна
Царицей собственной усадьбы
Спасалась буйством от сна.

Цветочный бал в зеленых травах
Приснится осени на час,
Пока в ее капризных нравах
Цвет золотистый не погас.

Перевод Н. Тузовой

Председатель Союза писателей Республики Дагестан Магомед АХМЕДОВ:

- Дагестанская литература - это единая книга,
состоящая из многонациональных разноязы-
чных глав. И главная задача дагестанских лите-
ратуров - сохранить это чувство единства всех
литератур.

Алексеевские чтения в Саратовской области

В Саратовской области прошли Алексеевские чтения, организованные министерством культуры области совместно с Союзом писателей России и Саратовским региональным отделением Союза писателей России.

Алексеевские чтения приурочены к дню рождения писателя-фронтовика Михаила Николаевича Алексеева, Почетного гражданина Саратовской области, Героя Социалистического Труда. Программа торжеств, посвященных писателю, в этом году впервые охватывала три дня и включала многообразные мероприятия в Саратове и Калининске.

В Государственном музее К.А. Федина был организован круглый стол на тему: «Произведения Михаила Алексеева как исторический эквивалент бытия своего народа». В заседании «круглого стола» приняли участие гости из Москвы — секретари правления Союза писателей России: А.Н. Печерский — главный редактор газеты «Русь державная» и А.И. Казинцев — заместитель главного редактора журнала «Наш современник», дочь писателя Л.М. Алексеева, саратовские писатели и общественные деятели, ученые Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского, представители саратовских музеев и библиотек. Состоялась оживленная дискуссия на тему исторического и культурного значения творческого наследия М.Н. Алексеева. Обсуждались вопросы его взаимоотношений с коллегами по писательскому цеху, актуальность проведения Алексеевских чтений. Во многих выступлениях звучала тема тесной связи Михаила Алексеева с малой Родиной — селом Моностырское Калининского района, где он родился и куда часто приезжал, помогая землякам уже как депутат Верховного Совета. Там проходили

съемки многосерийного фильма «Хлеб — имя существительное», о чем до сих пор слагают легенды. Земляки с удовольствием узнают себя в героях и других его произведениях.

Открывая первый день Алексеевских чтений, министр культуры В.Н. Синуков отметил: «Герои Михаила Алексеева — простые люди, воины, пахари, русские женщины. Казалось бы, все это, в связи с социальными переменами, стало от нас уходить. Но его патриотическая проза выдержала проверку временем и обрела новый смысл. Сегодня вызовы времени еще более фундаментальные: глобализация, утрата национальной и культурной идентичности, безразличность... На наших глазах зарождается традиция проведения больших Алексеевских чтений. Есть желание превратить их в новую площадку для литературных и музейных дискуссий, обсуждения актуальных проблем современности. Мы хотели бы, чтобы весь наш культурный потенциал работал на возрождение России».

Второй день Чтений был полностью посвящен достопримечательностям г. Калининска, встречам с земляками М.Н. Алексеева. Почетных гостей радушно приветствовал глава Калининского муниципального района А.Г. Галанин, работники культуры района. Участники чтений познакомилась с экспозицией выставки «Вестник души народной» в Калининском историко-краеведческом музее — филиале областного музея краеведения. Мемориальная экспозиция была создана на основе материалов, переданных в музей вдовой писателя Т.П. Алексеевой, и открыта в 2008 году.

Специально к Алексеевским чтениям пять саратовских художников (все они ученики академика, народного художника России А.В. Учаева) подготовили выставку «Прогулки по Баланде» в районном Доме культуры. По замыслу авторов экспозиции, выставка — живописное отражение мест, связанных с детством и юностью писателя.

Главным событием Алексеевских чтений стало вручение Литературных премий Саратовской области имени М.Н. Алексеева 2010 года. В церемонии награждения участвовали министр культуры области В.Н. Синуков и секретари Союза писателей России А.И. Казинцев и А.Н. Печерский.

Диплом первой степени лауреата Литературной премии имени М.Н. Алексеева присужден Павлу Федоровичу Лебедеву за создание антологии «Песни Великой Отечественной войны» в 15 томах. Павел Федорович -

ветеран войны, известный собиратель и исследователь русского фольклора, кандидат филологических наук. Долгое время преподавал в Балашовском педагогическом институте на кафедре филологии. Лучшие годы отдал работе по сбору и исследованию фронтовых и партизанских песен, теперь их десять тысяч. Каждая сопровождается комментариями, рассказами о подвигах воинских частей и отдельных героев. Он автор трёх десятков книг и сборников русского фольклора, среди которых — «Партизанские пословицы и поговорки», «Брянские частушки», «Песни Южного фронта», «Дорогами Побед», «Песни и судьбы», «В мире народной поэзии». Диплом второй степени лауреата Литературной премии имени М.Н. Алексеева присужден Андрею Юрьевичу Грачеву за сборник рассказов «Афганские былинки». Автор — доцент кафедры русской литературы XX века и методики преподавания литературы Самарского государственного педагогического университета, руководитель творческого объединения «Лабиринт». Участник военных действий в Афганистане, награжден медалью «За отвагу». Его книга «Афганские былинки» рассказы об общечеловеческих ценностях, которые волнуют каждого человека. Диплом третьей степени лауреата Литературной премии имени М.Н. Алексеева присужден Евгению Юрьевичу Погребову за диологию «Штрафной батальон» и «В прорыв идут штрафные батальоны». Он автор трех написанных в соавторстве с отцом книг о Великой Отечественной войне: повесть «Забвению не подлежит», романы «Штрафной батальон» и «В прорыв идут штрафные батальоны».

Оригинальную концертную программу подготовили организаторы Алексеевских чтений. В концерте выступили ансамбль народных инструментов «Наигрыш» (руководитель — заслуженный работник культуры РФ, лауреат Премии Правительства РФ «Душа России» А. Талдыкин) и губернский театр хоровой музыки (руководитель — заслуженный деятель искусств РФ Л.А. Лицова). Перед гостями также выступили лауреаты малых Алексеевских чтений, которые ежегодно проходят в Калининске с 2001 года.

В рамках мероприятия состоялось вручение членских билетов Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» двум саратовцам — М.Ю. Лаврентьеву и А.А. Солодову.

17 июня в Саратовском областном Доме работников искусств почетные гости Алексеевских чтений приняли участие в заключительном мероприятии III областного литературного конкурса среди детей и подростков «Здравствуй, племя молодое, незнакомое!», посвященного 65-й годовщине Великой Победы.

В Ульяновске вручили литературную премию имени И.А. Гончарова

В Ульяновской области состоялась церемония вручения Всероссийской литературной премии, посвященной 200-летию И.А. Гончарова.

В церемонии, которая впервые проходила у Гончаровской беседки в Винновской роще, принял участие Губернатор Ульяновской области Сергей Морозов.

Учредителем Всероссийской литературной премии выступило Правительство Ульяновской области совместно с Союзом писателей России. Ежегодно Премия присуждается в двух номинациях: «Современным российским прозаикам за высокохудожественное произведение (роман, повесть, рассказ)», утверждающее идеи гуманизма, патриотизма, отличающееся глубоким проникновением в нравственно-психологические основы бытия человека и продолжающее гончаровские традиции в литературе», а также — «Исследователям за выдающийся вклад в изучение и пропаганду жизни и творчества И.А. Гончарова».

В этом году в номинации «Современному российскому прозаику за высокохудожественное произведение, утверждающее идеи гуманизма, патриотизма» лауреатом премии стал член Союза писателей России Нико-

лай Дорошенко (г. Москва) — за повесть «Ушедшие».

В номинации «За выдающийся вклад в изучение и пропаганду жизни и творчества И.А. Гончарова» лауреатом премии 2010 года стал профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета Михаил Отрадин (г. Санкт-Петербург) — за совокупность работ о жизни и творчестве И.А. Гончарова и монографию «Проза И.А. Гончарова в литературном контексте».

Губернатор Сергей Морозов, приветствуя гостей и участников церемонии, отметил важность проведения подобного мероприятия на территории Ульяновской области. «Творчество Гончарова всегда было, есть и, надеемся, будет оставаться великим достоянием русского народа. Кому же, как не нам, его землякам, поддерживать и сохранять это достояние. Уверен, что премия имени Гончарова и в дальнейшем будет способствовать укреплению и развитию гончаровских традиций в современной русской литературе, традиций вдумчивого и ответственного отношения к жизни, честного служения своему призванию, любви и преданности своему народу», — сказал глава региона.

В Энхалуке есть своя Литературная гостиная

Литературную гостиную в Энхалуке, почти на берегу Байкала, открыла известная в Бурятии поэтесса Елизавета Бильтрикова. По ее словам, посетить гостиную могут и гости Бурятии, жители поселка и обычные туристы.

Ее творчество известно широкому кругу читателей, среди которых жители не только нашей республики, но и всей страны. Елизавета Михайловна — член Союза писателей России, талантливая и самобытная поэтесса, журналист и, наконец, настоящая дочь своей родины.

Она родилась на Байкале, поэтому именно здесь, в Энхалуке, по ее

инициативе была организована литературная гостиная, где проходят творческие встречи, литературные беседы.

— К нам может зайти каждый желающий, приглашаем абсолютно всех. Надеюсь, это не слишком громко будет сказано, но смею предположить, что аналогов нашей литературной гостиной в Бурятии пока нет. Встречаемся мы преимущественно на природе, в этом волшебном уголке, где так приятно беседовать, — рассказывает Елизавета Михайловна. — Бурятия богата талантливыми людьми, даровитой молодежью. Недавно к нам на встречу приезжали ребята из школы села Шигаево. Они поставили замечательную литературно-музыкальную композицию на мои стихи. Поразило вдохновение, с которым выступали школьники, и отличное знание текстов. Я много лет работала учителем, поэтому в перспективе — работа с такими даровитыми детьми. В кабанском районе есть клуб «Лира», где занимаются творческие ребята, так что у меня много идей и планов в этом русле.

Литературная гостиная — абсолютно некоммерческий проект. Он создан для тех, кто желает отдохнуть духовно и ближе познакомиться с творчеством Елизаветы Бильтриковой. По ее словам, такие беседы со временем могут стать продуктом событийного туризма.

Зоя СТЕПАНОВА

В Волгограде вручили одну из самых известных литературных наград

2 июня в администрации Волгоградской области состоялось вручение Всероссийской литературной премии «Сталинград».

Ее удостоены волгоградские писатели и поэты — Николай Мазанов за книги «Непрошедшее время», «Разноцветные холсты», «Свет радости»,

автор книг «Благодетель», «Гостеванье», «Крылья» Виктор Паршин, а также Виктор Семенов за произведения «Дождь на скорую руку», «Роман с нечаянным веком», «Поэзия, проза, графика». Лауреатом премии «Сталинград» стал московский автор Сергей Михеенков за книгу «В донесении

ях не сообщалось».

Премии вручили председатель комитета по культуре администрации региона Виктор Гепфнер и заместитель председателя областной Думы, председатель Правления Волгоградской областной общественной писательской организации «Союз писателей России» Владимир Овчинцев.

«Символично, что вы получаете эту премию в год 65-летия Победы в Великой Отечественной войне, — отметил Виктор Гепфнер. — Ведь все ваши произведения основываются на изучении материалов о тех событиях, личных переживаниях и впечатлениях».

Напомним, что премия «Сталинград» была учреждена администрацией Волгоградской области, Союзом писателей России и его волгоградским отделением в 1996 году. За это время ее лауреатами стали 50 писателей и поэтов Волгограда, Москвы, Смоленска, Кемерово, Ижевска, Астрахани. Среди них — Юрий Бондарев, Маргарита Агашина, Борис Екимов, Евгений Кулькин.

В Алтайском крае прошли Черкасовские чтения

Писатели посетили родное село Николая Черкасова, школу в котором сейчас пытаются закрыть

«И были вместе детство и война» — эти строки поэта-земляка дали название VIII Черкасовским чтениям, прошедшим в Калманском районе Алтайского края под знаком 65-летия Победы, пишет 26 июня в газете «Алтайская правда» писатель Валерий Тихонов.

Справка. Николай Черкасов родился в с. Панфилово Калманского района. После окончания семилетней школы (1953 г.) поступил в Барнаульский строительный техникум. Работал столяром, участвуя в строительстве целлюлозного совхоза «Комсомольский» Павловского района. После демобилизации из армии работал на барнаульских заводах, в краевом архиве. Николай Черкасов — член Союза писателей России, автор девяти прижизненных и двух посмертных книг. Он — лауреат краевой литературной премии имени В. М. Шукшина. Переводил стихотворения укра-

инских, белорусских, алтайских и немецких поэтов. Плодотворно сотрудничал с композиторами.

Члены краевой писательской организации Союза писателей России побывали в селах района. Они посетили родину поэта Николая Черкасова — старинное село Панфилово, побывали в средней школе, на которой установлена памятная доска в честь поэта.

В последние недели это село неоднократно упоминалось в краевой прессе, став очередным символом противостояния родительской и учительской обществности с командой алтайского губернатора, по инициативе которой в регионе в течение ряда лет происходит радикальное сокращение школьной сети. В своем отчете о посещении родного села поэта, мастера пера, однако, никак не упоминают о конфликте (земляки Николая Черкасова в по-

пытках спасти школу от притязаний чиновников пытаются апеллировать к его имени).

В селе Бураново прошла творческая встреча с учащимися средней школы. В райцентре Калманка с читателями центральной библиотеки общались поэты и прозаики Людмила Козлова, Владимир Коржов, Андрей Лушников, прозаик и публицист Анатолий Кирилин, композитор Михаил Стариков. Затем в музыкальной школе Калманки состоялось большое литературно-музыкальное представление, на котором выступили лучшие творческие коллективы района. О жизни и творчестве поэта Николая Черкасова размышляли его друзья и коллеги, а близкий друг поэта Михаил Стариков исполнил песни, написанные на его стихи.

Краевая премия имени Николая Черкасова была вручена поэтессе Людмиле Козловой за книгу стихотворений «Росписи дождя». Она вышла в 2009 году в рамках проекта «Издано на Алтае». Библиотечкам всех сел, в которых побывали литераторы в ходе чтений, были подарены книги и экземпляры журнала «Барнаул».

В Курске открыт Дом литератора

Как рассказал председатель Курского регионального отделения Союза писателей России Николай Гребнев, открытие Дома литератора — это подарок всем прозаикам и поэтам от областной власти, в частности от регионального комитета по имуществу, которому принадлежит это помещение. «В течение месяца здесь делали ремонт и вот сегодня мы торжественно открываем Дом литератора. Войдя сюда вы сразу увидите небольшое кафе, где за чашечкой кофе или чая писатели, артисты, представители творческой интеллигенции города смогут вести душевные беседы. Во второй комнате расположится лавка курских писателей, где будет возможно приобрести не только современные издания, но и книги, представляющие интерес исторического плана: например, произведения Евгения Носова, Константина Воробьева. На втором этаже Дома литератора теперь откроется издательский центр, который будет выпускать небольшим тиражом книги курских писателей. Также мы планируем организовать школы для начинающих литераторов, которые будут вести мэтры нашего края», — отметил Николай Гребнев.

Дом литератора теперь станет поистине культурным центром. Каждый месяц тут будут проходить разнообразные мероприятия: мастер-классы курских писателей, дискуссионный клуб, дни автографа, презентации новых книг, дни рождения, дни памяти и другие важные для писателей события.

Дух мятежный К 50-летию Владимира Илюшина

Быть абсолютно свободным от всего — денег, необходимости пробиваться куда-то. Даже в «новой эре», при полном отсутствии «железного занавеса», так жить могут далеко не все.

Амурского писателя Владимира Илюшина считают одним из лучших литераторов области. В этом году ему могло бы исполниться 50 лет.

«Ну, чистый Гоголь растёт!»

Один из лучших — это, конечно, звучит гордо. Но что известно сегодня о Владимире Владимировиче? Нет не только критического разбора его творчества, но даже более-менее подробной биографии. У него самого о жизни уже не спросишь. Да и был он из породы одиночек, тяжёлым в общении. Так что пока есть только люди, которые были с ним близки: кто больше, кто меньше.

Вот что я прочитал в юбилейном буклете о жизненном и творческом пути одного из лучших амурских писателей. Родился Илюшин в 1960 году в с. Новоалександровка Тамбовского района. Учился в Литинституте им. А. М. Горького. Работал в типографии, был грузчиком, кочегаром, сотрудником ВОХР, землекопом в геодзической партии «Дальгипроводхоз». Сотрудничал в

Его жизненной позицией было искусство жить без денег. Фото из семейного архива

газетах Амурской области и Хабаровского края.

Публиковался в журнале «Дальний Восток», альманахах «Приаму-

рье», «Литературный Владивосток», «Рубеж». Член Союза писателей России с 1990 года, прозаик. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Василия Шукшина.

Первая книга — роман «Тихоокеанское шоссе» — вышла в 1987 году в Благовещенске. Затем появились повести и рассказы (сборник «Первому встречному», 1988 год), публикации в различных изданиях и ещё один роман «Письма осени» в 1989 году. Очерк «Две империи» об осознании китайской торговой экспансии Дальнего Востока. И повесть «Глиняный человек» — написанная как бы на одном дыхании по воспоминаниям детства.

Между прочим, опубликованный в Ярославле очерк «Острова» в литгазете русской провинции «Очарованный странник» попался на глаза известному писателю Виктору Астафьеву. Виктор Петрович о прочитанном отозвался так: «Ну, чистый Гоголь растёт! Экая силища в слове. И музыка. Не полковой оркестр, а сводный, фронтальной. И какая органика: ни фальшивинки, ни патетики. Дай-то ему Бог не убежать за околицу островов».

А через пять лет после такой многообещающей похвалы, в 2001 году, Владимира Илюшина не стало. Его нашли сидящим в городском саду на скамейке. Думали — уснул... Это было в Хабаровске.

Иван ЗУБАРЕВ

Праздник, который в Сарове не состоялся

Большой литературный ход по Нижегородской области, который проходил в минувшие выходные с 9 по 11 июля, должен был стать праздником для представителей творческой интеллигенции города.

Во-первых, это прекрасная возможность встретиться и пообщаться с современными мастерами российской литературы: прозаиками, поэтами, публицистами и переводчиками.

Во-вторых, на один день наш город мог стать гостеприимным хозяином и показать все радушие, которым мы, жители Сарова, славимся и в области, и Москве.

В-третьих, члены литературного общества «Радуга» вместе с нашими уважаемыми гостями должны были принять участие в увековечении памяти известного русского писателя Бориса Зайцева, одно время жившего и работавшего в Балькове. Кстати, четыре года назад, во время проведения первого Большого литературного хода, российские писатели приняли участие в закладке бальковской часовни Георгия Победоносца. Рядом с ней и планировалось установить памятную доску в честь Бориса Зайцева.

И, наконец, встреча высоких гостей (среди которых лауреаты различных премий, в том числе государственных и даже международных) с нашими горожанами в Доме ученых могла бы стать глотком свежего воздуха для всех, кто устал от вкусовщины и пошлости, преподносимой нам под видом современной литературы.

Увы! По каким-то неясным причинам местные чиновники российских писателей в Сарове не пустили. Хотя прошлый ход никаких препятствий не встретил. В общем, праздник состоялся на арзамасской земле.

10 июля на базе Арзамасского государственного педагогического института прошел выездной семинар для молодых литераторов, на который приехали более двадцати пяти участников со всей области. Именно на таких семинарах мастера знакомятся с молодыми авторами, разбирают представленные на их суд произведения, дают советы, а некоторые получают путевку в Союз писателей. Я сама, вместе с замечатель-

ными поэтами Геннадием Емкиным и Натальей Колпаковой, была принята в Союз писателей РФ на выездном семинаре, проходившем три года назад в Выксе. А в этот раз приехала поддержать начинающих авторов и принять участие в новой секции публицистики и литературной критики, которой руководил секретарь СП РФ Василий Владимирович Дворцов.

Горячее обсуждение назревших проблем российской литературы на этой секции показало необходимость ее дальнейшей работы, ведь и публицисты, и литературные критики сегодня на вес золота. И это при том, что необходимость в подобных специалистах высока! Так что в следующем семинаре, который планируется провести весной будущего года, смогут принять участие не только писатели, но и журналисты.

Отрадно было видеть среди высоких гостей старшего российского писателя Семена Ивановича Шуртакова, ветерана Великой Отечественной войны, лауреата множества премий. В свои 92 года он полон энергии, по-прежнему много работает и путешествует, а на выездных семинарах делает блестящие разборы работ молодых участников. Секцию поэзии возглавил поэт Анатолий Парпара. На итоговом заседании трое поэтов были рекомендованы к вступлению в Союз писателей РФ. Такую же рекомендацию получил и литературный критик, преподаватель АГПИ Сергей Николаевич Пяткин.

Вместо Сарова на следующий день гости совершили путешествие в Дивеево и по окрестностям, издали-ка посмотрели на наш город по пути на Хитрый. На нижегородскую писательскую организацию и РФЯЦ-ВНИИЭФ, который был готов принять делегацию Союза писателей РФ, ни Шуртаков, ни Парпара, ни Дворцов не обиделись, никаких претензий. Напротив, за проведенную работу искренняя признательность.

А вот нам, членам «Радуги», за наших чиновников стыдно. Окрестные города считают за честь принять у себя Большой литературный ход. В отличие от саровских властей.

Елена ТРУСОВА (КАШЕВА)

Надежде Мирошниченко присвоено звание «Заслуженный работник культуры России»

Глава Республики Коми в пятницу, 11 июня, вручил государственные награды лучшим жителям Коми. Церемония награждения состоялась в преддверии Дня России. Среди лучших жителей республики оказались поэты, учителя, медики, чиновники,

работники нефтегазовой, сельской промышленности и физической культуры. Обратившись к залу, Вячеслав Гайзер поблагодарил награждаемых за «преданность и верность профессии, за доблестный труд, за личный вклад каждого из вас в развитие и процветание республики».

Среди награжденных — поэт Надежда Мирошниченко. Указом президента она была награждена званием «Заслуженный работник культуры России».

— У меня сегодня лучший день года, после вас, это День России, день моей родины, чьей лучшей частью является наша республика, — начала свою речь Надежда Мирошниченко.

В качестве благодарности поэт прочитала собственные стихи и подарила Вячеславу Гайзеру книгу «Возрождение Тобольска», пожелала главе интенсивнее сотрудничать с Союзом писателей Коми, сильнейшим, по ее словам, подразделением писательского сообщества России.

Всего в этот день награжденными 36 человек.

Юрий Баранов

Оставив за рамками статьи свои личные дружеские отношения юбиляром, скажу прежде всего о главном, с моей точки зрения: Александр Ивушкин — русский поэт в чистом виде. В середине прошлого века прославление космополитизма достигло наивысшего накала. Влиятельная эмигрантская критикесса Нина Берберова пошла гораздо дальше марксистских интернационалистов, стремившихся свести дело к тому, чтобы литературы различались лишь языком: она провозгласила, что язык, на котором написано произведение, не имеет значения. Перестройщики поспешили широко растрогать эти её откровения. Они же постарались довести до как можно большего числа читателей и, главное, потенциальных поэтов паскудную идею о том, что не имеет значения, где стоит твой письменный стол — в Санкт-Петербурге или в Сент-Луи, в подмосковном Новом Иерусалиме или в Иерусалиме палестинском. Заметим, это было капиталистическое, глобалистское расширение социалистического лозунга «Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз». Не мытьём, так катаньем оторвать человека от корней...

Не надо думать, что сказанное — некое украшательство статьи, оно имеет прямое отношение к теме. Идеология космополитизма, национального обезличивания и обезличивания очень любезна властям поддерживающим нынешней России и составу её «культурного фронта». Возьмём, например, персональный состав тех делегаций, которые посылают представлять литературу нашей страны на международных книжных

ярмарках. Солидную долю их составляют «русскоязычные» сочинители, откопавшие за рубеж, главным образом в Израиль и США. А из «наших» там неизменно фигурируют такие личности, как помешавшийся на русофобии Виктор Ерофеев, одиозная полуроссиянка-полуамериканка Татьяна Толстая или графоман Лев Рубинштейн. Цель такого отбора очевидна — внушить миру, что «русские» писатели только и мечтают перестав-

посильнее любого из стихотворцев, которых я вижу, например, в путеводителе по «русской» части одной из Франкфуртских ярмарок, попавшемся под руку, а там — Михаил Айзенберг, Александр Бараш, Евгений Бунимович, Асар Эппель, Елена Фанайлова, Игорь Суберман, Анатолий Найман, Ольга Седакова, Владимир Тучков и т. д. и т. д.

Почему я называю Александра Ивушкина «дважды русским»? По-

из нас есть такой круг знакомых, но он или разорван на части вследствие переездов или растворён в столичном многолюдии, так что мы среди толпы незнакомцев кого-то узнаём, а наш поэт постоянно среди известных ему людей. Его мир как бы плотнее, он теснее связан с окружающими, вокруг него как бы нет чужих. Как следствие — для него все свои, ко всем он неравнодушен, все ему интересны. Один из признаков такого самоощу-

Она и без того в позоре чахнет.
А что как снова порохом запахнет,
какую рать отправим на войну.

Без нас России просто не бывает.
Амы как будто Богом позабыты:
к самим себе заботы поизбыты,
а на других — и вовсе наплевать.

Расколотое напрочь —
не сложить.
Поги, забыли,
что в мечтах носили?
Нет благодатней почвы,
чем в России:
на ней нам, мужики,
чего б не жить?!

ДВАЖДЫ РУССКИЙ, ТРИЖДЫ НАШ К 65-летию Александра Ивушкина

вить свой письменный стол куда-нибудь подальше от России, а иных писателей в России нет. А кто есть, того интересуют русские дела, тот — отсталая серость. Кстати, уже поминавшаяся Нина Берберова имела наглость в подобном тоне говорить о великом Бунине.

При таких приоритетах нечего удивляться, что талантливый русский поэт Александр Ивушкин, хотя и удостоен ряда писательских наград, в том числе престижной премии имени Александра Гвардовского, не раскручивается ведущими СМИ, не допускается на ТВ. К слову, о ТВ. Я помню только один случай, когда поэту было предоставлено подряд десять (!) вечеров, то есть десять передач в вечернее время. И это был — кто бы вы думали? — одиозный графоман Дмитрий Пригов, недавно ушедший в мир иной. При таких приоритетах Александру Ивушкину ни оплаченных государством тиражей, ни министерских грантов, ни выступлений во Франкфурте или Париже — не видать. А он

тому что он кровно связан не только с Россией, как все мы, но и со своей малой родиной, что дано, к сожалению, не всем. Известна ходячая формула, что русские поэты рождаются в провинции, а умирают в столицах. Многие из них, обитая на девятом или восемнадцатом этаже мегаполиса, постоянно пишут о родном селе или рабочем посёлке, но это, как говорится, не совсем то (хотя ничьей вины, понятно, тут нет). Александр Ивушкин — счастливчик: он волоколамский, всю жизнь таковым остаётся и останется до конца своих дней. В городе Волоколамске и, наверное, во всём Волоколамском районе Александр Ивушкин знает всех. С этим босоногим колхозным мальчишкой на рыбалку бегал, с этим возил молоко в бидонах с фермы, с этим в самодельном духовом оркестре играл, с тем из-за девочки на танцплощадке конфликтовал. Ну, и работал, конечно, со многими. Тот — бывший сосед, а с внучкой этого его, Ивушкина, дочь за партой сидела... Уточняя: у каждого

знания — очень многие его стихи посвящены конкретным людям.

Одно из лучших, пронзительных своих стихотворений, «Живите, мужики!» поэт посвятил памяти своего друга Александра Архипова:

Вот и друзья уходят в мир иной.
По случаю какому, по болезни...
Всё суемились, всё куда-то лезли,
ушедших лет не видя за спиной.

Отцы — понятно! —
гибли на фронтах:
немало их на той войне осталось.
А тем, кому
ещё пожить досталось,
жились как будто
раненым, в бинтах.

Чего же мы уходим, мужики?
Нас на Руси
становится всё меньше.
И на кого своих бросаем женщин,
которым вдовий посох — не с руки?..

А на кого бросаем мы Страну?

Понятно, что посвящённое старому другу поэта стихотворение обращено ко всем нам. Это большое искусство — говоря разговорным языком о простых вещах с конкретным человеком, поднимать до высот социальных, философских обобщений. Отдельная тема — интонации Александра Ивушкина. Думаю, они были заложены в его подсознание чистой русской речью его родителей, дедушек и бабушек. Таких интонаций никогда не обретают стихи тех, кто в колыбели, да ещё раньше — в материнской утробе вынужден был впитывать жаргон, сленг, чуждые акценты.

Сказанное — лишь часть тех причин, по которым наш поэт-юбиляр столь любим в родном краю. Мы, его друзья, могли не раз в этом убедиться. А сожаления об отсутствии Александра Ивушкина в Парижах и Франкфуртах — это сожаления не о том, что он там не бывает, а о том, что на этих литературных форумах вместо прекрасного чисто русского поэтического слова сплошь да рядом звучат подделки.

Александр Ивушкин,

г. Волоколамск

МЫ - ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ

Другу детства -

Вячеславу Карабанову

Счастливые, что уцелели,
не каждый Богом бережён,
они плясали, пили, пели
и жарко обнимали жён.

С Победой - беды не забыли.
И на работу шли, как в бой.
И то, чего недолюбили,
хотели сразу взять - с лихвой!

В бараках потолки потели,
святой любви пришла пора.
И койки старые скрипели
в поселке нашем до утра.

И впрямь надеждами питались.
Амы - хоть день и ночь зови! -
лишь к сроку с криками рождались,
как есть зачатые в любви.

Ветра холодные трубили,
из труб струился чахлый дым.
Но нас родители любили
и мы платили тем же им.

В несётной жизни не тужили:
казалось - нас счастливей нет!
Да и в нахлебниках не жили,
шли на работу с малых лет.

Купонов на лету не стригли,
стремясь взойти на пьедестал.
Не все больших высот достигли,
но каждый - Человеком стал.

СОЛДАТКИ

Нашим матерям
к 40-летию Победы

Пили бабы самогонку.
Дёшево - да зло!
А в догонку пели звонко,
чтобы за село
улетала песня эта -
словно горький дым!..
Ни ответа, ни привета -
за селом седым
не звенит давно трёхрядка,
- гармониста нет.
Без него поют солдатки
сорок долгих лет.

Сорок тяжких лет - не в жилах!
ноченьки да дни.
Так живут, как жизнь сложила:
до сих пор одни.
И гармонь осиротело
смотрит из угла.
А ведь как сыграть хотела -
рук родных ждала.

Верь - не верь, её товарищ
на войне убит.
Перламутр чутких клавиш
тишину хранит.
Коли надо, стала б прежней -
только пальцем тронь!
Гармонист один заезжий
пробовал гармонию.

Но рукам его несмелым -
впору зарыдать! -
всё, что знала и умела,
не смогла отдать.
Память - просею на прядках,
влагою - из глаз!
Самогонку пьют солдатки
в сорок первый раз.

НАШИМ ВЕТЕРАНАМ

На глазах уходит поколение
наших самых славных стариков.
Живших - как по Божьему веленью,
так и по веленью дураков.

Сколько доброты в себе носило,
сколько чистой веры и ума!
Сколько всепрощения и силы!..
Не пугал ни труд их, ни сума.

Пытаны войной, тюрьмой и вошью,
жизнь пройдя до смертного креста,
не братались ни с врагом, ни с ложью,
непростой была их высота.

Не было таких и впрямь не будет,
беспросветны дали впереди.

Если скажет кто, не верьте, люди:
мол, таких в России - пруд пруди.
Жизнь прожить и умереть красиво,
это вам - не поле перейти.
Уходя, мечтают, что Россия
все-таки найдет себя в пути.

Мы-то, мол, пожили и - довольно.
Слава тебе, Господи!.. Прости!..
А вот за детей и внуков больно:
что их ждёт по жизни впереди?

На глазах уходит поколение,
так и не дожив до светлых дней.
Вроде бы уходит со смиреньем,
но с укором к Родине своей.

ГОДЫ НАУЧИЛИ
Я дом построил.
Кошку в дом впустил.
Деревьев посадил - не помню счёта.
И сыновей по совести растил:
построже - на грядущее с учётом.

Всё это так. А раньше - молодым! -
я, как сынок, был в бедах и ошибках.
Всё, что давалось, обращал я в дым,
жался о былом не очень шибко.

Друзей по жизни, вроде бы, имел.
Но не сберёг, гуляя ветром в поле.
Быть может, потому, что не умел
я понимать их и горести, и боли.

И женщин, вроде, я боготворил.
Но, их любовь изведав очень рано,
с годами избежал самообмана
и - лишь одну себе я подарил.

Я был неправ. И - уходил в запой.
А во хмелю терял свою дорогу.
Господь дал силы справиться с собой.
И я умел, трезвее понемногу!

Прошли года.
И мне не стыдно жить,
я чёрный цвет не называю белым.
И, может, потому и бросил пить,
что зла другим по умыслу не делал.

ОТЦОВСКИЕ МЕДАЛИ
С фронта батя мой вернулся -
не был я ещё рождён.
Всю войну в окопах гнулся,
ранен был и награждён.
Говорят, был зол и колот.
Знали даже - отчего.
И сидевший в нем осколок
доконал-таки его.

Ничего не помню толком.
Память детства, как зола.

Помню только, как трёхтонка
гроб с батяней повезла.
Не несли за ним награды,
не водилось раньше так.
Толковали без бравады:
- Важно, что повержен враг.
Я шинель батяни трогал,
мерил плечи в ширину,
а потом бежал к порогу -

за рекой играть в войну.
Палку выстругал под шпагу,
автомат из реек сбил
и медалью «За отвагу»
сам себя я наградил.
Дверь открывши, из овина
фрицев выкурил с трудом.
И - «За взятие Берлина»
наградил себя потом.
Мы высот своих не сдали!
Немцы - все побеждены!
И отцовские медали
были нам тогда нужны.
Но в разрушенном бараке
я за друга в драку встрял.
И в пылу той самой драки
все медали растерял.
Что там в возрасте ребячьем,
коли горе - не беда?
И своим негромким плачем
я утешился тогда.

Но - другие дни настали:
память мстит издалека
за отцовские медали,
что я спёр из сундука.
Чем за дедовы заслуги
отчитался завтра я,
если вдруг, взрослея, внуки
тихо спросят у меня?..

РОССИЯ УХОДЯЩАЯ
В родной деревне поостыли печи,
- который год без отчего огня.
В божницах
не горят престольно свечи.
Далече поразъехалась родня.

Густеет грусть
среди заросших пашен
и хищного круженья воронья.
И день грядущий безнадежно
страшен
в сплошных посулах пошлого вранья.

Оторпело мы болеем Русью -
праправнуки Иванов-дураков.
Ущербно стонут воды
в старых русях,
лишаясь переводных родников.

Лишь церковь в стройлесах,
как в паутине,
запуталась - крылами не взмахнуть.
И - хочет возродиться, как в помине,
пытаясь к веревке наш народ вернуть.

И я - когда-то деревенский в доску,
а ныне - безотчётно городской,
гляжу на худощавую берёзку
с необъяснимой разуму тоской.

ТРЕВОГА

Искалеченная Русь -
злойбой, войнами, дурманом
и предательским обманом -
потерять тебя боюсь.

То ли - дурь, а то ли - хмель!
Как ненужную поклажу,
«думцы» сдали на продажу
благодать твоих земель.

Где ж души российской твердь -
та, что нам давала силу,
та, что недругов бесила?..
Нет её теперь и - впрямь!

Можно долго верещать.
Но - случись война с врагами,
без опоры под ногами,
как мне дом свой защищать?..

РЕАЛЬНОСТЬ

Николаю Рачкову - дружески
Не понимаю, в чём издревле
мы так повинны и грешны?
Уходит русская деревня
и дни её предрешены.
Бесславной тенью - очень скоро,
сквозь сорняковый строй стеблей,
уйдёт надежда и опора
цивилизации моей.

Где было всё добрей и чище,
где - сладок хлеб, как плод туда!..
И где никто тебе не сыщет
беды, не ведая стыда.

И где, с наветом вражьем споря,
набат качался вешевой.
И где родник спасал от хвори
своей водичей ключевой.

Иначе стали жить.
Не зря ли?!
Пытаясь прошлое предать,
мы все в безвременье попали -
конца и края не видать.

Геннадий Крамор,
сотрудник Культурного центра
П. П. Ершова

«Если Пушкин — наше всё, так отдадим ему всё наше!» — так остроумно прокомментировал тюменский журналист Анатолий Омельчук старания приписать «солнцу русской поэзии» авторство сказки «Конёк-Горбун». Пушкинисты отмахиваются от «сенсационных литературоведов», как от назойливых мух. Лето юбилейного для Пушкина 2009 года разогрело их пыл. Рой «разоблачительных» публикаций облепил Интернет, газеты и телевидение. Неискушённые читатели и зрители были ошарашены градом научнообразных аргументов с единым финалом: «Не мог Ершов написать столь гениальную сказку!»

Пушкинисты благородно молчат. Они называют подобные версии «чужью собачьей». Они правы. Но ершововедам, живущим на родине Петра Павловича, трудно смолчать. Ведь не только сказку отбирают у её автора, — у Тюменского края отбирают имя, которым он законно и по праву гордится. Отбирают накануне 200-летнего юбилея поэта!

Доцент кафедры литературы Ишимского государственного педагогического института им. П. П. Ершова кандидат филологических наук Татьяна Савченкова в своей статье в журнале «Литературная учёба» (№ 1 за 2010 г.) подробно разобрала все доводы тех, кто пытается оказать Пушкину медвежью услугу. Их научнообразность рассеялась как дым.

Рождение легенды

Когда же родилась версия «ино-го» авторства сказки «Конёк-Горбун»? В прошлом году ей исполнилось 175 лет, а версии о «неавторстве» её создателя — всего 13. В 1996 году впервые появилась статья литературоведа Александра Лациса под броским названием «Верните лошадь!». «Сенсация» мгновенно разлетелась по столичным и провинциальным газетам. Но в спину Лацису уже дышал историк литературы Вадим Перельмутер. Он дерзко вынес на титульный лист своего издания «Конька-Горбуна» имя Пушкина, — пока ещё с вопросительным знаком. (Эту книгу нам довелось видеть в библиотеке Пушкинского Дома — её преподнесли академику Лихачёву, но Дмитрий Сергеевич предпочёл не держать в своём доме столь курьёзное издание.)

Вскоре Александр Александрович ушёл в мир иной, а Вадим Гершанович уехал искать лучшей доли в Америку. Упавшее знамя вновь затрепетало в руках бывшего инженера Владимира Козаровецкого. Он творчески углубил и дополнил теорию своего учителя, трудолюбиво отражая каждый этап «исследования» в либеральной прессе.

Столь солидная платформа для словесных орудий Владимира Абовича, направленных в сторону тобольского «пьяницы и литературного вора», поколебала уже не только ветреную публику жёлтой прессы, но и вечно сомневающиеся интеллигентские умы. Но насколько верно и всесильно учение Лациса-Перельмутера-Козаровецкого?

Мал, да удал

Ершов был слишком юн и малообразован, чтобы написать гениальную сказку. Ну и пусть «говорят, что пишет каждый в девятнадцать лет», — юноше из провинциального Тобольска в этом праве «сенсационные литературоведы» отказали. К тому же не

создал больше ничего, что снискало бы всемирную славу, а прожил до 54 лет. Значит — не автор.

Судить о безупречности подобной логики оставим читателю. Загадка юношеской вспышки таланта Ершова будоражит не одно поколение исследователей. Профессор Вячеслав Кошелев, например, объясняет её так: «Конька-Горбунка» мог написать только человек, сохранивший непосредственное детское мировосприятие, но уже овладевший приёмами классического стихосложения. А потом Ершов просто повзрослел, и его «взрослые» стихи и проза были хороши, но уже не вызвали столь живого отклика среди жаждущей диковинок публики.

Но простые пути не устраивают тех, кто стремится погреться в лучах славы великих литературных имён. И вот рождается постмодернистская сказка о рождении сказки. Набросалде Пушкин рифмованную историю про Ивана-дурака и помощника его Горбуна, да с иносказаниями: стра-

сёнкову от 28 июня 1838 года: «Я получил письмо ваше... и соглашаюсь на 2-е издание моей сказки». Так же и в 1856 году: «Конёк мой снова поскакал по всему русскому царству, счастливый ему путь».

«Вина» Ершова — лишь в том, что не сохранилась рукопись первой редакции сказки. Она утрачена уже в XX веке. Но ведь и его оппоненты честно признаются: документальных подтверждений у них нет.

Поэтому, чтобы подпереть шаткие конструкции сны, на которой разыгрывается «комедия разоблачений», В. А. Козаровецкий подготовил ещё одно косвенное доказательство. Дескать, Ершов требовал у Сенковского (почему-то через семь лет!) оплаты за журнальную публикацию первой части сказки, но ему в этом было «совершенно справедливо» отказано, потому как произведение — не его. Казалось бы, вот образчик удивительного нахальства и беззастенчивой наглости! Но скорее эти эпитеты отно-

ем: вот «кобылица молодая» и трое подаренных ей Ивану коней!

Пушкинские рукописи призываются в свидетельства «ершовского злодеяния» неоднократно, и с той же методикой. В. Г. Перельмутер и В. А. Козаровецкий утверждают, что в «фонде А. Ф. Смирдина» сохранилась собственноручно им сделанная опись бумаг, среди которых числится написанное Пушкиным посвящение «Конька-Горбуна», т. е. первые четыре строки сказки. И опять перед нами — спутанный шаловливыми котятками клубок. «Посвящение» — это надпись, предшествующая произведению, указывающая, в честь кого оно написано или кому преподносится. Как известно, такого посвящения у «Конька-Горбуна» нет. Авдавать за посвящение начало текста — приём, недостойный даже первокурсника филфака.

Увы, похоже, что оба литературоведа не видели этой описи. Зато Т. П. Савченкова не поленилась отыскать документ. Оказалось, речь идёт о

вась в прокрустово ложе «мистификации», поскольку или несут на себе имя автора, или вовсе не являются художественной литературой. Ну, и в третьих — ещё в 1930-х годах архивист и историк литературы Л. Б. Модзалевский убедительно доказал, что «Опись Опеки» составлена крайне небрежно и из неё «нельзя составить никакого впечатления о том, в каком порядке или системе Пушкин хранил на полках свои книги».

И уж полный диссонанс в этой пьесе — развитее В. А. Козаровецким утверждение А. А. Лациса, что на экземпляре «Конька-Горбуна» из собрания Пушкина не было дарительной описи, ведь «мнимый, подставной автор не мог преподнести Пушкину его собственное сочинение». Позвольте, так откуда же знать, была ли надпись, если книга утрачена?! А подписывать свою сказку Ершов вовсе не стеснялся. Так, ещё в начале XX века в Тобольском музее хранился экземпляр первого издания «Конька-Горбуна» с надписью «Милой Серафиме», подаренный поэтом жене 23 сентября 1839 года, через 15 дней после свадьбы. Известно и третье издание с автографом Петра Павловича: «Тобольскому Уездному училищу от автора. 16 января 1844 г.»

Испорченная сказка

Итак, конструкция «исторических» доказательств не-авторства Ершова напоминает карточный домик. «Стилистически» же доводы — сплошная вкусовщина. Петра Павловича обвиняют в том, что он «испортил» классически-стройный «пушкинский» текст сказки изменениями, внесёнными в 4-е и 5-е издания (возрастание объёма просторечной лексики, восстановление цензурных лакун и т. д.). Между тем беспристрастные филологи ясно отличают пушкинскую и ершовскую стилистические манеры. И. З. Сурач, например, отмечает «семантическую ёмкость и одновременную стилистическую нейтральность» пушкинского сказочного слова и «эмоциональную наполненность, необычность и новизну для просвещённого читателя» ершовской лексики — даже в первом издании.

Методика стилистического анализа антиершовцев очень проста. Силится «восстановить» оригинальный «пушкинский» текст сказки из «испорченного» ершовского текста двух редакций, В. А. Козаровецкий оговорился, что «окончательный текст сказки сформировал по принципу: во всех случаях, когда исправления текст очевидно ухудшают, они отбрасываются как ершовские; в тех случаях, когда исправления текст заметно улучшают, они принимаются как пушкинские, в остальном (где преимущество той или иной редакции не столь очевидно) — положившись на собственную интуицию...»

А ведь настоящая наука не знает лицемерия.

Укол от Уколовых

В августе 2009 года к 140-летию со дня смерти Ершова на его могилу лёг газетный «веночек» от четы музыковедов Е. Л. и В. С. Уколовых. Они вздумали освежить свою версию восьмилетней давности, где, опираясь на аргументы А. А. Лациса, приписывают авторство сказки «Конёк-Горбун»... уже не Пушкину, а арфисту и композитору Николаю Девитте! Не утруждая себя поиском хотя бы дутых доказательств, они голословно утверждают, что талантливый музыкант-филантроп, желая помочь бедному сибирскому студенту, подарил ему текст сказки с правом единственной публикации. Последующие произведения, публиковавшиеся в столичных журналах под именем Ершова, Уколовы (в духе Козаровецкого) разделили на две категории: те, что получше — украдены у Девитте; что похуже — накропал сам Петр Павлович...

Пожоже, что именно образ «сенсационного литературоведа» конца XX — начала XXI века пророчески стоял пред мысленным взором Петра Павловича Ершова, когда писал он в своей сказке строки:

«Вишь, что старый хрен затеял: Хотел жать там, где не сеял!»
Ершов («Конёк-Горбун», ч. 3)

«Медвежья услуга» Пушкину не нужны «Сенсационные литературоведы» пытаются отнять сказку у Ершова

дающий кит — николаевское полицейское государство, три десятка кораблей в его утробе — томящиеся в Сибири декабристы, коварный спальник — шеф жандармов Бенкендорф и т. п. Такого личный цензор Пушкина император Николай I никак не пропустил бы. И Александр Сергеевич входит в сговор с журналистом А. О. Сенковским, издателем А. Ф. Смирдиным и профессором П. А. Плетнёвым. Сказку решено издать за именем подставного лица. Плетнёв находит студента Петербургского университета Петра Ершова. Его просят переписать рукопись набело (обычный заработок студентов), а после уговаривают поставить под неё свою подпись. Заговор удался. Сказка вышла в 1834 году. Она покалечена цензурой, но незначительно (к студенту отнеслись снисходительно), Пушкин получил деньги для картёжных утех, остальные участники мистификации тоже не остались внакладе. Правда, опомнившийся Ершов стыдится сделки с совестью и в разговорах или переписке не называет сказку «Конёк-Горбун» своей. К тому же текста, написанного рукой Ершова, не сохранилось.

Информация, мягко говоря, не совсем верная. Рукопись, хотя и не первой редакции, есть — она хранится в РГАЛИ. Ершов не стыдился называть сказку своей. Например, в письме к книгопродавцу и издателю И. Т. Ли-

сятся к приёму Козаровецкого — выдёргивать факты из контекста исторического источника (воспоминаний А. К. Ярославцова). Ведь Ершов добивался оплаты публикации не сказки, а стихов, присланных уже из Тобольска. И Сенковский после этого случая вовсе не разорвал отношения с «бездарным провинциалом». Например, в 1858 году он пригласил Ершова сотрудничать в журнале «Весельчак», и Пётр Павлович принял это предложение.

Горбатый Пушкин

Чтобы удобнее оседлать «певца свободы», «сенсационные литературоведы» придали ему облик... Конька-Горбуна! Образ конской головы с чертами курчавого профиля вынесен В. А. Козаровецким на обложку скопированного им издания сказки, где имя Пушкина красуется уже без вопросительного знака. Намёк прямолинейен: вот же он, Александр Сергеевич, сам себя в образе Горбуна и нарисовал! Ну и пусть на рисунке нет ни горбов, ни аршинных ушей, и создан он в 1825 году — за 9 лет до сказки. Это не останавливает полёт фантазии. Лошадина голова с кудряшками найдена А. А. Лацисом на рисунке, сделанном поэтом на черновике стихотворения «Андрей Шенья». Всего там семь голов. Но Лацис обрезает рисунок до четырёх лошадей и поражает читателя «гениальным» озарени-

«Списке с «Описи бумаг А. Ф. Смирдина» в составе архива коллекционера П. К. Симоны в рукописном отделе Российской национальной библиотеки. Опись составлена уже после смерти книгоиздателя, а потому не могла быть написана его рукой. Это алфавитный перечень автографов и других бумаг, имеющих отношение к известным литераторам. С Александром Сергеевичем связано несколько коротких записей, среди которых — «Заглавие и посвящение Конька-Горбуна». И всё! Никаких начальных строчек, написанных рукой Пушкина, ни тем более доказательства его авторства из этой конспективной описи деловых бумаг не следует.

Полка с мистификациями

На этот случай «сенсационные литературоведы» приберегли «рояль в кустах». Звучит этот рояль очень завораживающе. И мы охотно верим, что в кабинете с пушкинской библиотекой есть особая полочка, куда поэт ставил литературные мистификации. И на этой полочке стоит «Конёк», а это — оставленное Пушкиным свидетельством не-ершовского авторства.

«Хорошо поёт. Громко». Но фальшивые ноты громкостью не укроешь.

«Конёк-Горбун» действительно был в пушкинской библиотеке. Об этом свидетельствует опись, входящая в документ с названием «Архив Опеки над детьми и имуществом А. С. Пушкина». Основной корпус книг поэта сохранился, но сказка П. П. Ершова утрачена. Только вот стояла ли она на «полке с мистификациями»? Была ли такая полка? А. А. Лацис принимает за аксиому, что опись отражает порядок, в каком стояли книги на полках, берёт на рассмотрение позиции 739-748, среди которых под № 741 значится и «Конёк-Горбун», и с лёгкостью утверждает: сказка стоит в ряду мистификаций!

И вновь перед нами — гамма подтасовок и недоговорённостей. В первых, для Лациса аноним (книга без указания авторства), псевдоним (автор скрывается за вымышленным именем) и мистификация (автор маскируется именем другого человека) — явления одного порядка. Однако в ту эпоху анонимные и псевдонимные издания были в порядке вещей, — одной полки не хватало бы. Во-вторых, Лацис почему-то выпускает из поля зрения три позиции из выбранной им «десятки». Почему? Да просто потому, что они никак не делают укладки-

Волшебный мир чтения

Волшебный мир чтения

Многолетний партнёр Товарищества детских и юношеских писателей России - Международный научный

проект «Литературное творчество в системе социокультурного развития личности» во главе с доктором педагогических наук, профессором Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств Галиной Владимировной Варгановой выпустил в свет замечательный литературно-педагогический альманах «Волшебный мир чтения», предназначенный для библиотечных работников, учителей школы, руководителей литературных студий, родителей. Среди авторов сборника - члены ТДЮПР: детские поэты Светлана Войтюк (Уфа) и Александр Степанов (Оренбург), прозаики Олег Трушин (Московская область, г. Шатура), Сергей Георгиев (Москва), Ирина Репьёва (Москва), Ольга Максимова-Гарнат (Мурманск), Андрей Неклюдов (Санкт-Петербург).

В оформлении сборника использованы иллюстрации Сергея Репьёва к сказочной повести Яна Бжехвы «Академия пана Кляксы».

Книга разделена на три части. В первой приводятся статьи представителей научной и литературной общности, в которых рассматривается влияние чтения и литературного творчества на личностное развитие школьников. Как эффективно обучить чтению? По каким технологиям? Во втором разделе даются методические разработки уроков внеклассного чтения на основе произведений современных авторов. В третий раздел вошли произведения отечественных писателей - лауреатов международных и всероссийских конкурсов.

Ирина ЛАНГУЕВА

Алла Линева - для детей и подростков

Алла Линева. Удалёка, с той планеты: Стихи и рассказы для детей и подростков. - Липецк: ООО «Неоновый город-Л», 2009. - 256 с.

Алла Линева известна российскому читателю как тонкий лирик, погруженный в мир интимных чувств и переживаний.

Для автора характерно повышенное чувство важности собственного прошлого. Особое значение приобретают слова «дом», «детство», «память».

Преобладающая интонация этих произведений - элегическая. Писатель вновь и вновь возвращается к воспоминаниям детства и юности, проникновенно говорит о земле своего детства, Липецком крае, где родилась и выросла, где впервые познавала мир.

Природа в её книге - это не просто фон, но воплощение красоты и гармонии, олицетворение идеала естественной жизни, столь характерного для русской литературной традиции:

*Я живу в других просторах.
Не ищи и не зови.
Там качаются в озёрах
Облака и журавли.*

*Там и радуга такая,
Что захватывает дух:
И сквозь тучи проникает,
И туда, где свет потух...*

Дожди и зерна Регины Бондаренко

Регина Бондаренко. Дожди и зерна: Стихотворения. М.: «Российский писатель», 2010. - 112 с.

Читатель, привыкший полагать, что большие русские поэты не изменяют традиционным формам стиха, отнесется к книге Регины Бондаренко, наверно, с предубеждением. И зря. Потому что, как свидетельствует сама наша же русская литература, традиционная форма выражает лишь мастеровых, но лишенных собственного таланта прозаиков и поэтов. А вот таланту более свойственна внутренняя свобода и обретенное этой свободой собственное лицо. И если уж говорить о высокой традиции русской литературы, то она, конечно же, выражается не в преемственности формы, а в упрямом сохранении вершинных обретенных в духовных и нрав-

ственных сферах. Вот и вчитавшись в стихи Р. Бондаренко, где «сеется сквозь пальцы Демидурга/застенчивая очевидность чуда», невольно подчиняешься глубокому течению её мысли и чувств, живому мерцанию её красок, зачастую и очень сложной, но не затрудняющей читательское дыхание мелодике её стиха.

Вслушайтесь:

*схватить на лету
с полуслова
с обрыва
связать
и крепость проверить на ощупь
а что я хотела
сказать
да и правда
хотела ли что-то сказать
так это поверь
не второе десятое дело
пустая затея
ловить облака на уд
воспитывать ветер
и эху перечить
да ладно
не то что мизинцем
эпитетом не поведу.*

Если уж искать среди наших классиков того поэта, которому Регина Бондаренко подобна, то скорее всего я назвал бы Есенина. Та же стихия слова, всё преодолевающая и одолеваяющая по законам красоты, по законам всевластности художественного слова.

Или — назвал бы Льва Толстого, с предельной достоверностью изображающего (даже Наташу Ростову пи-

сал с себя!) нашу живую человеческую душу.

Потому-то именно в стихах Регины Бондаренко читатель XXI века обнаружит собственное пока не высказанное чувство, собственный, пока еще не застывший образ:

*вольнО же мне так размениваться
не числить цен словесам -
так дождь безрассудно сеется
и не замечая сам
расплаивается радугой
во всю световую ширь;
так зеркало знает ли падая
что в каждом осколке — мир;
так сад рассыпает бесчисленные
бесчисленные лепестки -
а я ни о чем не думаю
я чую мудрость руки
что мнет меня и ломает
и раздает гольфы
по крохам — и я не знаю
кто я сама себе» («дар»).*

Конечно, в ту пору, когда, например, симоновское стихотворение «Жди меня» или сурковское «Враги сожгли родную хату» все запоминали наизусть, человеку приходилось отвечать на вызовы более чем внятные. Но, как мне кажется, Регине Бондаренко удается и из нынешних наших осколков, из нынешних наших душ, уже утрачивающих своеобразие, воссоздать в своих стихах ту нашу единую человеческую основу, которая вечно состоит только из веры, надежды и любви, из стремления прорасти к красоте и гармонии.

Николай ДОРОШЕНКО

Новая книга Валентины Ерофеевой-Тверской

Композиционно книга состоит из трех разделов: «Летний снегопад» (для самых юных читателей), «Тополный говор» (для школьников) и лирическая поэма «Маршрутом детства», которую писательница посвятила памяти бабушки и дедушки, воспитавшим ее.

Валентина Ерофеева-Тверская — поэт, член Союза писателей России, с 2006 года возглавляет Омскую об-

ластную общественную организацию Союза писателей России. Секретарь правления Союза писателей России. Член-корреспондент Академии «Поэзия». Автор нескольких поэтических сборников. Печатались в газетах: «Литературная Россия», «Литературная газета», «Российский писатель», «Вечерний Омск», «Омская правда», «Юменская правда»; в журналах: «Москва», «Омское наследие», «Литературный Омск», «Мир увлечений» (Омск), «Сибирские Афины» (Томск), «Сибирские огни» (Новосибирск); в альманахе «Иртыш» (Омск). Участвовала в сборниках: «Бабье лето» (Омск), «Антология любовной лирики» (Москва), «Хрестоматия для детей» (Омск), «Антология произведений омских писателей», «Городна Иртыше» (Омск), «Формула времени. Культура и искусство Омской области на рубеже веков и тысячелетий» (Омск).

Художественным оформлением сборника «Ожидание чуда» занимались омские художники Дарья и Владимир Чупилко. Книга издана в Екатеринбургском издательстве «Министерство культуры Омской области».

Из почты «РП»

РУКИ-ТО Я ВАМ НЕ ПОДАМ!

В своей безобразно написанной заметке главный редактор «Литературной России» Огрызко В. призвал меня к ответу. Отвечаю по пунктам.

Первое. Касательно подачи материала скажу, что внутри редакционная переписка не подразумевает обсуждения. Я, как неоднократно печатавшийся в газете автор, рассчитывал на понимание и нравственность сотрудников. Нонет. Огрызко недоумевает, в какую-то такую дискуссию я хочу включиться. Это по меньшей мере странно: руководитель издания не в курсе тех споров, которые разворачиваются на страницах его издания. Так не подставная ли он фигура?

Второе. Статью мою, спокойную по тону и конструктивную Огрызко явно не читал. Иначе не стал бы утверждать, что я считаю, что Германия плохо осведомлена в нашей современной литературе. Я писал прямо противоположное: профессор Казак прекрасно знает наших писателей, а вот наш студент, увы, совершенно не в курсе. Виновата ли в этом профессора? Возможно. Но я встречаюсь со студентами лишь на третьем курсе.

Третье. Откуда Огрызко взял, что наши преподаватели не могут принять экзамены у иностранцев? Мне такие случаи неизвестны. Касательно извечной болезни, то полагаю, что это — шизофрения, но её симптомы как раз угадываются в словах главного редактора «ЛР».

Четвёртое. Ситуация со Львом Пировым это, в принципе, наше личное дело. А то, что я предпочёл высказаться за свои авторские права, раздражает Огрызко, а сам он в следующей абзаце ожесточённым образом делает именно это.

Пятое. Это самое главное. Именно этот пункт так сильно возбудил и раздражает Огрызко. Ситуация эта действительно не известна всей писательской общности и требует пояснения.

Было так. Несколько лет назад Огрызко вознамерился издать свои субъективные разрозненные заметки о литературе в объёмистом томе за

счёт столичных налогоплательщиков. Рецензии были сугубо отрицательные. Присутствуя на заседании Совета по книгоизданию города Москвы, я взяла на себя грех, поднялась и сказала, что, в принципе, книга может быть любопытной, если автор внесёт в неё существенные коррективы. Меня поддержал проводивший это заседание первый заместитель председателя правительства Москвы В. Виноградов. Было решено отправить рукопись на доработку.

Казалось бы, живи и радуйся. Кстати, мне Огрызко даже спасибо не сказал, хотя прекрасно знал, кто именно спас эту почти безнадежную издательскую позицию. А главное, вместо того, чтобы, засучив рукава, взяться за доработку рукописи до кондиции в соответствии с замечаниями, он принялся клеветничать, сутяжничать и склочничать. Он забрасывал доносами и жалобами все возможные высокие инстанции, негодовал и брызгал слюной.

Когда же, спустя год, в Экспертном совете Комиссии по книгоизданию увидели «новый» вариант сборника статей Огрызко, стало ясно, что был наведён чисто косметический марафет и почти все рекомендации оставлены без внимания. Допускаю, что свою роль сыграли также клеветы и доносы автора. Так что свою подпись под решением я ставил без какого-либо давления. А касательно кулуарных объяснений могу сказать, что это как раз — стиль главного редактора «ЛР».

Подводя итог сказанному, хотел бы подчеркнуть: если бы разговор шёл о чисто литературных делах, то можно было на этом остановиться. Но поскольку Огрызко перевёл дискуссию в область морали, которая ему чужда, то первым желанием было дать ему пощёчину. Но, зная, что он, как всегда, не поведёт себя по-мужски, начал сутяжничать, таскать меня по судам и прокуратурам, я ограничусь следующим: руки-то я вам впрямь, Вячеслав Вячеславович, не подам.

Сергей КАЗНАЧЕВ

Газета писателей России «Российский писатель» зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, информации, телевидения и средств массовых коммуникаций Свидетельство о регистрации № 106 от 30.06.2000
Подписной индекс в справочнике «Роспечати»:
на полугодие — 35651,
на год — 19655
Учредитель — Союз писателей России.
Издатель — АНО Редакционно-издательский Дом «Российский писатель»

Главный редактор — Николай ДОРОШЕНКО,
зам. гл. редактора — Леонид КУТЫРЁВ-ТРАПЕЗНИКОВ
Редакционный совет:
Лариса БАРАНОВА-ГОНЧЕНКО, Валерий ГАНИЧЕВ,
Валентина ЕФИМОВСКАЯ (г. Санкт-Петербург), Геннадий ИВАНОВ,
Марат КАЛАНДАРОВ (г. Рига), Станислав КУНЬЯЕВ, Михаил ЛОБАНОВ,
Юрий ЛОПУСОВ, Владимир МАСАЛОВ, Ямил МУСТАФИН,
Геннадий ПОПОВ (г. Орел), Михаил ПОПОВ, Владимир СЕРЕДИН,
Виктор СМЕРНОВ (г. Смоленск), Светлана СЫРНЕВА (г. Киров),
Алексей ШОРОХОВ, Семен ШУРТАКОВ, Игорь ЯНИН

Рукописи не рецензируются и не возвращаются
Адрес редакции:
119146, Москва, Комсомольский пр-кт, 13.
Тел./факс: 246-58-43; тел.: 243-53-11
E-mail: sp@rospisatel.ru Сайт: www.rospisatel.ru
Тираж по Москве 1000 экз., по России - 2000 экз.,
зарубежный выпуск - 1000 экз.
Отпечатано в ООО «РОСПРИНТ»
с готовых оригинал-макетов.
Заказ №